

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 3

Май – Июнь 1999

Том 45

Москва

Ядерный Контроль. № 3. Май - Июнь 1999

Содержание

Редакционная статья	3
Обострение российско-американских отношений: корни не в Косово, а гораздо глубже	
Горячая тема	5
Николай Успенский. Экспортный контроль – один из ключевых элементов национальной безопасности	
Геннадий Евстафьев. Экспортный контроль в России: наивно ожидать простых решений	8
Владимир Мисюченко, Светлана Гвоздева, Владимир Орлов. Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки (из стенограммы конференции ПИР-Цentra «Экспортный контроль: законодательство и практика»)	13
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	20
В России. Из досье по химическому оружию	32
В мире	33
Документы	
Федеральный закон «Об экспортном контроле» (Проект, внесенный правительством РФ)»	39
Федеральный закон «О внесении изменений и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации»	50
Комментарий	51
Абрам Иойрыш. Об изменении норм уголовного права, регулирующих использование атомной энергии	
Анализ	54
Александр Калядин. Россия перед лицом <i>дефолта</i> по обязательствам в отношении КХО	
Обзор	61
Владимир Белоус. Характеристики и задачи современного нейтронного оружия	
Полемика	
Роланд Тимербаев. О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ	67
Сергей Решетников. Об участии России в деятельности Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ и перспективах вступления договора в силу	72
Евгений Маслин. ДВЗЯИ и поддержание безопасности ядерного оружия	75
Сообщения	
Мария Кацва. К вопросу о системе лицензирования в России	77
Библиотека	82
Новости ПИР-Цentra	85
Summary	88
Об авторах	91

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****№ 3 (Том 45)****Май – Июнь 1999****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакция:**

Владимир Орлов, главный редактор
 Дмитрий Евстафьев, редактор-консультант
 Карина Фуралева, помощник главного редактора
 Евгений Маслин, консультант
 Иван Сафранчук, обозреватель
 Дмитрий Литовкин, специальный корреспондент
 Алексей Рей, корреспондент

Мария Верникова, секретарь редакции
 Татьяна Абрамова, корректор
 Вячеслав Зайцев, бухгалтерия
 Вадим Козюлин – связи с общественностью и подписка
 Елена Трофимова – компьютерное обеспечение
 Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 117454, Москва,а/я 17, редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7–095–335–1955

(многоканальный)

Факс: +7–503–234–9558**Представительство в Интернет****и электронная версия журнала****(сокращенная):** <http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)library@pircenter.org (библиотека, базы данных и архив)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллинне, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Дмитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железнодорожском, Заречном, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Атланте, Афинах, Бонне, Вашингтоне, Вене, Гарварде, Женеве, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Пекине, Принстоне, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Токио и Франкфурте

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** на 1999 год можно оформить в редакции, за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7–095–335–1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Vadim Koziulin +7–095–234–9558 (fax) or subscription@pircenter.org. Checks or wire transfers. Express mail delivery.

Тираж: 2000 экз.**Подписано в печать:** 29 апреля 1999**Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Алтона Джонса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макаруров, Фонда Форда, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, ГРЦ «КБ им. Академика В.П. Макеева», филиала НПО *Радиовый институт* им. Хлопина (аварийно-технический центр) и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 1999

Ядерный Контроль. № 3. Май - Июнь 1999

Редакционная статья**ОБОСТРЕНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: КОРНИ НЕ В КОСОВО, А ГОРАЗДО ГЛУБЖЕ**

Обострение косовского кризиса и бомбардировки Югославии, осуществляемые НАТО вопреки нормам международного права, сделали доминирующей точку зрения, что отношения между Россией и США возвращаются к моделям периода холодной войны. Более того, утверждается, в том числе и на официальном уровне как в Москве, так и в Вашингтоне, что теперь имеет место ухудшенная модель, по сравнению, скажем, с семидесятыми годами, когда между двумя сторонами действовали неписанные правила игры, позволяющие избежать неконтролируемого обострения.

Доминирование именно такой позиции отражает два важных момента. Во-первых, часть политической элиты России и контролируемые ею средства массовой информации не видят для себя перспектив политического выживания в условиях открытого и демократического общества, вследствие чего стремятся к искусственной изоляции страны, следуя инстинкту политического самосохранения. Во-вторых, замысел Евгения Примакова остался непонятен его западным коллегам, которые увидели в нем прежде всего консерватора и сторонника жесткой линии в отношениях с Западом. Запад старается переиграть академика Примакова, загнать его в угол вместо того, чтобы согласиться на учет российских интересов, которые максимально корректно и приемлемо для Запада пытается выразить российский премьер.

Но правильна ли в принципе постановка вопроса о «возврате к холодной войне»? Представляется, что нет.

Проблема не в косовском кризисе. Он только повод. Корни того, что мы имеем сейчас, надо искать еще в начале девяностых годов. Именно тогда, после развала Советского Союза, ставшего неожиданностью даже для тех, кто об этом мечтал, создалась иллюзия, что теперь возможно все: и мир во всем мире, и однополюсный мир – Pax Americana, и стратегическое партнерство между двумя недавними врагами. Политики не просто чувствовали себя творцами истории, они поворачивали реки истории вспять.

Новое российское, демократическое руководство соблазнилось очень заманчивой идеей – сделать демократический биполярный мир: была конфронтационная двухполюсная структура, а будет кооперационная, но тоже биполярная. Радующие американцев и их очевидная забота о новых властях придавали сил и уверенности, что Запад нам поможет.

Однако скоро стало очевидно, что роль России в этом случае может быть только второстепенной, так как в идейном, концептуальном плане лидерство было за США: сколь бы высоко не оценивали западные партнеры российские успехи в первые годы рыночных и демократических преобразований, тем не менее, сделать идеи демократии и рыночной экономики внешнеполитическими козырями российской дипломатии было нельзя – это были американские сильные стороны. Что же оставалось России? Помогать сеять демократические ценности в разных уголках земного шара. Однако правительство США – это не мировое правительство и не аналог ООН. Оно отстаивает, прежде всего, американские интересы, пусть и под концептуальным прикрытием защиты демократических ценностей.

США, если посмотреть с точки зрения их национальных интересов, совершенно правы, что стали использовать ослабление России в своих собственных интересах, такой исторический шанс выпадает нечасто и использовать его надо сполна. При этом они не учли одного: своими действиями США доказали даже части демократов, что, несмотря на все изменения в мире, сущность, парадигма международных отношений осталась прежней, – доминирование баланса сил как основного критерия определения веса страны на мировой арене.

Осознание того, что США борются не за общие интересы, а за свои (другое дело, что зачастую они совпадают с интересами их союзников) оказалось для российских демократов холодным душем. Стало очевидно, что без идейной, концептуальной составляющей вообще не может быть самостоятельной внешней политики. Творцы внешней политики первого демократического

призыва такую концепцию сформулировать не могли, да и не очень хотели. Понадобились другие люди. На дипломатическую авансцену вышел Евгений Примаков.

Он предложил концептуальную модель – многополярность. Можно спорить о том, хороша она или плоха, какие в ней есть внутренние противоречия, можно вообще не соглашаться с этой теорией. Но тем не менее трудно отрицать тот факт, что эта идея может стать методологическим инструментом внешней политики. Эту идею можно продавать на мировой арене, с ней можно тягиваться в геополитические споры. Эта идея определяет самостоятельность российской внешней политики.

Евгений Примаков не старался специально испортить отношения с Западом. Строго говоря, первоначально он выполнял конкретный заказ президента – предотвратить или хотя бы смягчить для России процесс расширения НАТО на Восток. Но это была локальная задача, не решаемая без более серьезных изменений во внешнеполитическом курсе, главное из которых состояло в том, чтобы вернуть самостоятельность российской внешней политике.

Евгений Примаков стал отыгрывать назад. Наверное, он интуитивно понимал, что должен быть тот оптимум российско-американских отношений, когда эти отношения будут, с одной стороны, неконфронтационными, а с другой, – взаимовыгодными. Одновременно было очевидно, что в начале девяностых годов этот оптимум выдержать не удалось.

США, пользуясь всеми преимуществами сближения с Россией в краткосрочном плане, не оценили усилия Евгения Примакова по выходу на оптимум отношений, для чего необходимо было их несколько охладить за счет изъятия значительного декларативного пласта. США (скорее намеренно, чем случайно) не заметили осторожных, завуалированных, но все-таки понятных посланий Евгения Примакова: лучших отношений с Россией, чем сейчас, США иметь не будут. А вот хуже может быть: обвал, стремительное возвращение в состояние холодной войны отнюдь не исключено, если учитывать рост антизападных, и в особенности антиамериканских, настроений. Предстоящие две предвыборные кампании – парламентская и президентская – вообще могут стать соревнованием кандидатов в антиамериканизме. Пусть нынешний режим не пойдет на конфронтацию и готов будет уступить давлению США. Но чем больше будет краткосрочных выигрышей США, полученных за счет слабости нынешнего режима, тем труднее будет предотвратить холодную войну после 2000 года: краткосрочные преимущества могут обернуться огромными проблемами уже в среднесрочной перспективе – полтора–два года.

Нынешнее обострение отношений можно считать закономерным. Но теперь стороны наконец-то получают возможность в открытую, не прячась за обтекаемыми дипломатическими формулами, отыграть назад и нацупать в откровенном, пусть и жестком, диалоге золотую середину российско-американских отношений, предотвратив тем самым наиболее пессимистические сценарии развития событий.

Горячая тема

25 февраля ПИР-Центр политических исследований провел конференцию «Экспортный контроль: законодательство и практика». Конференция состоялась в Москве в отеле Националь. В ней приняли участие депутаты и сотрудники аппарата Государственной Думы, представители заинтересованных министерств и ведомств, представители промышленности, правительственные и неправительственные эксперты.

Ниже вниманию читателей Ядерного Контроля предлагаются основные доклады и сообщения, сделанные в ходе конференции. Они приводятся на основе расшифровки аудиозаписи конференции с некоторыми редакционными коррективами и сокращениями.

ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ – ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Николай Успенский

Начальник управления международных отношений аппарата Совета безопасности Российской Федерации

Указом президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 года № 1300 была утверждена Концепция национальной безопасности Российской Федерации. В соответствии с ней обеспечение национальной безопасности Российской Федерации осуществляется путем целенаправленной совместной деятельности государственных и общественных институтов, а также граждан, принимающих участие в выявлении, предупреждении различных угроз безопасности личности, общества и государства и в противодействии им.

На сегодняшний день одну из серьезных угроз национальной безопасности РФ представляет угроза распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и ракетных средств его доставки. К чему может привести бесконтрольное распространение ОМУ, думаю, объяснять не надо – религиозные фанатики, террористы, амбициозные политики с ущемленным самолюбием. Все это может поставить нашу страну и весь мир на грань катастрофы.

Несмотря на всеобщие усилия по предотвращению распространения ОМУ, как гром среди ясного неба прозвучали новости о проведении в начале мая прошлого года ядерных испытаний Индией и Пакистаном.

Эти действия не членов ядерного клуба подтвердили настоятельную необходимость скорейшего и всестороннего решения проблемы нераспространения ОМУ.

Реальным средством, препятствующим распространению ОМУ и относящихся к его производству технологий военного, специального и двойного назначения, является международный экспортный контроль, базирующийся на национальных системах экспортного контроля.

В середине мая 1998 года, по итогам совещания *большой восьмерки* в Бирмингеме, по инициативе России и США в совместное коммюнике был включен пункт о проблемах нераспространения ОМУ и средств его доставки. В нем стороны подтвердили свою приверженность обеспечению эффективного претворения в жизнь мер экспортного контроля в соответствии с обязательствами по режиму нераспространения ОМУ.

Этот вопрос занимал существенное место во время российско-американской встречи на высшем уровне, состоявшейся в Москве 1–2 сентября 1998 года. В соответствии с поручением президента Российской Федерации аппаратом Совета безопасности Российской Федерации во взаимодействии с другими российскими ведомствами был отработан с американской стороной документ о сотрудничестве в области экспортного контроля в целях нераспространения ОМУ и средств его доставки. Он является своего рода рабочим планом для реализации решений, принятых по данному вопросу на *восьмерке* в Бирмингеме и в ходе самих переговоров в Москве.

Вопросы экспортного контроля занимают значительное место в повестке дня работы комиссии Гор–Примаков, рассматривающей все аспекты российско-американского сотрудничества.

Сформированы двусторонние российско-американские межгосударственные механизмы, занимающиеся проблемами экспорта военных, специальных и двойных технологий, а также поиском возможных путей решения проблем контроля за этими процессами.

Не прекращаются интенсивные контакты с представителями администрации президента США, Совета национальной безопасности США и Госдепартамента США по вопросам, связанным с проблематикой нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий. Так, встреча по этим вопросам состоялась в Москве 22 февраля 1999 года у занимавшего в то время пост руководителя администрации президента Российской Федерации Николая Бордюжи с первым заместителем Госсекретаря США Стروبом Тэлботтом.

Не буду вдаваться в подробности, но известно, что вопросы нераспространения ОМУ и средств его доставки постоянно рассматриваются в рамках действующих международных режимов нераспространения. Их, вы знаете, существует шесть, и Россия участвует в пяти из них, кроме Австралийских договоренностей, которые, как мы считаем, во многом дублируют режим Конвенции о запрещении химического оружия.

Все эти факты свидетельствуют о том, насколько большое значение придают все страны вопросам борьбы с распространением ОМУ и средств его доставки.

Как я уже сказал, Россия, так же как и другие цивилизованные страны считает, что наиболее перспективным средством предотвращения распространения ОМУ является действенная национальная система экспортного контроля.

Первые шаги по созданию национальной системы экспортного контроля у нас в стране были сделаны еще в начале девяностых годов. В последнее время президент Российской Федерации уделял данному вопросу особое внимание. По его поручению правительством Российской Федерации были предприняты дополнительные шаги в плане упорядочения

нормативно-правовой базы, регулирующей область экспортного контроля.

В порядке выполнения международных обязательств, принятых на себя Россией, правительство Российской Федерации приняло:

- постановление №57 от 22 января 1998 года «Об усилении контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения, имеющих отношение к оружию массового уничтожения и ракетным средствам его доставки». Суть его состоит в том, что российским участникам внешнеторговой деятельности, независимо от форм собственности, предписывается воздерживаться от экспортных сделок с любыми товарами и услугами двойного назначения, не подпадающими в обычных случаях под действие нормативных правовых актов Российской Федерации по экспортному контролю, если им известно, что данные товары и услуги могут быть использованы при создании ОМУ и ракетных средств его доставки. Был введен режим всеобъемлющего контроля (действующий в основных западных странах – *catch-all*), который дает возможность рассматривать любые вопросы, не подпадающие формально под ограничения режимов экспортного контроля, но относящиеся к двойным технологиям;
- 14 мая 1998 года подписан указ президента РФ №556 «О правовой защите результатов научно-исследовательских и технологических работ военного, специального и двойного назначения», объявляющих фактически все результаты научно-исследовательских работ в оборонной области интеллектуальной собственностью государства;
- 12 мая 1998 года в целях обеспечения выполнения постановления правительства РФ №57 от 22 января 1998 года составлено Методическое руководство по созданию на предприятии (в организации) внутрифирменной системы экспортного контроля. Документ предназначен для оказания организационно-методической помощи российским предприятиям и организациям различных форм собственности, участвующих в международном обмене товарами, работами и услугами, в разработке и внедрении внутрифирменных систем экспортного контроля.

Однако, как показывает время, экспортный контроль не может быть действенным без законодательной базы. 30 июля 1998 года решением правительства РФ в Думу внесен проект федерального закона об экспортном контроле, который имеет своей целью создание прочной правовой основы для дальнейшего совершенствования системы контроля за экспортом *чувствительных* технологий. Государственная Дума отдала должное важности данного вопроса, приняв проект закона 18 декабря 1998 года подавляющим большинством голосов в первом чтении. Очередное, второе чтение, должно состояться в ближайшее время, причем ожидается, что в проект будут внесены поправки и уточнения, создающие более эффективную базу его применения.

Для нас принципиально важно, чтобы критерии всеобъемлющего экспортного контроля за военными товарами, товарами и технологиями двойного применения приобрели в России законодательный характер.

В соответствии с прямым поручением президента Российской Федерации Бориса Ельцина секретарю Совета безопасности Российской Федерации заняться вопросами координации налаживания системы экспортного контроля в России аппарат Совета безопасности принимает энергичные усилия в этом направлении:

- 29 мая 1998 года распоряжением секретаря Совета безопасности РФ создана рабочая межведомственная комиссия по проблемам нераспространения ОМУ и средств его доставки;
- под эгидой Совета безопасности РФ проведен ряд совещаний с руководителями заинтересованных министерств и ведомств, которые способствовали выработке единого подхода к вопросам налаживания системы экспортного контроля. Последнее по времени такое совещание состоялось под руководством Николая Бордюжи в администрации президента Российской Федерации 11 февраля 1999 года. Главная мысль состоявшегося обсуждения – нам необходимо энергично вести работу по наведению порядка в этой области у себя дома. И мы собираемся принять жесткие меры в этом направлении. В частности, речь идет о подключении к данной работе Генеральной прокуратуры Российской

Федерации. Даны также развернутые рекомендации правительству Российской Федерации и ряду министерств и ведомств;

- 15 мая 1998 года по предприятиям военно-промышленного комплекса разослан так называемый *черный список* конечных потребителей, отношения с которыми требуют предварительного согласования в компетентных органах, занимающихся контролем за экспортом *чувствительных* технологий;
- 20 мая 1998 года в ряд правительственных органов (министерство по атомной энергии, министерство экономики, министерство промышленности и торговли, Российское космическое агентство, министерство науки и технологии и другие) разослан дополнительный, подготовленный ФСБ России, список иностранных компаний, по которым имеются данные об их возможной причастности к военным программам в области создания ОМУ и средств его доставки.

При решении вопросов налаживания системы экспортного контроля Россия придерживается следующих принципов:

1. Обеспечение контроля за экспортом и предотвращение утечки *чувствительных* технологий, наносящих ущерб национальным интересам страны;
2. Соблюдение взятых на себя международных обязательств не допускать бесконтрольного экспорта оборудования, материалов и технологий, пригодных для создания ОМУ и ракетных средств его доставки.

В последние несколько лет особую остроту для России приобрел вопрос возможной утечки технологий и материалов военного и двойного назначения, а также утечки *серого вещества*, то есть наших ученых. На этом направлении активно действуют спецслужбы так называемых *пороговых стран* – разрабатывающих или уже обладающих ОМУ или технологией его производства, особенно на Ближнем Востоке, не дремлют и разведки развитых стран.

Одновременно в адрес России выдвигаются обвинения в несоблюдении своих международных обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ). Вводятся санкции

против российских организаций. Для нас здесь завязана судьба таких ключевых проблем, как экономическое сотрудничество с США, кредиты МВФ, российско-американское сотрудничество в космосе, создание американцами новой системы ПРО, будущее закона об американских санкциях в отношении России. Даже незначительные нарушения с российской стороны, – американцы не смотрят, санкционированы ли они правительством или нет, – чреваты для нас многомиллиардными убытками и углублением кризиса в экономике на многие десятилетия.

Не следует забывать, что о любом контракте и сделке российского предприятия или института одновременно узнают и зарубежный партнер, и заинтересованные ведомства иностранных государств. Мягко говоря, неинформирование российскими юридическими лицами своего правительства оборачивается для России огромными политическими и экономическими издержками.

С экономической точки зрения упорядочение контроля за товарами и технологиями двойного назначения откроет международные рынки для российских участников внешнеэкономической деятельности и будет способствовать восстановлению доверия к нашим финансовым институтам и правительству в целом. Это обернется укреплением позиций российских предприятий оборонно-промышленного комплекса на экспортных рынках.

Главную роль в системе экспортного контроля должны играть Правительственная комиссия по экспортному контролю Российской

Федерации под председательством Юрия Маслюкова и Федеральная служба по валютному и экспортному контролю (ВЭК) России.

Мы переживаем не самое благоприятное время для быстрого налаживания эффективной системы экспортного контроля. В этой связи требуется создание соответствующего климата в стране для понимания обществом необходимости проводимой государством политики и осознания людьми степени своей личной ответственности за соблюдения требований экспортного контроля.

Ни для кого не является секретом тяжелое положение российской науки и российских ученых. Наверное, именно в этом заключается главная опасность утечек технологий и материалов двойного назначения. Думаю, нашим экспертам стоило бы проработать вопрос о возможном российско-американском взаимодействии в направлении поддержки российской науки в целях обеспечения режима нераспространения ОМУ и средств его доставки.

Помимо этого, также на экспертном уровне может быть проработан комплекс вопросов по расширению спектра взаимодействия России и США в области нераспространения и экспортного контроля, например, путем создания компьютерной базы данных о студентах из третьих стран, обучающихся по *чувствительным* специальностям, совместным действиям в отношении налаживания экспортного контроля в странах, входящих вместе с Россией в Таможенный союз – Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном и т.д.

ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ: НАИВНО ОЖИДАТЬ ПРОСТЫХ РЕШЕНИЙ

Геннадий Евстафьев
генерал-лейтенант

В последнее время вопросы экспортного контроля непрерывно оказываются в центре внимания политического руководства различных стран и международных организаций. Такое внимание к проблематике экспортного контроля обусловлено двумя важными обстоятельствами.

Во-первых, растет общая озабоченность возможностью распространения оружия

массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, а также некоторых других опасных видов оружия. Проблема постоянно подпитывается гораздо более крупными событиями для человечества, в частности, серией ядерных взрывов, которые произвели Индия и Пакистан в мае–июне прошлого года, испытательный пуск северокорейского спутника, который является своего рода прорывом в технологии, ранее недоступные

Северной Кореи, а также сотрудничество ряда стран (в частности, Северной Кореи, Ирана и Пакистана) в сфере средств доставки. Все это, действительно, очень беспокоящие события, меняющие обстановку в мире и соотношение сил. Мировое сообщество, несмотря на политические средства и характерные для США методы силового воздействия, тем не менее не смогло предотвратить развитие этих событий.

Во-вторых, нельзя забывать, что, в частности, в ДНЯО все построено на двух эллиптических системах. *С одной стороны*, не передавать и не допускать, *а с другой*, – не *отрезать* остальное человечество от развития ядерных исследований для мирных целей. И когда мы говорим об экспортном контроле, то видим аналогичную систему, потому что предпринимаются попытки использовать экспортный контроль в качестве средства политического давления (объектом которого является Россия), а также конкурентной борьбы за мировые рынки вооружений и высоких технологий. Отсюда преднамеренная драматизация некоторых ситуаций, связанных с реальными или мнимыми нарушениями международных режимов экспортного контроля. Конкретный пример – это многолетняя история наших отношений с США по *иранскому досье*, на чем я остановлюсь позднее.

Мы должны отдать должное нашим правительственным органам, поскольку за последние пять–шесть лет Россия сделала гигантский шаг в области экспортного контроля. Те, кто стоял у истоков этого процесса, могут подтвердить: они-то знают, с чего мы начинали и какую систему экспортного контроля мы сейчас имеем. Это очень неплохая система, но Россия, кроме всего прочего, вступила в целый ряд международных организаций по экспортному контролю, о чем почти немыслимо было предположить 10 лет назад. Это режим контроля за распространением ракетных технологий (РКРТ), трудно проходившее, но тем не менее состоявшееся вступление России в эту организацию. Кроме того, Россия активно работает в группе ядерных поставщиков, Комитете Цангера. Есть и ряд других международных механизмов, которые требуют от нас искреннего и серьезного отношения, при этом в них надо участвовать, но не забывать о защите наших собственных интересов путем участия в них и предотвращения использования этих

механизмов для иных, не совсем благородных целей.

Я действительно считаю, что у нас *создана* система экспортного контроля. Хорошая она или плохая – это дело вкуса. Некоторые считают, что хорошая, другие – плохая. Но система, именно как система, она уже есть, она *работает*: работают контрольные списки, работает система рассмотрения вопросов о *чувствительных* технологиях и т.п.

У экспортного контроля есть цель и цель эта простая, – содействовать развитию международной торговли через обеспечение безопасного экспорта. Экономическим интересам частного капитала или государств отвечает всемерное расширение экспорта, в то время как интересы безопасности отдельных стран и всего международного сообщества требуют отсечь от общих экспортных потоков те товары и технологии, которые несут в себе опасность разползания и средств их доставки. Здесь мы видим определенное противоречие. Разрешение этого противоречия – нахождение оптимального баланса между приверженностью принципам свободной торговли и необходимостью ограничить опасный экспорт – ставит задачи для тех, кто призван от лица государства заниматься экспортным контролем. Такие структуры в России есть, в частности межведомственная комиссия экспортного контроля (КЭК).

Нужно признать, что на определенных этапах мы вынуждены были пойти на некоторые уступки нашим партнерам и, прежде всего, американским. Все, кто участвует в переговорном процессе по контролю над экспортом хорошо знают, что есть известная майская договоренность 1995 года (с США по Ирану), где мы вынуждены были взять на себя некие обязательства, которые, на мой взгляд, да и не только, сейчас это совершенно очевидно, – должны быть побыстрее скорректированы.

Я хочу обратить внимание (а занимаюсь я проблемами нераспространения давно), что сейчас я вижу попытку поставить знак равенства между политикой нераспространения и экспортным контролем. Я думаю, эта неточность (если она действительно есть у кого-то в понимании) может завести в опасные дебри, потому что политика нераспространения складывается из целого ряда элементов. Это широкое понятие, где участвуют разные силы, где работают международные и национальные механизмы,

спецслужбы и государственные органы. Следовательно, это интегрированная сущность концепций государства в сфере ограничения опасных технологий, опасных ситуаций, ведь государство зачастую определяет некоторые нюансы в своей политике, исходя из внешнеполитической ситуации на ее границах и во взаимоотношениях с целым рядом государств. Смещение этих понятий, подмена одного другим, *с одной стороны*, ведет к искажению реальной роли значения экспортного контроля в решении проблем нераспространения, а *с другой*, – позволяет произвольно политизировать по существу технические и организационные проблемы экспортного контроля. Что мы сейчас, кстати, и наблюдаем в ходе российско-американского диалога, в том числе и по иранской тематике.

Экспортный контроль, на мой взгляд, это не панацея для решения проблем нераспространения. Это хорошо известно западным странам (России, быть может, даже в меньшей степени), с их достаточно сложившимися традициями в области экспортного контроля. Американцы, в частности, давно уже это поняли, и поэтому все *новые* концепции типа *контрраспространения* как раз проистекают из очень четкого, хорошего понимания места, роли и пределов решения тех задач, которые стоят перед страной и ее внешней политикой, с помощью экспортного контроля. Это понимание приходит из практики.

Мы располагаем сведениями о большом количестве нарушений американскими корпорациями правил экспортного контроля. Мы американцам задаем эти вопросы, они нам отвечают. Количество нарушений постоянно нарастает (я имею в виду нарушения, связанные с поставками двойных технологий, прежде всего в *страны риска*). Если шесть лет назад управлением регулирования экспорта Минторга США было зарегистрировано только 750 случаев несанкционированного вывоза из страны продукции, подлежащей экспортному регулированию, то в 1997 году зарегистрировано уже 1750, то есть почти тройной рост.

Конечно, мы находимся в чисто оборонительном состоянии, когда разговариваем с американцами, хотя, честно говоря, бороться с ними довольно трудно. Ведь у них очень интересный подход: они очень четко фиксируют (я, кстати, в порядке предложения советую российским властям заняться этим) свои и чужие факты

нарушений. По своим нарушениям они проводят разбирательства, судебные процессы. Как правило, это либо административные, финансовые наказания, либо бывают уголовные преследования. Но вот что интересно: все это происходит постфактум. Мы совершенно твердо знаем, что ракетно-авиационная промышленность такого государства как Иран оснащена на 95% самым современным (я думаю, даже мы можем позавидовать) оборудованием американского и западноевропейского производства. Потом, через три-четыре года, будут наказаны те люди, которые это все проделали, они уже получили деньги, деньги они истратили, кто-то попал в тюрьму...

Американские чиновники от экспортного контроля говорят нам: «А у нас все законы приняты и действуют, следовательно, мы свою задачу решили». А на самом деле утечка *произошла*, имело место распространение, зачастую, *крайне специфических* технологий и именно таких, которые *страны риска* стремятся получить прежде всего у американцев, а не у нас.

Механизм наказания в США, скажу честно, действует четко, неотвратимо. У нас же в системе экспортного контроля России это, наверно, самое слабое место, потому что фактически механизма санкций против нарушителей у нас нет. Мы только в проекте федерального закона об экспортном контроле, который был внесен в Думу, пытаемся приблизиться к этому, но я думаю даже федеральный закон, рассматривающийся в Думе, не решает всех задач. Мы и целый ряд других ведомств считаем, что наряду с ускорением принятия федерального закона об экспортном контроле, нам нужно поддерживать предложение ФСБ о внесении изменений в статьи 188, 189 УК РФ, которые тогда позволят осуществлять правоохранительную практику по всем случаям нарушений экспортного контроля.

Поскольку по закону я принадлежу к организации, которая не имеет права заниматься внутренней работой, я не владею цифрами о том, сколько за последнее время было уголовных дел по фактам незаконного экспорта *чувствительных* материалов и сколько из них было доведено до суда. Знаю, по крайней мере, один случай, когда дело было доведено до судебного разбирательства и был вынесен приговор, но, наверняка, есть и другие, я просто не берусь судить, это не моя сфера деятельности. При этом очевидно, что

нам нужна не меньше, чем американцам, система обобщения, сбора, фиксации и анализа тех фактов и нарушений, которые становятся известны правоохранительным органам, потому что я согласен с теми в этом зале, кто уже говорил, что без такой информационной системы, без такого банка данных нам будет очень трудно понимать тенденции, складывающиеся в процессе нарушений. А нам надо отслеживать, из какой сферы в какую должны перенаправляться основные усилия: сегодня, положим, активны ракетные технологии, а завтра, к примеру, биотехнологии, особенно имеющие более или менее военное применение, становятся объектом номер один. И все случаи нарушений должны, конечно, фиксироваться, классифицироваться и на их основе должны быть сделаны соответствующие выводы.

Нам думается, что сама по себе правоохранительная практика в данной области в системе санкций, применяемых к нарушителям установленного порядка экспорта контролируемых товаров, по крайней мере, на первом этапе, пока мы многому еще учимся, должна быть *трехступенчатой*. Нам думается, что за первым нарушением должно следовать официальное предупреждение, вторым — солидный штраф, третьим — административное или уголовное преследование.

Вот эта гибкая система позволит нам работать с предприятиями, потому что внутрифирменная система контроля крайне слаба. Мне приходилось разговаривать с людьми на оборонных предприятиях, которые даже не слышали о том, что существует экспортный контроль. Вы понимаете, в условиях жуткого финансового положения они хватаются за каждую соломинку! Поэтому общеобразовательная, воспитательная работа приобретает особое значение.

На мой взгляд важную роль также могло бы сыграть и стимулирование. Нужно поощрять тех, кто честно выполняет требования экспортного контроля. Я очень рад, что председатель ГТК недавно высказался в этом плане: нужно создавать благоприятные возможности для тех, кто ведет себя хорошо, в частности, упрощенную процедуру лицензирования или таможенное оформление предметов экспорта.

Вопрос о поощрении, как известно, вызывает много споров. Так, я разговаривал об этом с тогдашним вице-премьером Яковом

Уринсоном, когда, в 1997–1998 годах, он был председателем Комиссии по экспортному контролю. Он сказал, что в гражданском обществе (которое, честно говоря, у нас еще не сложилось), не может *ненарушающий* быть поощрен за выполнение законов. Мне представляется, что ни в одном западном государстве фактически нет системы, при которой хорошо выполняющая свои экспортные обязательства фирма не получала бы какой-то вид поощрения. Я, конечно, не имею в виду деньги. Речь идет именно об упрощении для этой фирмы процедур лицензирования и таможенного контроля.

Особенно там, где масштаб экспортных поставок велик, это очень существенное поощрение. И за это на Западе фирмы борются и дорожат решением не досматривать их или упрощать оформление им документов за то, что они никогда не нарушали предъявляемых правил.

Теперь о санкциях, которые ввели американцы против российских организаций. Получается довольно странная картина, которую мы почему-то воспринимаем как должное. Американцы принимают свои санкции на основе внутреннего законодательства, и это внутреннее законодательство они потом экстраполируют на международные отношения. Думается, что это, с точки зрения международного права, достаточно сомнительная ситуация. Хотя надо, конечно, не забывать и о реалиях сегодняшнего дня. Когда я начинал заниматься политическими науками, у нас выступал один старый посол, и говорил: «Дипломатия — это что?» Мы — все молодые ребята — затихли. А он показал могучий кулак и сказал: «Вот это — дипломатия». Поэтому давайте смотреть на вещи реально: с американцами все понятно, у них есть могучий кулак, и они навязывают нам определенные решения.

К сожалению, нужно признать, что мы находимся в таком положении, что в ряде случаев вынуждены с этим считаться. Но я думаю, что нам нужно непрерывно бороться за принцип равноправия в партнерских отношениях. Вполне уместно выглядит постановка вопроса о создании в России своего механизма применения санкций к иностранным фирмам, в том числе американским, в отношении которых имеется информация об их причастности к нарушению режимов нераспространения ОМУ и средств его доставки. Поясню: в моем предложении речь идет о введении санкций против тех

компаний, которые действуют на территории России и нарушают российское законодательство. Не вызывает сомнений, что десятки американских компаний, действующих на территории России, различными путями нарушают положения об оттоке закрытых технологий.

Наличие такого механизма позволило бы нам в ряде случаев занимать более наступательные позиции, в том числе в отношениях, диалогах с нашими западными партнерами. Надеюсь, что комиссия по экспортному контролю, которая проявила определенный интерес к этой проблеме, даст соответствующие поручения.

Опыт промышленно развитых стран показывает, что необходимым условием эффективного функционирования системы экспортного контроля является высокий уровень правовой сознательности экспортера. Для российских экспортеров характерно превалирование мотивов получения максимальной прибыли в минимальный период времени без должного понимания последствий, которые могут проистекать из нелегитимной коммерческой деятельности. Это *просто поражает*. Должен признать и предупредить, что если мы в ближайшее время не решим эту проблему, мы будем сталкиваться с самыми удивительными нарушениями. Причем эти нарушения становятся зачастую сознательными, применяются очень тонкие методы сокрытия действий. Дело же усложняется еще и тем, что со стороны *стран риска*, как правило, на острие этой работы находятся спецслужбы, которые обладают прекрасно отработанными методами добывания той самой закрытой технологии и материалов из секретных прежде всего оборонных отраслей, которой они затем подчас делятся между собой: корейцы консультируют пакистанцев, те – иранцев, поэтому мы имеем здесь достаточно сложную ситуацию. Но она не нова. В свое время мы и сами грешили очень многими из этих вещей, поэтому мы это понимаем, и нам нужно действовать соответствующим образом.

Конечно, менталитет наших экспортеров в значительной мере является следствием тяжелого экономического кризиса и крайне тяжелого финансового состояния многих предприятий.

Я хочу коснуться постановления № 57 «Об усилении контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения, имеющих

отношение к оружию массового уничтожения и средствам его доставки». Очень важное постановление, хотя и оставляет сложное впечатление. Выскажу такую *крамольную* мысль: постановление № 57 получило дальнейшее развитие в соответствующей статье проекта федерального закона об экспортном контроле. Если в постановлении № 57 шла речь только о товарах и технологиях, которые подпадают под принцип *catch-all*, то в проекте закона говорится уже о любых товарах и технологиях, имеющих отношение к ОМУ, средствам его доставки и иным наиболее опасным видам оружия. Я изначально был скептически настроен в отношении этой небольшой корректировки и сейчас остаюсь при своем мнении, поскольку считаю, что здесь надо подумать, а стоит ли нам идти так далеко в трактовке 57-го постановления в федеральном законе.

Еще один вопрос, который во все возрастающей степени будет будоражить нас, затрагивать наши отношения с США и западными странами, – это вопрос о так называемых *неосязаемых* передачах технологий. То есть это передача знаний в процессе обучения, научных обменов, по каналам компьютерной связи, через обмен научно-технической информацией (НТИ), предоставление докладов, научно-исследовательских работ (НИР), – это очень *чувствительная*, я бы даже сказал, *опасная* сфера. Когда мы затрагиваем эту проблему, следует иметь в виду, что она, безусловно, общая для всех развитых стран и при этом она выходит за рамки классического понятия экспортного контроля. Примечательно, что вопрос *неосязаемой* передачи технологий обсуждался на недавно состоявшемся заседании группы ядерных поставщиков (ГЯП). Надо отметить, что определенный опыт у США, а также, вероятно, у Японии в этой сфере накоплен. Тем не менее, и там эта проблема не решена.

Как нам действовать, имея в виду новые серьезные вызовы, связанные с неосязаемой утечкой НТИ и НИР, – этот вопрос чрезвычайно серьезен и актуален. Я думаю, что Россия, конечно, *выросла* из того периода, когда государственной была политика *держать и не пущать*, вплоть до очевидных нарушений статьи 12 Пакта о правах... И все-таки приходится признать, что мы в России не нашли пока компенсирующие, сдерживающие средства, не создали эффективных рычагов влияния на политику в этой области. Ну, как же так, человек, имеющий доступ к

совершенно секретной технологии, берет отпуск, вылетает в Стамбул (за счет отпуска), вылетает в страну N (не будем называть какую) и там хорошо, спокойно начинает консультировать, и ничего мы сделать не можем. Государство здесь ни при чем. Фирма говорит: «Да мы впервые слышим, мы не можем ему запретить пойти в отпуск, право на выезд он имеет, *красный* загранпаспорт у него есть».

Очень сложная проблема! А с развитием Интернет *черные дыры* разрастаются. Как нам быть, особенно в условиях нашего сложного финансового положения, пока никто еще не придумал.

Главной организационной проблемой, которую я вижу в российской системе экспортного контроля, является ее ведомственность, то есть зависимость принятия решений не столько от содержательной и формально-правовой стороны конкретного случая, сколько от сопряжения интересов различных ведомств. В принципе, ведомственность применительно к системе экспортного контроля характерна для любой страны. Однако в развитых и внутренне стабильных странах проблема смягчается фактором консенсуса. У нас фактор консенсуса идет не снизу, а сверху. Поэтому здесь хотелось бы, конечно, значительного улучшения положения. Нам еще много предстоит сделать для отработки единой линии министерств и ведомств в области нераспространения ОМУ и средств его доставки.

А что происходит, судите сами: директор одной из российских АЭС съездил в Иран, его попросили обсудить вопросы подготовки специалистов, инженеров для атомной электростанции в Бушере. Приезжает после этого он – руководитель крупного ядерного предприятия! – на международную научную

конференцию... и несет там околесицу о том, что в ближайшее время Иран создаст ядерную бомбу, и те иранцы, кого он будет учить на своей АЭС, все будут участвовать в создании этой бомбы. Ну как такое может быть! Мы же сами себе *стреляем в пятки*.

Подытоживая, я могу сказать, что все-таки у нас в стране система экспортного контроля есть и она *действует*. Мы должны об этом говорить без стыда и ложного чувства скромности. Она в целом соответствует международным стандартам, и это, кстати, признается, когда ведутся беседы с западными, в том числе с американскими, специалистами. Россия активно участвует в ряде экспортно-контрольных режимов, а в некоторых, например, в таком режиме, как РКРТ, Россия вообще задает тон.

Вместе с тем следует признать, что система пока далеко не совершенна. При этом хотел бы подчеркнуть, что все проблемы российской системы экспортного контроля являются в той или иной мере следствием системного кризиса, в котором находятся наше общество, экономика и государство.

Отсюда следует, что никто никому не должен обещать простых и быстрых решений – это было бы ошибкой. Это значило бы, что мы *дурим* голову нашим руководителям, когда обещаем, что сейчас все быстренько сделаем. Становление действительно эффективной системы экспортного контроля будет происходить только на базе создания в России системы стабильно функционирующей экономики реально действующего правового государства. А мы сейчас всеми силами, которые имеются у правительственных и общественных организаций, должны подтягивать, может быть и через силу, Россию к нормальному участию в международном разделении труда.

ЗАКОН ОБ ЭКСПОРТНОМ КОНТРОЛЕ: НУЖЕН, НО ТРЕБУЕТ ДОРАБОТКИ (из стенограммы конференции ПИР-Центра «Экспортный контроль: законодательство и практика»)

Сообщение заместителя руководителя пресс-службы Государственной Думы Мисюченко Владимира Федоровича

Я буду предельно краток по двум причинам: *во-первых*, потому что тема новая, *во-вторых*, потому что здесь присутствуют люди, которые с гораздо большим основанием представляют Госдуму и отношение депутатского корпуса к

законопроекту, о котором идет речь, и к самой проблеме экспортного контроля. Поэтому на моей совести только факты: как и что. Я бы не взялся даже за эту информацию, если бы не прозвучал на уже упомянутом совещании 11 февраля легкий намек на то, что этот закон несколько задерживается в Госдуме. В Госдуме этот закон не задерживается.

Прежде всего: законопроект был внесен в Думу правительством 24 июля прошлого года. Дума ушла на каникулы 20 июля. Уже в ноябре комитет по экономической политике, который стал ведущим комитетом по этому законопроекту, представил законопроект на совет в Думу для его обсуждения в первом чтении. Я хочу просто напомнить вам ситуацию: с сентября и практически всю сессию до декабря в Госдуме основные дебаты и основная работа, в том числе и комитета по экономической политике, были по бюджету-99. Тем не менее комитет нашел в себе силы, так что до ноября была проведена работа совместно с правительством, по совершенствованию текста, и уже на совет Думы был вынесен текст, несколько отличавшийся от того, что был оригинально внесен правительством. Совет Думы принял решение считать этот закон приоритетным и рассмотреть его на пленарном заседании в первом чтении 16 декабря, что и произошло.

Само рассмотрение 16 декабря было, по думским понятиям (если говорить, как стороннему наблюдателю), что называется, *лучше некуда*. Это было удивительно конструктивное обсуждение самого законопроекта, когда и ведущий комитет, и заместитель его председателя депутат Адриан Пузановский, и заместитель руководителя ВЭК говорили, обращаясь к депутатам, по сути об одном: этот закон надо принять. Здесь споров не было. Первое чтение – это принятие концепции закона, здесь тоже споров не было. Выступавших было немного и вопросов немного (всего четыре человека было задействовано), но даже во всей этой готовности совместного сотрудничества чувствовалось, что есть вопросы, которые во втором чтении могут привести к очень большим дискуссиям.

Какие основные претензии или группы претензий были в тех немногих выступлениях, о которых говорилось?

Здесь уже, по сути дела, были обозначены болевые точки: первое, механизм осуществления экспортного контроля. В статье 2 законопроекта говорится о том, что закон, регулирует отношения государственных органов. Сразу встал вопрос: «А кто эти государственные органы?» Законопроект предлагал схему (которую, скажем, депутат Пузановский назвал *американской схемой*), то есть по законопроекту, скажем, для принятия решения, о том, что отнести к продукции двойного назначения – это есть представление

правительства и утверждается указом президента, то есть президент и правительство. Депутаты сразу задали вопрос: «А где парламент?» Не получится ли так, что решение, принимаемое одним человеком, приведет в наших российских условиях к явлениям не очень приятным и для национальной безопасности, и экономики, и не *зажмет* ли это саму идею экспортного контроля, в одном смысле, и не откроет ли это ворота для утечки какой-то информации с другой точки зрения?». Это первая группа вопросов.

Надо заметить, что со стороны представителя правительства возражений на это не последовало, потому что, действительно, надо было выяснять взаимоотношения властей и последовательность решений.

Примерно те же вопросы были у фракции *Яблоко* (выступал Алексей Арбатов), было обращено внимание на неясность самого вопроса. Указано в законопроекте, что есть правительственные ведомства, или государственные ведомства, которые будут координировать всю работу по экспортному контролю. Встал вопрос: «Что это за ведомства?» То ли эти функции будет осуществлять нынешняя ВЭК, создаст какое-то подразделение, либо оно будет разделено и будет создано специальное особое ведомство экспортного контроля, и в каком оно будет находиться подчинении правительству, президенту, парламенту, потому что на это специальное ведомство по законопроекту даются достаточно широкие права, вплоть до издания подзаконных актов.

Вторую группу вопросов, которые возникли у депутатов и которые они рекомендовали решить, выразил очень хорошо представитель фракции *Наш дом – Россия* Валерий Язев. (До этого примерно о том же самом говорил Альберт Макашов от имени фракции КПРФ). Они сошлись в одном: если Альберт Макашов говорил о том, как бы этот закон не стал препятствием и не закрыл для нас ту нишу, где действуют американцы (он это сказал открытым текстом), то депутат Валерий Язев обратил внимание на то, что как бы этот закон, при всех его политических сложностях, не стал тормозом на пути к экспорту. Как бы контроль не помешал экспорту, и, в частности, он обратил внимание на необходимость более тонкой прописки в законе проблемы лицензирования, введения не только разовых, но и генеральных лицензий, которые давали бы право при внешнеторговых операциях с

продукцией двойного назначения, или каким-то предприятиям, не всякий раз дожидаться единоличного решения, которое могло сводить на нет усилия предприятий. То есть каждый выступал за свое.

Это основные группы высказанных замечаний, причем все согласились, что замечания *колют* в очень больное место, что это надо смотреть, но они не меняют концепцию закона, потому что идея *давайте регулировать* была ясна всем, необходимость в этом чувствуется, потому что те 25 законных актов, которые регулируют сейчас сферу нашего сегодняшнего разговора, по замечанию представителя правительства, вносят больше бед и разногласий, чем действительно регулируют сферу экспортного контроля. Замечания были учтены, все согласились, что надо работать на второе чтение, и голосование – редко бывает в Думе, когда такое голосование: 4 человека против, 363 – за (я говорю редко, потому что на заседаниях вообще редко зажигается цифра за 300), это показатель, что Дума готова участвовать и работать.

Дальше пошла работа. Законопроект значился в плане работы на весеннюю сессию для рассмотрения во втором чтении с 3 по 19 февраля. 16 февраля состоялся Совет Думы, на котором комитет должен был представить законопроект ко второму чтению, определить дату рассмотрения, предположительно считалось, что это будет 19 февраля, пятница. Но комитет предложил отложить рассмотрение законопроекта во втором чтении без определения даты. Сейчас я могу только сказать, что в плане законодательной работы на март рассмотрение этого законопроекта во втором чтении не значится. Я сейчас буду осторожно формулировать (здесь присутствуют гораздо более компетентные люди), но могу сказать, что вина здесь не депутатов. Для рассмотрения поправок и еще большей отработки текста законопроект был затребован обратно правительством. Так что, действительно, депутаты готовы согласиться с тем, что тянуть с законопроектом нельзя, и они в этом плане готовы работать.

Сообщение заместителя председателя комитета по экономической политике Государственной Думы депутата Гвоздевой Светланы Николаевны

Для нас очень важно, чтобы сейчас, ко второму чтению, вы [участники конференции – **Ред.**] могли бы внести свои поправки и

предложения. Как я убедилась, вопрос стоит о сроках принятия закона и т.д. У меня, честно говоря, первым стоит вопрос о названии самого законопроекта. Если мы говорим о контроле за экспортом, то и закон должен нести тогда две части рассмотрения: весь экспорт, в том числе, например, товаров, работ и услуг, которые не связаны с двойными технологиями и экспортом оружия, или же требуется уточнение названия самого законопроекта, чтобы это было понятно, так как проблемы и в первом случае общераспространенные – наши экспортные товары, там есть проблема по экспортному контролю, и здесь – тоже.

Несколько слов о том беспокойстве, которое сейчас прозвучало [в кулуарах, во время перерыва – **Ред.**]. Законопроект обычно в Госдуме проходит в течение года, а то и больше. Это связано с тем, что в Госдуме сейчас на рассмотрении находится более 1800 законопроектов. Даже на весеннюю сессию сего года поставлено на рассмотрение более 700 законопроектов. Вы знаете, что Госдума заседает два раза в неделю, и каждый раз в повестке дня более 20 законопроектов: первое, второе или третье чтение и т.д. Закону об экспортном контроле отдан приоритет. Именно по этой причине он рассматривается гораздо быстрее, чем любой другой законопроект. Поставлен он на приоритетной основе. Но вы знаете, что бюджет 1999 года, налоговый блок (в который входит более 25 законопроектов, налоговый кодекс), инвестиционная деятельность и другие экономические законопроекты отнимают достаточно много времени, чтобы быстрее рассмотреть этот законопроект.

Представленный нам текст вызывает много вопросов у депутатов, так же как и у вас, я уверена, потому что тема эта всегда была закрыта для широкого обсуждения, – это одна из причин. Вторая – у депутатов, обыкновенных людей, не занимающихся вооружениями, двойными технологиями, знакомясь с текстом законопроекта, появляется очень много вопросов, потому что в самом законе слабо прописаны механизмы, компетенция органов власти, а также слабо прописаны критерии двойных технологий. Даже я, когда знакомилась с текстом, была удивлена, когда прописывается очень серьезная ответственность за нарушение закона, однако при этом законопроектом допускается, что весь информационный материал [экспортно-контрольные списки –

Ред.] может представляться заинтересованным лицам за плату.

Те моменты, которые вызывают очень большое беспокойство, — может быть, из-за непонимания, может быть, из-за недостаточной информации — должны быть прояснены вами как специалистами.

На наш взгляд, закон должен быть прямого действия. Мы должны четко знать, какова цель этого закона. Если это — только соблюдение вопросов национальной безопасности, то конкретно в каких областях: двойных технологий, экспорта вооружений (ВТС), или же опасность передачи за низкую цену, или даже не за низкую цену, научно-исследовательских работ наших институтов.

Согласитесь, что любое направление деятельности, под которое попадает этот закон, требует своей очень специфичной проработки механизма контроля, чтобы не стричь всех *под одну гребенку*, не разрушить экономический потенциал наших предприятий, организаций, которые участвуют в этой сфере деятельности.

Поэтому требуется четкое прописывание определения технологий двойного назначения внутри экспортного контроля предприятий (внутрифирменной системы экспортного контроля), ряда других определений и механизмов, — в этой части законопроект требует доработки. Поэтому я не думаю, что этот законопроект очень быстро может быть представлен во втором чтении.

Теперь вам, наверняка, понятно, что симпатия законодательной власти — в целом на стороне законопроекта. Мы понимаем важность поставленной проблемы. Поэтому и предложения, которые могли бы прозвучать от вас, весьма важны, при этом я не исключаю, что могли бы быть от вас и идеи такого рода, что концепция самого закона не верна. Потому что, если нужен рамочный закон, его нужно сделать рамочным, если конкретный — то конкретным. В каждом случае — с конкретной проработкой, механизмом реализации ответственности.

Правильно говорил здесь один из выступающих о том, что требуется не один законопроект, а целый пакет законодательных актов, обеспечивающих эффективное экономическое развитие наших предприятий и эффективно защищающий нашу национальную безопасность. Только в этом

контексте и при соблюдении такого баланса, вероятно, и следует рассматривать предложенный законопроект, а также пакет уже действующих нормативных актов.

Еще несколько моментов, на которые я хотела бы обратить внимание.

Во-первых, мы рассматриваем в самом тексте закона официальный экспорт. Но, как я поняла, существует еще и контрабандный, которого выступающие коснулись, но никто так прямо о нем и не сказал. Это — те издержки нашей теневой экономики, на которые мы не имеем права не обращать внимания.

Во-вторых, очень четко и очень строго необходимо было бы прописать в тексте проекта закона основное понятие — понятие экспортного контроля, то есть содержание первой статьи. Существующая сегодня практика, когда для каждого нового закона пишется новый понятийный аппарат, который действует только в рамках этого закона, на мой взгляд, неправильная. Когда мы говорим об экспортном контроле, который требует сегодня очень большого внимания, следует очень четко прописать понятия, уточнить их.

В-третьих, как уже говорил один из выступающих, вопросы национальной безопасности, связанные с информационным развитием сетевых компьютеров и другой информации, которая идет по сотовым телефонам и т.д., также в проекте закона никак не обозначены. Возможно, что нужно будет вносить и дополнения в Закон о государственной тайне. Так, надо вспомнить опыт, который был уже в советской системе работы с документами, которые представлялись, вывозились и продавались. Вот сегодня говорили о грантах... может быть все-таки осуществить восстановление комитета по охране тайн в печати, который в советское время был? Служба эта — Главлит — действовала в различных регионах. Совсем небольшой коллектив работал в каждом регионе, в том числе у меня, в Свердловской области, всего 10–12 человек было, но достаточно серьезная была система. Она пресекла бы, наверно, подозрения, часто и необоснованные в отношении наших ученых. Огульно, без контроля, или основываясь только на внутриведомственном контроле, очень трудно разграничить позиции между разрешенным и запрещенным интеллектуальным экспортом, тем более, что и в самом тексте закона, и в постановлениях,

которые мы сегодня имеем, это также четко не прописано.

Короче говоря, я за закон прямого действия, за конкретные механизмы реализации этого закона. Причем важно, чтобы ни в коем случае под уголовную ответственность не попали у нас невинные люди. Также важно, что раз это закон в интересах международной деятельности, то он должен приносить хороший экономический эффект, пользу. И если эта цель будет лежать в основе основ этого закона, я убеждена, что и ваши предложения, и поправки со стороны участников внешнеэкономической деятельности, то есть непосредственно тех предприятий, которые занимаются экспортом такой продукции, помогут сделать хороший закон. А, может быть, в результате у нас получится целый пакет законодательных и нормативных актов, которые будут приниматься один за другим, определяя взаимоотношения между государством и участниками хозяйственной деятельности такой сложной сферы, как экспорт вооружения, двойные технологии, да и всего остального из того, что мы даже открыто не определяем в законе о бюджете РФ.

Я очень благодарна, что вы проводите эту конференцию. Она поможет депутатам обратить больше внимания на проект закона, а стенограмма будет передана в три комитета: комитет по промышленности, комитет по экономической политике и в бюджетный комитет, который должен будет подсчитать, сколько же денег потребуется на реализацию этого закона. Спасибо за внимание.

Заключительное слово директора ПИР-Центра Орлова Владимира Андреевича:

Подводя итоги сегодняшней конференции, я хотел бы выразить надежду, что она была весьма полезной. Особо хотел бы обратить внимание на ее образовательный характер. Ведь в то время как некоторые вопросы, которые были затронуты, кажутся очевидными представителям Минторга или ВЭКа, они, как оказалось, требуют дальнейших разъяснений для депутатского корпуса. Например, для многих из собравшихся различия между экспортным контролем и проблемами ВТС очевидны; но вот законодатели не всегда чувствуют эту разницу и, надеюсь, что теперь нам удалось прояснить некоторые понятия и облегчить дальнейшую работу депутатского корпуса над законопроектом.

По итогам конференции представляется возможным сделать следующие выводы:

Во-первых, мы можем говорить о наличии системы экспортного контроля в России и о признании того факта, что в России *существует* регулирующая база в области экспортного контроля. Закон об экспортном контроле должен логически решить задачу завершения строительства такой законодательной базы.

Во-вторых, закон об экспортном контроле для России нужен. Причем нужен именно в таком понимании термина *экспортный контроль*, который уже давно принят международным сообществом, принят в СССР, а затем в России.

В-третьих, серьезной проблемой остается межведомственная координация. Совет безопасности частично решает эти вопросы, однако поиски того, как межведомственная координация должна осуществляться в дальнейшем, должны быть интенсифицированы. В частности, эти поиски отражены и в законопроекте об экспортном контроле, и той дискуссии, которая уже велась в Думе вокруг этого законопроекта.

В-четвертых, тревожит не столько законодательная и регулирующая базы экспортного контроля, сколько *практика* осуществления экспортного контроля. И было бы наивным или даже безответственным говорить о том, что нынешние документы: контрольные списки, 57-е правительственное постановление (само по себе замечательное) и т.д., – смогут прекратить все случаи незаконного перемещения материалов и технологий из России в другие страны, будь то *страны риска*, *пороговые страны*, или страны развитые (о чем говорил в своем сообщении г-н Рей). Дело в том, что на практике не достаточно финансов, технической оснащенности, но и не хватает того, что можно назвать *культурой экспортного контроля* и *культурой нераспространения* на предприятии. Геннадий Михайлович [Евстафьев – Ред.] приводил некоторые случаи, понятно, что он, наверное, не мог входить в более глубокие детали. Известны примеры, когда российский вице-премьер наблюдает, как на его глазах руководитель крупного предприятия ВПК вручает китайскому высокому лидеру пакет с технической документацией и говорит: «Ну, вы тут посмотрите бесплатно, потом, если что-то интересное, позвоните, а то у нас и так

завод простаивает». То есть отсутствие элементарной культуры действительно ставит под угрозу наши собственные интересы, российскую национальную безопасность. Закон не может решить всего, но он может помочь созданию комплексной системы.

В-пятых, вопрос, который, к сожалению, был только пунктирно затронут в ходе сегодняшнего обсуждения, – это вопрос наказания. Действительно, американская система, пусть и постфактум, хороша тем, что многие случаи там детально разбираются и наказываются. Не грех внимательнее приглядеться к тому, как сейчас в США сенат серьезно разбирает случаи с воровством [ядерных секретов из Лос-Аламосской лаборатории], которые осуществили китайцы, как жестко реагируют в США на некоторые случаи, когда американские компании передавали или пытались передать определенные чувствительные компоненты в Иран. Надо признать, что нашему парламенту, нашему аппарату Госдумы, можно было бы взять этот опыт на вооружение. И замечания представителей Госдумы при первом чтении: «А где же прописана контролирующая роль парламента?», я думаю, в определенной степени (если конечно, не утрировать) справедливы. И собственно Дума, и Счетная палата могли бы осуществлять серьезные контролирующие функции того, как в России осуществляется экспортный контроль. Следовало бы вновь посмотреть на те случаи хищений, воровства, нарушений правил контроля над экспортом, которые были зафиксированы, признаны официально, но по тем или иным причинам не были доведены до суда. Говорят, что с появлением закона об экспортном контроле это будет делать легче. Хотелось бы надеяться. Хотелось бы также согласиться с тем, что должна существовать *многоступенчатая* система наказания: предупреждения, затем штрафы, административные санкции, только потом уголовное преследование.

Серьезной проблемой практики экспортного контроля в России сегодня является то, что нет ни одного публично известного, доведенного до конца случая наказания нарушителя, что дало бы хороший пример даже тем предприятиям, которые пока еще плохо представляют, что такое экспортный контроль. Я думаю, что после этого публичного разбирательства они представляли бы это лучше. При этом я также знаю те сложности, с которыми уже столкнулись некоторые

попытки таких разбирательств, в том числе сложности юридического характера.

В-шестых, гармонизация законодательства и практики экспортно-контрольной политики режимов позволила бы России решить и свои внешнеполитические задачи. Ненормально, когда экспортно-контрольные вопросы становятся чуть ли не основной и единственной повесткой дня для двухсторонних переговоров, будь то российско-американские или израильско-российские переговоры и т.д. Как будто у нас нет интересов собственных двусторонних контактов и расширения сотрудничества! В то же время только наивный может не видеть, как ряд государств через экспортно-контрольную риторику решают свои внешнеполитические интересы просто *по праву сильного*.

Поэтому России нужно предпринять определенные усилия, я бы даже сказал, *сверхусилия*, чтобы выйти из положения защищающегося. Определенные попытки этого были сделаны в январе прошлого года принятием 57-го постановления, затем июльскими (1998 года) заявлениями по Ирану. Здесь нужно не *шарахаться* из одной крайности в другую, а быть последовательными.

В-седьмых, на первый план выходят проблемы пресечения утечки технологий и *серого вещества*. Надо также честно сказать, что, хотя они уже находятся в сфере внимания государственных служб и экспертов, в нынешних условиях ожидать стопроцентно эффективного контроля над ними было бы нереально. Вообще в вопросах экспортного контроля надо быть реалистами, играть честно. Так, при рассмотрении законопроекта об экспортном контроле, многие выступающие уже обратили внимание на статью «Всеобъемлющий контроль» (*catch-all*). Наверное, нужно очень внимательно отнестись к этому вопросу и включить в закон только то, что реалистично мы можем сделать. 57-е постановление, – это, конечно, был важный шаг. Но идти дальше него сегодня рискованно.

В-восьмых, следует в дальнейшем уделить более серьезное внимание вопросу о роли регионов в экспортном контроле. На это мало сейчас обращают внимания. Однако известно, что в некоторых случаях субъекты Российской Федерации, такие, как Татарстан, пытаются стать чуть ли не самостоятельными субъектами в этом вопросе. Очевидно, – и это

должно быть четко зафиксировано в законе и во всех подзаконных актах, – что речь идет о единой системе экспортного контроля и что самостоятельность субъектов федерации в этом вопросе недопустима. Любая *слабинка* здесь приведет к тому, что отдельные регионы начнут раздавать льготы своим предприятиям, и возникнут *черные дыры* наподобие оффшоров, через которые будут улетать из России не деньги, а материалы и технологии, критические с точки зрения нераспространения.

Наконец, последнее. Вопрос, поднятый в докладе г-на Успенского, о перемещении

материалов, технологий в пределах Таможенного союза СНГ, – проблема, которая еще требует своего разбирательства, анализа и решения.

Список проблем, связанных с политикой и практикой экспортного контроля, можно продолжать и дальше, но где-то надо остановиться. Главный результат сегодняшнего обсуждения – законопроект – должен перейти от первого чтения ко второму детально проработанным. Спасибо за внимание.

Информация и оценки (по материалам печати)

Ниже приведены выборочные материалы российской печати из «ядерного и ракетного досье», а также из «досье по химическому оружию» ПИР-Центра, опубликованные в марте–апреле 1999 года. Редакция Ядерного Контроля приводит фрагменты из статей дословно или в пересказе, предлагает точки зрения различных изданий и не комментирует их. Размещение материалов в данном разделе не означает, что редакция разделяет ту или иную из них.

В РОССИИ

ИЗ ЯДЕРНОГО И РАКЕТНОГО ДОСЬЕ

• В Минатоме

Минатом подвергся резкой критике

Председатель комитета Госдумы по конверсии и наукоемким технологиям Георгий **Костин** подверг критике политику, проводимую министром по атомной энергии Евгением **Адамовым**. По словам депутата, министерство «не занимается развитием атомной энергетики, не использует высоких технологий, а занимается коммерческой деятельностью по распродаже того, что было создано в прошлые годы». Критика в адрес министра была вызвана, в частности, увольнением директора госпредприятия *Красная Звезда* В. Афанасьева, который отстаивал идею создания на базе предприятия российского головного завода по выпуску экологически чистого оборудования взамен импортных поставок. (Минатом подвергся резкой критике. *Известия* (со ссылкой на *Итар-Тасс*). 04 марта 1999, с.2.)

Евгений Адамов о поездке в США

2 апреля на пресс-конференции Евгений **Адамов** заявил, что одним из наиболее значительных результатов поездки в США, предпринятой им накануне несостоявшегося визита премьер-министра Евгения **Примакова**, явилось подписание Россией контракта о продаже урана на мировой рынок.

Хотя соглашение и было подписано 24 марта, накануне ракетно-бомбовых ударов по Белграду, югославская проблема не помешала сотрудничеству двух стран. По словам Евгения Адамова, этот контракт ориентирован на долгосрочную перспективу.

Кроме того, был достигнут ряд договоренностей, касающихся вопросов безопасности хранения ядерных материалов. Готово к подписанию соглашение по созданию совместного комитета по ядерной энергии. Скорее всего на ближайшей встрече глав

правительств США и России этот вопрос будет решен положительно.

В США также обсуждался вопрос о строительстве хранилища делящихся материалов, остающихся после разборки ядерного оружия. «В настоящее время ведется сооружение мощнейшего хранилища недалеко от Челябинска», – отметил министр.

При обсуждении вопроса о консолидации ядерных материалов, сообщил Евгений Адамов, было принято решение о «резком снижении числа предприятий, на которых хранятся ядерные устройства и материалы». Не удалось добиться прогресса только в вопросах антидемпинга урановой продукции. Ограничения продолжают действовать.

Наболевшую иранскую проблему в Минатоме постараются спокойно решить в течение года. Строительство трех блоков Бушерской АЭС будет продолжено. Вместе с тем Россия по-прежнему подчеркивает свою заинтересованность в контактах с США о нераспространении ядерных отходов.

В настоящее время на рынке утилизации и переработки ядерных материалов активно работают Франция, Великобритания и Китай. «У России пока есть шанс стать еще одним участником этого рынка, который способен приносить государству миллиарды долларов, и важно не упустить этот момент», – подчеркнул министр.

Чтобы не упустить уникальную возможность, Минатом намерен в мае внести на рассмотрение Госдумы поправку в российский закон «Об охране окружающей природной среды». При удачных итогах голосования эта поправка позволит ввозить на территорию России из-за рубежа отработанное ядерное топливо. По словам Евгения Адамова, для этого надо законодательно разграничить такие понятия, как отработанное ядерное топливо (ОЯТ) и ядерные отходы. Причем ввоз

ядерных отходов в Россию по-прежнему должен быть запрещен.

Россия могла бы ввозить ОЯТ зарубежных АЭС для временного хранения с последующим возвратом поставщикам или для технологической выдержки с последующей переработкой. (Иван Гидаспов. Ядерная дискуссия. Евгений Адамов рассказал о нехороших журналистах и о хорошем уране. *Финансовые Известия*. 06 апреля 1999, с.1.)

Неофициально в Минатоме подтверждают, что существует план возможного соглашения. Идея заключается в том, чтобы разрыв контактов НИКИЭТа с Ираном поменять на снятие санкций с этого института. Никто не может четко определить роль РХТУ в намечающейся сделке. Эта идея преподносится Минатомом как необходимость начать все с нуля, уже без санкций. Минатом считает, что российские организации не могут нести наказание за прошлые сделки и соглашения, что нужно открыть новую страницу в отношениях с США в этой сфере. Российские чиновники полагают, что подобная сделка с США вполне реальна. Тем не менее, они отмечают, что это не относится к соглашению по Бушеру, которое в данный момент реализуется. Хотя и здесь вроде бы есть готовность пойти на компромисс и отказаться от части работ передав их зарубежным фирмам. Но это еще станет предметом обсуждений, прежде чем оформится как официальная российская позиция.

В то же время эксперты Минатома подчеркивают, что судьба подобной сделки будет определяться на самом высоком уровне российской политики. Более того, есть предложение не торопиться сейчас, хотя Россия и заинтересована в скорейшем снятии санкций с этих организаций. Успех визита **Хатами** в Италию, а также растущий интерес французских и японских фирм к развитию программы мирного атома в Иране могут привести к созданию более широкого альянса против американской позиции по невоенному сотрудничеству с Ираном, в том числе в области ядерной энергетики. Сотрудники Минатома признают, что давление США сужает Минатому поле для маневра.

Все это доказывает, что Россия готова к обсуждению соглашения с США. Все фактически упирается в вопрос о размерах компенсации, кроме одного – Россия по-

прежнему выступает против принципиального пересмотра Бушерского контракта.

Незадолго до обострения отношений был создан базис для снятия российско-американских разногласий в этой области. Теперь крайне важно не утратить той основы для решения стратегических задач, которая столь трудно создавалась. Опасность этого существует, так как в начале косовских событий анонимные источники в министерстве обороны сообщали, что «серьезно рассматривается возможность выхода России» из достигнутых ранее договоренностей в рамках российско-американской комиссии в отношении российских поставок вооружений и военной техники Ирану. (*Соб. инф.*)

Минатом рассчитывает поддерживать ядерно-оружейный комплекс

Объемы работ министерства РФ по атомной энергии в области содержания и развития ядерно-оружейного комплекса России в последние годы заметно сократились. Это связано с тем, что его арсенал явно избыточен по меркам любой разумной военной доктрины и нынешнему государству не по карману. Поэтому, как отметил, выступая на пресс-конференции в Центре международной торговли министр Минатома Евгений **Адамов**, главная забота его ведомства на ближайшие годы – максимально использовать внебюджетные возможности для поддержки всех элементов ядерного оружейного комплекса. Это касается прежде всего безопасности функционирования ядерного оружия, предупреждения несанкционированного применения, конверсии, а также сохранения специалистов и инфраструктуры.

За последнее время в Минатоме реализован целый ряд интересных проектов. Например, на оборонных заводах налажен выпуск нефтегазового оборудования, не уступающего зарубежным аналогам, в известном ядерном оружейном центре Сарове (Арзамас-16) создано алмазное, бриллиантовое производство, работает совместное российско-американское предприятие по производству изотопов.

Согласно принятому в мае 1998 года решению правительства Минатому поручена ответственная задача: обеспечить выгрузку ядерного топлива с части АПЛ. В нынешнем году для этих целей будет завершено производство двух десятков контейнеров. Это

позволит вместо предполагаемого ранее темпа работ (около 10 АПЛ в год), начиная с 2001 года, разгружать не менее 20 АПЛ. Словом, военный потенциал Минатома может весьма эффективно использоваться в интересах укрепления ядерно-энергетической мощи страны. (Владимир Дерновой. Минатом приспосабливается к рынку. Он рассчитывает поддерживать ядерно-оружейный комплекс не только из бюджетных средств. *Красная Звезда*. 20 марта 1999, с.3.)

• ПРО

Интервью Юрия Соломонова расценивают как готовность Москвы к переговорам по модификации договора по ПРО

Широкий резонанс в американских СМИ вызвало интервью Юрия Соломонова, генерального конструктора стратегических ракет *Тополь-М*, опубликованное в феврале. В частности, газета *Washington Post* отмечает, что заявление генерального конструктора можно расценивать как готовность Москвы к переговорам по модификации договора по ПРО 1972 года. Особо выделяются те места из интервью Юрия Соломонова, в которых говорится, что ракеты *Тополь-М* могут преодолевать любую потенциально возможную систему противоракетной обороны. Впервые сообщается о перспективности высокоточных баллистических ракет, способных поражать сверхзащищенные цели (в том числе и пусковые установки МБР) в неядерном снаряжении. (СМИ США цитируют «НГ» и «НВО». *Независимое Военное Обозрение*, №8, 04–10 марта 1999, с.1.)

Разработан новый радиолокационный комплекс

В одном из российских НИИ закончены государственные испытания радиолокационного комплекса, реализующего новый метод радиолокации *на просвет*. Комплекс, разработанный российскими радиоинженерами, с вероятностью, близкой к единице, обнаруживает и распознает цели любого размера. Принципы радиолокации, разработанные и реализованные в новом образце радиотехнического вооружения российских ученых, впервые в мире дают возможность обнаружения, сопровождения и распознавания сверхмалоразмерных, маловысотных целей, в первую очередь крылатых ракет и самолетов *Стелс*. Он формирует радиолокационный барьер требуемой конфигурации общей протяженностью до 500 км. Комплекс

исключительно экономичен, компактен, надежен и недорог. (Николай Баранов. *Стелс* не пройдет. *Независимое Военное Обозрение*, №9. 12–18 марта 1999, с.3.)

США постепенно взламывают договор по ПРО

В российском Минобороны выражают крайнюю озабоченность последними шагами в Вашингтоне по развертыванию национальной ПРО. Генерал-полковник Леонид **Ивашов** прямо заявляет, что «под сомнение поставлена вся программа сокращения стратегических наступательных вооружений». Москва по-прежнему остается на своей позиции: договор по противоракетной обороне не должен подвергаться ревизии. Те изменения, которые пытается внести американская сторона, подрывают сущность самого договора. Это отнюдь не техническая корректировка текста, а кардинальное преобразование всей сути стратегического ядерного сдерживания и подрыв сложившихся в практике двух государств канонов ракетно-ядерного сдерживания.

В Москве не остаются безучастными к озабоченности Вашингтона в отношении гипотетических ракетных атак, возможных со стороны некоторых режимов на Ближнем и Среднем Востоке или Северной Кореи. Но при этом демонстрируется иной подход к проблеме. «Мы готовы обсуждать с США, как предотвратить гонку ядерных и ракетных вооружений пороговых государств, – говорит генерал-полковник Леонид Ивашов. – Мы готовы к нормальным, конструктивным переговорам, в том числе и с участием этих государств. Здесь есть эффективные пути и способы решения этой проблемы, причем не затрагивающие ныне существующих соглашений по сокращению стратегических наступательных вооружений. Военно-технические возможности России способны обеспечить широкий выбор путей взаимодействия в этой сфере». (Дмитрий Горностаев, Вадим Соловьев. США постепенно взламывают договор по ПРО. Билл Клинтон, вероятно, не станет блокировать законопроект о национальной противоракетной обороне, чем создаст еще одну проблему в отношениях с Кремлем. *Независимая Газета*. 19 марта 1999, с.1.)

Конгресс разрушает стратегический паритет между США и Россией

Москва поставлена перед необходимостью найти адекватный ответ. В условиях недофинансирования армии он, скорее всего,

примет форму дипломатического демарша или *мирного наступления*. Вероятно, в Госдуме окончательно отложат ратификацию договора СНВ-2, а МИД в очередной раз реанимирует идею тройственного (Китай, Индия, Россия) или многостороннего альянса стран, чей ядерный потенциал будет девальвирован. Хотя *возможны варианты*. (Юрий Голотюк, Владимир Михеев. *Звездные воины* возвращаются. Конгресс разрушает стратегический паритет между США и Россией. *Известия*. 19 марта 1999, с.1.)

• СПРН

Россия может потерять возможность создания орбитальной системы предупреждения о ракетном нападении

2 марта начал свою работу на геостационарной орбите новый российский военный спутник связи *Глобус-1*. Он будет обеспечивать связь Генштаба и Вооруженных сил РФ, включая стратегические ядерные силы, а также правительственную связь.

Глобус-1 заменит аналогичный аппарат, запущенный на орбиту в июне 1989 года. Для полноценного обеспечения связью вооруженных сил необходимо иметь группировку в составе как минимум 17 спутников, а их сейчас на орбите находится лишь пять, один из них был запущен еще в 1990 году и, как выражаются военные, *почти сдох*.

Однако этим проблемы не исчерпываются. В 1991 году все 720 расположенных над экватором так называемых *точек стояния* геостационарной орбиты были распределены Международным комитетом по регистрации частот (IFRB) между подавшими соответствующие заявки государствами и организациями. России достались 57 точек — столько, сколько она хотела иметь для создания глобальной системы предупреждения о ракетном нападении, военной связи и ретрансляции.

Отсутствие средств на производство и запуск новых космических аппаратов привело к тому, что сегодня из 57 своих точек Москва сумела *занять* лишь 27. IFRB решил навести порядок в использовании орбитальных позиций. 17 ноября 2000 года комитет начнет ревизию использования государствами и организациями выделенных им точек. У России просто отберут точки, которые она не эксплуатирует (это касается всех стран,

которые не заняли спутниками все отведенные для них места).

Лишившись запаса свободных точек, Россия потеряет даже теоретическую возможность создания крайне необходимой ей орбитальной системы предупреждения о ракетном нападении — эта проблема становится для Москвы особенно актуальной после отказа от развития наземного компонента системы в виде дорогостоящих радиолокационных станций. Не будет пополнена и флотилия военных спутников связи. Без этого не может быть обеспечена связь с ядерными подводными ракетоносцами, несущими боевое дежурство в мировом океане, или зарубежными резидентурами Службы внешней разведки и главного разведуправления Генштаба. (Иван Сафронов, Илья Булавинов. Россию сталкивают с орбиты. *Коммерсант-Daily*. 03 марта 1999, с.1.)

• Ядерная доктрина. Сокращение ядерных вооружений

Борис Ельцин утвердил «Основные направления политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»

Как сообщил первый заместитель секретаря Совета безопасности РФ Вячеслав Михайлов, президент Борис Ельцин на днях утвердил «Основные направления политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». Этот документ определяет роль и задачи ядерных сил, а также условия их применения для обеспечения безопасности государства. Ядерные силы рассматриваются в документе как «гарант национальной безопасности и средство сдерживания агрессии против России и ее союзников». В документе подчеркивается, что политика ядерного сдерживания не направлена против какого-либо государства или союза государств. В нем также заявлено о приверженности РФ политике последовательного сокращения ядерных арсеналов на глобальном уровне с целью полной ликвидации этого оружия. «Основные направления» могут стать базой для принятия конкретных решений о структуре ядерных сил России, которая в настоящее время активно обсуждается в Минобороны. (Сергей Сокут. Ельцин утвердил ядерную политику. *Независимая Газета*. 16 марта 1999, с.1.)

Россия должна иметь право на первый ядерный удар

В новую военную доктрину России должно быть включено положение о том, что если

угроза применения сил общего назначения какого-либо государства против РФ значительно превышает возможности ее обороны силами общего назначения, то она имеет право на нанесение превентивного ядерного удара, а не только ответного или ответно-встречного, заявил председатель думского комитета по обороне Роман **Попкович** в связи с решением конгресса США начать работы по созданию национальной системы ПРО. По его словам, Россия должна «твердо отойти от формулы, согласно которой в ближайшей перспективе войны, особенно с применением стратегических ядерных сил, не будет». Мы должны указать, сказал Роман Попкович, что возможность войны с применением ядерного оружия существует. Исходя из этого и надо строить силы общего назначения и стратегические ядерные силы, полагает председатель думского комитета. (Россия должна иметь право на первый ядерный удар. *Коммерсант-Daily* (со ссылкой на *РИА Новости*). 20 марта 1999, с.3.)

Принято решение ускорить темпы реформирования национальных стратегических ядерных сил

Высшее военно-политическое руководство России приняло решение резко ускорить темпы реформирования национальных стратегических ядерных сил (СЯС). Как заявил в ходе своего визита в Дели министр обороны РФ маршал Игорь **Сергеев**, «уже в ближайшее время» российскому президенту будет представлен согласованный доклад о путях повышения боевой эффективности СЯС. И хотя маршал пока что предпочел не вдаваться в подробности будущей реформы, общее ее направление известно – Россия сжимает свой ядерный кулак. Все три элемента национальной ядерной триады: ракетные войска стратегического назначения (РВСН), атомный подводный ракетный флот ВМФ и стратегические бомбардировщики из состава ВВС, вместе с 12-м главным управлением МО, в ведении которого находятся все ядерные заряды страны, войдут в состав Объединенного главного командования стратегических сил сдерживания. Спешить же с этим военным вынуждает стремительное изменение внешнеполитической ситуации. (Юрий Голотюк. Москва сжимает свой ядерный кулак. Действия Вашингтона вносят коррективы в российскую военную реформу. *Известия*. 23 марта 1999, с.3.)

Из послания президента Российской Федерации «О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации»

«Приоритетным для нашей и международной безопасности, особенно в период обострения обстановки в мире, является продолжение процесса сокращения стратегических ядерных вооружений. После ратификации договора СНВ-2 Россия и США смогут приступить к переговорам по еще более низким уровням стратегических вооружений в рамках договора СНВ-3. При этом будем решительно отводить опасные попытки подрвать договор по ПРО, что не только разрушило бы глобальную структуру военной стабильности, но и привело бы к неконтролируемому распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки. Это тем более опасно, что сегодня в связи с ядерными испытаниями в Индии и Пакистане в центр внимания мирового сообщества, в том числе США и России, выдвинулся ключевой для международного мира вопрос – сохранение режима нераспространения ядерного оружия. Главное сейчас – добиться подписания без каких-либо условий этими странами Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и их скорейшего присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия». (Россия на рубеже эпохи. Из послания президента Российской Федерации «О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации»). *Российская Газета*. 31 марта 1999, с.6.)

О законопроекте «О финансировании Стратегических ядерных сил до 2010 года»

2 февраля комитет Госдумы по обороне получил из правительства РФ отрицательный отзыв на законопроект «О финансировании Стратегических ядерных сил до 2010 года». Первый вице-премьер Юрий **Маслюков** посчитал принятие такого закона нецелесообразным, поскольку финансирование национальной обороны прописано в законе о федеральном бюджете.

Исход борьбы вокруг этого законопроекта, считает Роман **Попкович**, напрямую определяет и судьбу договора СНВ-2. В Думе охотников не допустить ратификации договора по-прежнему немало. Это своего рода инструмент давления на президента и правительство. С такой игрушкой многим парламентариям и целым фракциям расставаться, конечно, жаль. И фиаско, которое потерпел *неСЯСный* закон в

правительстве, им только на руку. (Владимир Ермолин. СЯС России просят стратегического финансирования. *Известия*. 03 марта 1999, с.3.)

4 марта комитет Государственной Думы по обороне на очередном заседании рассмотрел вопрос о внесении на пленарное заседание согласованного текста законопроекта «О финансировании Стратегических ядерных сил до 2010 года». Представляя законопроект, председатель комитета Роман Попкович отметил, что к 2010 году истекут сроки эксплуатации большей части ударных средств СЯС и обеспечивающих их функционирование и применение систем. Предлагаемый проект через законодательное установление и фиксирование минимально необходимых гарантированных ежегодных объемов финансирования СЯС, обеспечивает максимально возможное (в рамках прогнозируемых технических возможностей и действующих договоров) поддержание боевой готовности ударных средств, обеспечивающих их космических систем, а также дальнейшее их совершенствование и ядерную безопасность.

Документ, поддержанный всеми членами комитета, представляющими все фракции Думы, тесно увязан с проблемой СНВ-2. Внесение в законопроект положения об особенностях ратификации договоров в области стратегических наступательных вооружений и противоракетной обороны обусловлено как проблемами выполнения Россией обязательств по договору СНВ-1, так и проблемами финансирования СЯС на обозримую перспективу. (Виталий Денисов, Станислав Маслюк. СНВ-2: на пути к ратификации. *Красная Звезда*. 10 марта 1999, с.1.)

ЛДПР лоббирует СНВ-2

Совет Государственной Думы не поддержал предложение фракции ЛДПР вынести в повестку дня заседания 5 марта вопрос о ратификации договора СНВ-2. Четирем комитетам – по обороне, по безопасности, международным делам и геополитике – поручено «более детально проработать вопрос», после чего судьбу договора определит нижняя палата парламента. (Александр Садчиков. Дума не торопится ратифицировать договор СНВ-2. *Известия*. 03 марта 1999, с.1.)

Совет Думы увязал ратификацию СНВ-2 с невыходом США из договора о противоракетной обороне

Американцы давно настаивают на развертывании новой системы противоракетной обороны. В конце февраля заместитель госсекретаря США Струоб Тэлботт заявил, что система направлена не против России, а против ракетной угрозы со стороны *непредсказуемых режимов*. 16 марта член комитета по национальной безопасности конгресса США Курт Уэлдон пояснил, какие страны американцы относят к *непредсказуемым режимам*: КНДР, Ирак, Иран и Пакистан. И призвал Россию к сотрудничеству в создании *ядерного зонтика*.

Но левое большинство Думы считает торг по ПРО неуместным. Поэтому совет Думы увязал ратификацию СНВ-2 с невыходом США из договора о противоракетной обороне. У премьера еще остается шанс изменить ситуацию в свою пользу. Для этого он должен действовать как Анатолий Чубайс, который получал поддержку Запада, регулярно напоминая ему об угрозе правительству со стороны *красной* Думы. (Андрей Багров, Афанасий Сборов. Премьер теряет парламент. *Коммерсант-Daily*. 17 марта 1999, с.1.)

Геннадий Селезнев: «ядерных боеголовок достаточно для обеспечения безопасности России»

Спикер Госдумы Геннадий Селезнев полагает, что предусмотренных для России, согласно договору СНВ-2, ядерных боеголовок достаточно для обеспечения ее безопасности. «Нам предостаточно сегодня тех боеголовок, которые мы будем иметь по СНВ-2, и даже тех ядерных боеголовок, которые мы будем иметь по договору об СНВ-3, чтобы гарантировать полную безопасность России», – заявил он. Напомнив, что Госдума направила предложения президенту России Борису Ельцину в связи с предстоящей ратификацией договора об СНВ-2, Геннадий Селезнев заявил, что если глава государства поддержит в этом вопросе палату, то «с этим договором будет все в порядке». По словам Геннадия Селезнева, предложения депутатов касаются того, «что нужно сделать, чтобы национальной безопасности России ничего не угрожало». (России хватает ядерных боеголовок. *Независимая Газета* (со ссылкой на *Итар-Тасс*). 18 марта 1999, с.1.)

Оппозиция обещала премьеру ратифицировать СНВ-2

На встрече 18 марта Евгения **Примакова**, Геннадия **Зюганова**, Николая **Рыжкова**, Николая **Харитонов** и примкнувшего к ним через полтора часа первого вице-премьера Юрия **Маслюкова** обсудили: экономическое положение России, проблему ратификации соглашения СНВ-2, ситуацию вокруг Югославии и перспективы переговоров с МВФ.

Премьер уговаривал своих гостей в Белом доме *отдать* Юрия **Скуратова** президенту, взамен обещая сохранить Юрия Маслюкова и Геннадия **Кулика** в составе своего кабинета. Коммунисты пообещали Евгению Примакову: ратифицировать договор СНВ-2, не *бузотерить* из-за отлучения г-на Маслюкова от переговоров с МВФ и даже смириться с отставкой Юрия Скуратова, если генпрокурорское кресло займет его заместитель Михаил **Катышев**. (Владимир Корсунский. Красная вечеря в Белом доме. Премьер успокоил коммунистов. *Известия*. 20 марта 1999, с.2.)

Фракция НДР: ратификация договора СНВ-2 необходима

«Ратификация договора СНВ-2 необходима для перехода к дальнейшему сокращению стратегических ядерных вооружений, сближению уровней этих вооружений ядерных государств, что послужит основой для создания международной системы коллективной ядерной безопасности», – говорится в заявлении фракции *Наши дом – Россия* «О ратификации договора между Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (СНВ-2).

Рассматривая ратификацию договора СНВ-2 как необходимый шаг на пути обеспечения ядерной безопасности, фракция НДР предостерегает, что срыв ратификации СНВ-2 сделает депутатов Госдумы нынешнего созыва ответственными перед народом России за неизбежное через 10–15 лет превосходство США над Россией в области стратегических вооружений, утрату Россией статуса международного авторитета в сфере обеспечения международной безопасности, отвлекая при этом значительные средства на поддержание стареющих бесперспективных ядерных средств в готовности к применению. (Фракция НДР: ратификация российско-

американского договора СНВ-2 необходима. *Думское Обозрение*, №45, 20 марта 1999.)

Борьба за СНВ-2 в марте

16 марта ряд информационных агентств распространили информацию, что договор СНВ-2 может быть ратифицирован в ближайшую пятницу (19 марта). В тот день спикер Думы Геннадий **Селезнев** заявил, что если президент одобрит последний законопроект о ратификации договора (законопроект Лукина–Попковича), то «депутаты начнут обсуждение СНВ-2 до отъезда Евгения **Примакова** в США».

Вечером 16 марта премьер-министр Евгений **Примаков**, первый вице-премьер Юрий **Маслюков**, начальник генерального штаба Анатолий **Квашнин** и генеральный конструктор Московского института теплотехники Юрий **Соломонов** приняли участие в программе «Здесь и сейчас» на канале ОРТ и выступили за скорейшую ратификацию договора.

17 марта лидер фракции *Наши дом – Россия* Владимир Рыжков заявил, что договор должен быть ратифицирован *без промедления*.

Все это стало причиной ажиотажа вокруг темы ратификации и ожиданий того, что договор будет ратифицирован еще до отъезда Евгения **Примакова** в США. При этом Геннадий **Селезнев** на самом деле говорил не о ратификации СНВ-2 в этот период, а о начале его рассмотрения Думой.

Вопрос о ратификации договора СНВ-2 не был включен в предварительный план работы палаты в марте, одобренный законодателями 19 февраля. Тем не менее 2 марта на Совете Думы этот вопрос рассматривался, и было принято решение интенсифицировать работу над законопроектом о ратификации (законопроект Лукина–Попковича был закончен еще в декабре 1998 года, и тогда же одобрен Советом Думы) и направить его для рассмотрения и предложений во фракции, комитеты и комиссии Думы.

16 марта Совет Думы принял решение еще раз направить законопроект президенту для предложений в соответствии с законом о международных договорах. Тем не менее реально от президента ждали не предложений, а внесение законопроекта на рассмотрение палаты от своего имени. На этом Совете Думы лидер фракции ЛДПР Владимир **Жириновский** активно лоббировал СНВ-2.

Он, в частности, предложил включить вопрос о ратификации договора в повестку дня пленарного заседания 19 марта. Его предложение не было принято. Тем не менее на следующий день, на пленарном заседании он вернулся к своему предложению, убеждая палату рассмотреть вопрос 19 марта. Предложение вновь было отвергнуто.

В эти дни обстановка для ратификации СНВ-2 была в Думе благоприятной. Все фракции в принципе были согласны поддержать законопроект Лукина–Попковича, внесенный от имени президента, хотя официальных фракционных установок выработано и не было. Единственное чего не хватало для решения вопроса – это собственно законопроекта, внесенного от имени президента. В какой-то степени репетицией голосования по СНВ-2 можно считать принятие в первом чтении 17 марта закона «О финансировании стратегических ядерных сил Российской Федерации на период до 2010 года».

С того времени, как Евгений Примаков стал премьер-министром, резко снизилась заинтересованность КПРФ в затягивании процесса ратификации СНВ-2 для сохранения его в качестве инструмента внутривластного торга и для дискредитации Бориса Ельцина перед его западными партнерами, которым он неоднократно обещал обеспечить ратификацию договора в России. Коммунисты не заинтересованы в ослаблении позиций Евгения Примакова, и поэтому готовы оказать ему поддержку, в том числе и в вопросе ратификации СНВ-2, этот договор, как известно он поддерживает. Это стало особенно актуально после того, как наметилась непрямая увязка вопроса предоставления иностранной помощи и ратификации договора. Получение западных кредитов сейчас рассматривается как основное мерило успехов кабинета Примакова, и когда в марте считалось, что без ратификации договора рассчитывать на эту помощь будет нельзя, левое большинство в Думе было готово и таким способом помочь премьеру.

К сожалению, в этом году ратификационный процесс был вновь поставлен под угрозу из-за инертности президента России и его администрации. Еще в декабре прошлого года комитетами по обороне и международным делам был подготовлен законопроект Лукина–Попковича, который неофициально был одобрен всеми основными думскими силами,

включая коммунистов. Тогда же документ был передан и главе государства, от него был получен положительный, но не официальный ответ. Он должен был внести этот вариант законопроекта в Думу от своего имени в замен того варианта законопроекта, который он представил в палату в апреле 1998 года. Однако в декабре это не было сделано из-за начала военной операции против Ирака буквально накануне того, как в Думе ожидали поступления документов от президента.

17 марта Сенат США принял решение о создании и развертывании в США системы национальной ПРО (решение принималось ранним утром 18 марта по московскому времени). В России итоги голосования в Сенате вызвали ожесточенную критику практически всех политических сил. Появились опасения, что это может стать существенным препятствием для ратификации СНВ-2 в России. Однако развитие событий в России 18 и 19 марта не подтвердило этих опасений.

18 марта Евгений Примаков встретился в Белом доме с лидерами левых сил в Думе. Через некоторое время к группе присоединился и первый вице-премьер Юрий Маслюков, с чьим участием обсуждался вопрос ратификации СНВ-2. Источники, близкие к одному из участников встречи – Николаю Харитонову – сообщили нам, что вопрос ратификации договора был поднят на встрече самим Евгением Примаковым, и он запросил у Думы полную поддержку в данном вопросе. Премьер хотел быть абсолютно уверен в том, что законопроект Лукина–Попковича будет принят палатой, когда президент его внесет. По всей видимости он получил от лидеров левого большинства положительный ответ, хотя они и оговорились, что могут гарантировать ратификацию при условии, если не начнутся бомбардировки Югославии.

На пленарном заседании **19 марта** (последнем пленарном заседании в марте, так как затем депутаты–одномандатники разъезжались в свои избирательные округа, и следующее заседание должно было состояться только 2 апреля) депутаты одобрили примерный план работы на апрель. В нем они запланировали рассмотрение законопроекта о ратификации договора СНВ-2 на второе апреля. При этом они имели в виду именно законопроект Лукина–Попковича, хотя на тот момент он еще и не был внесен президентом в Думу.

22 марта президент внес законопроект Лукина–Попковича в Думу от своего имени, сняв тем самым внутрироссийские препятствия для ратификации договора. После этого шансы принятия палатой положительного решения уже в самом начале апреля можно было рассматривать как очень высокие. По сути Евгений Примаков вылетал в США, хоть и не с ратифицированным договором, но с твердыми гарантиями, что внутрироссийских препятствий для завершения процесса больше нет.

Однако начало военной акции против Югославии заблокировало ратификационный процесс. На внеочередном пленарном заседании 27 марта палата приняла постановление, в котором, в частности, содержалось обращение к президенту России отозвать из Думы внесенный законопроект о ратификации СНВ-2. В то же время основные заинтересованные лица их исполнительной власти – премьер-министр Евгений Примаков, министр иностранных дел Игорь **Иванов** и министр обороны Игорь **Сергеев** – высказались в поддержку ратификации СНВ-2, оставаясь при своем мнении, что договор необходим России. (*Соб. инф.*)

- **Атомный флот**

Атомный флот на отстое

Госатомнадзор России запретил эксплуатировать атомный ледокол *Арктика*, ядерная энергетическая установка которого выработала свой ресурс.

Арктика, построенная в 1975 году, является наиболее *древним* из гражданских атомоходов, и все допустимые сроки эксплуатации ее реакторов закончились. Сейчас, сообщил представитель контролирующего органа Олег **Вострецов**, на *Арктике* проводятся работы по продлению сроков работы реакторов.

Свыше 100 атомных подводных лодок Северного флота требуют выгрузки отработавшего ядерного топлива и утилизации, сообщил начальник Северо-Западного межрегионального территориального округа Госатомнадзора России Валерий **Мартынов**. По его прогнозам до окончательной утилизации всех лодок и выгрузки из них активных зон «может пройти много лет, так как денег на обращение с отработавшим топливом нет». Сейчас в России действует лишь один спецэшелон по транспортировке активных зон реакторов. В прошлом году он совершил три рейса из

Мурманска и один из Северодвинска и вывез отработавшее топливо с восьми лодок. Если вывоз топлива с лодок будет вестись прежними темпами, то на разгрузку всех подводных лодок понадобится свыше 12 лет. (Атомный флот на отстое. *Российская Газета* (со ссылкой на *Итаp-Тасс*). 05 марта 1999, с.3.)

С 2001 года специалисты Минатома смогут освобождать от ядерного топлива не менее 20 российских АПЛ в год

С 2001 года специалисты Минатома РФ смогут освобождать от ядерного топлива не менее 20 российских атомных подводных лодок в год. В нынешнем году будет изготовлено около 20 контейнеров для высвобождаемого топлива. Как сообщил сегодня на пресс-конференции министр РФ по атомной энергии Евгений **Адамов**, за последнее время работы по созданию спецконтейнеров для топлива серьезно продвинулись, что и позволяет делать прогнозы по извлечению топлива из подлодок. (Анна Баженова. С 2001 года специалисты Минатома смогут освобождать от ядерного топлива не менее 20 российских атомных подводных лодок в год. *Итаp-Тасс*. 17 марта 1999.)

- **Экспорт и экспортный контроль**

Минатом намерен полностью выполнять все обязательства перед Ираном

Россия продолжает вести работы по достройке *под ключ* блока атомной станции в Иране. Иранская сторона предложила России построить еще три атомных блока. Об этом сообщил 17 марта на пресс-конференции министр РФ по атомной энергии Евгений **Адамов**. По его словам, сейчас на достройке блока работают около 1000 российских и иранских специалистов. «Минатом намерен корректно и полностью выполнять все обязательства перед Ираном. Возможно, российско-иранское сотрудничество будет расширяться в рамках, которые позволяют международные нормы», – отметил министр. – «Параллельно с этим, министерство будет разъяснять американским коллегам, что именно мы делаем». Евгений Адамов подчеркнул, что обвинения России в том, что она может продавать ядерные технологии Ирану, «не поддаются никакой логике: для чего продавать такие технологии ближнему с географической точки зрения соседу?» (Анна Баженова. Минатом намерен полностью выполнять все обязательства перед Ираном и разъяснять США, какие именно работы

ведутся, заявил Евгений Адамов. *Итар-Тасс*. 17 марта 1999.)

Виктор Михайлов против расширения сотрудничества с Ираном

28 марта первый заместитель министра по атомной энергии Виктор **Михайлов** заявил, что «Россия не должна спешить идти навстречу предложениям Ирана построить в Бушере еще три ядерных реактора». По утверждению Виктора Михайлова, когда он был министром по атомной энергии, Иран ставил вопрос о возможности строительства в Бушере еще трех ядерных реакторов. В настоящее время в Бушере идет строительство первого энергоблока с российским ядерным реактором ВВЭР-1000. Виктор Михайлов считает, что необходимо подождать и «отработать на одном энергоблоке все элементы взаимодействия с Ираном, все финансовые и транспортные потоки. Сегодня торопиться подписывать контракты с Ираном на строительство еще трех ядерных реакторов на атомной электростанции в Бушере – это значит поднимать бурю в стакане воды», – подчеркнул заместитель министра.

Вспомнил г-н Михайлов и о российских институтах, попавших в немилость к США. Он не исключил, что «сами предприятия могли продолжать работу, потому что у нас предприятиям дано право заниматься коммерческой и экспортной деятельностью». Вместе с тем он подчеркнул, что даже если такого рода работа между отдельными российскими предприятиями и Ираном и продолжалась, речь все равно не шла о ядерном оружейном комплексе. По предположению Виктора Михайлова, стороны могли сотрудничать «лишь в вопросах строительства специальных исследовательских реакторов и различных установок радиохимической переработки». (Иван Гидаспов. Буря в стакане тяжелой воды. Чиновники Минатома России готовы идти на уступки американцам. *Финансовые Известия*. 30 марта 1999, с.1. *По этому вопросу см. также статью Виктора Михайлова в Ядерном Контроле, №2, 1999, с.62–66*)

Американцы неправильно поняли Евгения Адамова

17 марта *New York Times* со ссылкой на главу Минатома Евгения **Адамова** сообщила, что Россия готова сократить сотрудничество с Ираном в обмен на снятие американских санкций с двух российских научных центров. В тот же день Евгений Адамов опроверг это сообщение, сказав, что Минатом *корректно и*

полностью будет выполнять свои обязательства перед Тегераном. Более того, по словам главы Минатома, его ведомство постарается расширить свою деятельность в Иране.

Как рассказал источник в Минатоме, «американцы слишком прямолинейно восприняли то, что говорил им Адамов». Министр действительно рассказал *New York Times* о том, что еще осенью прошлого года Минатом запретил НИКИЭТ поставку в Иран исследовательского реактора. Евгений Адамов выразил готовность предоставить США документы, подтверждающие отсутствие контактов между НИКИЭТ и Ираном, и выразил надежду, что после этого санкции США против этого института будут сняты. По словам источника, намерение Евгения Адамова обменяться с американцами информацией и было истолковано журналистами *New York Times* как готовность к более широкой сделке.

Между тем США накануне встречи Примаков–Гор демонстрируют России, что она могла бы получить компенсацию за хорошее поведение. Как заявил 17 марта Евгений Адамов, на следующей неделе в США будет подписано соглашение о поставках российского урана французской компании Cogema и канадской Cameco. Правительство США выступило в этой сделке посредником после того, как от закупок российского урана отказались американские частные компании. (Николай Кучин, Борис Волхонский. Минатом готов помочь Примакову, но не за свой счет. *Коммерсант-Daily*. 18 марта 1999.)

Монитор радиоактивного наблюдения на таможне в Астрахани в действии

Шестой месяц в Астрахани в рамках программы «Вторая линия защиты» между Государственным таможенным комитетом России и министерством энергетики США действует система контроля за радиоактивным наблюдением *Янтарь*. Подобные приборы имеются в нашей стране только в столичном аэропорту Шереметьево. Необходимость и целесообразность новшества подтвердило недавнее ЧП, которое произошло в городе на Волге.

При следовании через таможенный пост *Стрелецкий*, где установлена система, был задержан автомобиль КрАЗ. Поводом для этого стали показания приборов радиоактивного наблюдения. «Мы выявили, что в кабине повышенное содержание

радионуклидов», — рассказал начальник отделения таможенного контроля капитан 2-го ранга запаса Михаил **Браиловский**. Счетчик показал значительное превышение допустимой дозы. По словам таможенника, опасности для окружающих на расстоянии двух–трех метров машина не представляет, но вред здоровью водителя и пассажирам мог быть нанесен существенный. Сейчас выясняется, откуда и как *зараженный* КрАЗ попал в Астрахань.

Через Астрахань следуют транзитом и железнодорожные вагоны других государств. Поток их постоянно увеличивается, поэтому в феврале был дополнительно установлен монитор радиоактивного наблюдения на железнодорожной станции. (Алексей Чкалин. Радиация не пройдет. *Красная Звезда*. 20 марта 1999, с.3.)

Комиссия по экспортному контролю карает виновных и защищает невинных

7 апреля под председательством Юрия **Маслюкова** прошло заседание правительственной комиссии по экспортному контролю. Раньше такие заседания старались приурочить к встречам Гора и Черномырдина, потом Гора и Кириенко. На этот раз комиссия собралась именно в тот момент, когда в Москве работает миссия МВФ, которой предстоит решить вопрос о кредите для России.

В заседании также приняли участие высокопоставленные чиновники из Федеральной службы по валютному и экспортному контролю, Российского космического агентства, Минобороны, МИДа, Госатомнадзора, Минатома, Минюста и ФСБ. Заседание прошло за закрытыми дверями. Как удалось выяснить, в центре внимания был вопрос о внесении изменений в Уголовный кодекс, ужесточающий наказания за нелегальный экспорт. Поправки, которые еще предстоит согласовать с Генпрокуратурой, разработаны в ФСБ. Кроме того, обсуждалась перспектива принятия закона об экспортном контроле с дополнениями, определяющими механизм контроля за экспортом.

Вопрос о десяти российских организациях, заподозренных американцами в незаконном сотрудничестве с Ираном и подвергшихся санкциям (госдепартамент огласил их список в июле и дополнил в январе), в повестке дня не фигурировал. Но их не раз упоминали, поскольку проверка деятельности большинства этих организаций практически

завершена. При проверке фирм МОСО и *Европалас-2000* обнаружены нарушения таможенного законодательства.

У комиссии по экспортному контролю есть вопросы еще к одной–двум организациям, остальные же не совершили ничего противозаконного.

С нарушителями российские власти обещают разобраться после внесения поправок в уголовное законодательство. А тех, кого американцы обвинили необоснованно, Россия намерена защитить, то есть просить США об отмене санкций. Возможно, Москве поможет в этом Израиль, главная заинтересованная в предотвращении утечки военных технологий в Иран сторона. Премьер Биньямин **Нетаньяху**, посетивший Москву в конце марта, обещал Евгению **Примакову** замолвить за Россию слово перед США. Но только после того, как израильские эксперты убедятся в том, что утечек российских технологий в Иран действительно не было. (Николай Кучин, Леонид Панин. Иран покупал ракетные технологии у фиктивных компаний. Их учредителями были иностранцы. *Коммерсант-Daily*. 08 апреля 1999, с.2.)

• Ядерная безопасность

Премьер-министр о контроле за ядерным оружием

Евгений **Примаков** заявил, что абсолютно убежден в том, что в России ядерное оружие и технологии находятся под полным контролем. Если бы это было не так, то я сейчас не сидел бы здесь, давая интервью, сказал он. Я специально посещал базы, чтобы лично удостовериться, в каком состоянии находятся эти вооружения, подчеркнул Евгений **Примаков**. (Алексеи Бережков. Евгений **Примаков** не согласен с мнением, что США стремятся превратить Россию во второразрядную державу. *Итаp-Тасс*. 19 марта 1999.)

• ЗАТО

У закрытых городов теперь не будет налоговых льгот

17 марта Госдума приняла закон, перекрывающий один из самых популярных способов ухода от уплаты налогов. Речь идет об отмене налоговых льгот для предприятий, зарегистрированных на территории так называемых закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). Цена

голосования в Думе оказалась чрезвычайно высока: по данным Минфина, потери федерального бюджета от деятельности ЗАТО составили в прошлом году 4 млрд 695 млн рублей. При этом наибольший ущерб госказне принесли льготы по НДС и акцизам на алкогольную продукцию.

Идея перекрыть популярную налоговую лазейку принадлежит министру налогов и сборов Георгию **Боосу**, который внес в Думу соответствующий законопроект прошлой осенью. Однако депутаты не спешили помочь своему бывшему коллеге, поскольку фискальный интерес входил в противоречие с интересами оборонной промышленности. Не секрет, что поддержка последней является любимым предвыборным аргументом для большинства народных избранников. Работая на территории ЗАТО предприятия, кроме всего прочего, являются градообразующими, и в условиях скудного бюджетного финансирования налоговые льготы для них — единственное средство выживания.

После продолжительных консультаций с народными избранниками и руководством администраций *закрытых городов* Георгию Боосу удалось найти золотую середину между интересами бюджета и оборонной промышленности. За день до голосования он внес в Думу поправку, согласно которой льготы на закрытых территориях будут действовать только для *местных* предприятий. Критерии отбора таких организаций довольно просты: они должны иметь не менее 90% оборотных средств и осуществлять не менее 70% своей деятельности на территории ЗАТО. Кроме того, не менее 70% работников таких предприятий должны постоянно проживать на *льготной территории*. При этом предприятия должны выплачивать им не менее 70% от всего фонда зарплаты. (Наталья Неймывева. Депутаты вернули в бюджет 4,5 миллиарда рублей. Зато у закрытых городов теперь не будет налоговых льгот. *Финансовые Известия*. 18 марта 1999, с.1.)

• Международная помощь

Лондон поможет России с ядерными отходами

3 марта в Мурманск прилетел министр иностранных дел Великобритании Робин **Кук**. Британского министра интересует, как обстоят дела с хранением ядерных отходов с российских атомных подводных лодок.

В мае 1998 года после передачи списанных подлодок в ведение Минатома появилась надежда, что проблема их утилизации будет решена. Правда, не за счет российского бюджета, а с помощью зарубежных спонсоров, которых пугает, что Баренцево море превращается в мировую атомную свалку. К реализации плана неотложных работ по утилизации списанных подлодок удалось привлечь Норвегию, США и Японию. Норвегия в этом году выделит 30 млн долл., а США — 50–60 млн долл., но этого явно недостаточно. «Работы хватит всем», — сказали в Минатоме: в последнее время ВМФ списал 157 подлодок, из них 95 — на Северном флоте. Из 65 субмарин даже не выгружено ядерное топливо.

По оценкам международных экспертов, чтобы решить эту проблему, России потребуется 30–40 лет и один триллион долларов. Два месяца назад в Лондоне побывала делегация Минатома, которая обратила внимание Великобритании на катастрофическую ситуацию, сложившуюся у ее морских границ. И вот теперь Робин Кук решил посмотреть, насколько серьезна угроза, нависшая над Европой. (Юрий Чубченко. Лондон поможет России с ядерными отходами. Если в Мурманске напугают Кука. *Коммерсант-Daily*. 03 марта 1999, с.4.)

МНТЦ подводит итоги

77% научных учреждений, мирные проекты которых поддерживает материально МНТЦ, расположены в России. Остальные — в Армении, Грузии, Киргизии и Белоруссии. За пять лет на конверсию *ядерных* и иных *оружейных* умов бывшего Советского Союза центр израсходовал свыше 190 млн долл. Средства напрямую получили свыше 24 тыс. наших ученых, занятых прежде в *оружейных* разработках. Это позволило только в минувшем году выполнить 158 проектных разработок в области биотехнологий, экологии, химии, приборостроения и других.

Подводя итоги проделанной работы, председатель совета управляющих МНТЦ доктор Рональд Ф. **Леман** утверждает, что эта «уникальная международная научно-техническая организация потребовала нового мышления и усовершенствованных методов деловой практики». К сожалению, в самих США, похоже, далеко не все это понимают так, как понимают 100 сотрудников МНТЦ, представляющие уже 11 стран-участниц. А количество организаций, вошедших в центр, в числе которых всемирно известные *General*

Electric, Bayer AG, Mitsubisi, MASDA и другие, вплотную приблизилось к полусотне.

Что касается конкретных проектов, объединивших усилия ученых из разных стран в мирных целях, то следует отметить работу Физического института им. Лебедева из Москвы, обеспечившего приоритет России в области нейронных компьютерных сетей, позволяющих электронным машинам самосовершенствоваться; новый метод очистки загрязненных территорий, разработанный специалистами Научно-исследовательского центра токсикологии из Серпухова и созданную нижегородским КБ *Лазурит* базу данных захоронений радиоактивных отходов. (Владимир Марюха. Конверсия ядерных умов. Мирные проекты разработчиков оружия. *Красная Звезда*. 05 марта 1999, с.3.)

Российские военные отказались сотрудничать с США по КП-2000

Из-за бомбардировок Югославии Минобороны РФ отказалось от сотрудничества с военными США и других стран НАТО в решении *Проблемы-2000*. В ночь на 1 января 2000 года российским ракетчикам придется в одиночку следить за тем, чтобы сбои в их компьютерных системах не привели к началу ядерной войны.

В феврале американские военные, обеспокоенные состоянием компьютерных систем стратегических ядерных сил России, предложили Минобороны РФ перед наступлением 2000 года обменяться группами наблюдателей. Минобороны РФ взяло тайм-аут и пообещало дать ответ на инициативу американцев в конце марта. Российским военным, по-видимому, не очень хотелось показывать, насколько устарели их компьютерные системы. Но главная загвоздка была в финансах. Средств на создание российско-американского центра по проверке предупреждений о ракетном нападении у Минобороны нет, а согласиться на предложение американцев сделать все за их счет нельзя из соображений национальной безопасности. Министр обороны Игорь **Сергеев** скоро подпишет приказ, которым вообще запретит военнослужащим выезжать в зарубежные командировки за счет принимающей стороны.

И тут появился повод для отказа — бомбардировки Югославии. **26 марта** на заседании правительственной комиссии по решению *Проблемы-2000* представитель

Минобороны заявил, что военное ведомство подготовится к встрече 2000 года самостоятельно. Отказ от взаимодействия в этом вопросе с коллегами из США и других стран НАТО касается и инициативы по созданию центра по проверке предупреждений о ракетном нападении. (Иван Петров. Американских ракетчиков не пустят в Россию. *Коммерсант-Daily*. 01 апреля 1999.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ ОРУЖИЮ

У России не хватает средств на уничтожение химоружия

Уничтожать химическое оружие должна промышленность. С 1987 года она его уже не производит. Российские военные ученые разработали технологии двухстадийного уничтожения химических боеприпасов. Но специалисты из США засомневались, считая свою методику прямого сжигания смертоносной начинки наиболее эффективной. И только после посещения российского военного химического центра, где им был продемонстрирован процесс уничтожения химических боеприпасов, убедились в его абсолютной безопасности. Впоследствии в городе Чапаевске был построен специальный завод.

Однако против этого предприятия активно выступили местная власть, защитники природы. Население, не сильно разбирающееся в тонкостях химической науки, стали пугать жуткими бедами. Порадеть за общую безопасность старался каждый оратор на предвыборных митингах. Никакие доводы специалистов не помогли. Сейчас завод бездействует. На его реанимацию требуются немалые средства. А о финансировании всей программы и говорить не приходится: на эти цели в 1996 году было получено всего 1,3%, в 1997 году — 2,2% от запланированного.

До начала работ остается меньше года. В России сейчас нет ни одного готового специального предприятия. Поэтому руководство Минобороны совместно с управлением начальника войск РХБЗ предложило использовать комплект уничтожения аварийных специзделий (КУАСИ). Он, по оценкам специалистов, безопасен, в атмосферу ничего не выбрасывает, поскольку представляет собой абсолютно замкнутый технологический цикл.

Но часть депутатов Госдумы выступила против. Мотивировка – «уничтожение аварийным способом может привести к непредсказуемым последствиям». Военные считают, что депутаты преследуют какие-то иные цели, скорее всего свои корпоративные, партийные. По словам генерал-полковника **Петрова**, проще, конечно, сидеть и ждать денег из тощего госбюджета, но шанс выйти из трудного положения будет упущен.

По мнению химиков, использование отечественного КУАСИ дало бы реальный выход, чтобы не просить денег на уничтожение собственного химического оружия. Ну, а о том, что российские военные химики умеют делать свою работу, хорошо известно. (Александр Бабакин. Войска двойного назначения. *Российская газета*. 04 марта 1999, с.2. По этому вопросу см. также в этом номере статью Александра Калядина на с.54)

В МИРЕ

• Германия

Йошка Фишер настаивает на изменении ядерной доктрины НАТО

«НАТО – это не та организация, где приказы отдает одна страна», – заявил глава германского МИДа Йошка **Фишер**. Эта фраза г-на Фишера произнесена в связи с ядерной идеологией, которую, как считают многие в Германии, следует пересмотреть. В том числе и в плане участия безъядерных членов НАТО в принятии решений, касающихся ядерной политики.

Эта инициатива нынешнего германского МИДа вызвала недовольство Вашингтона. Оттуда незамедлительно последовали жесткие оценки-разъяснения в том духе, что основы политики ядерного сдерживания никто менять не собирается. И что никаких торжественных обещаний перед мировым сообществом о неприменении ядерного оружия первыми НАТО давать не будет. Ибо в этом-то и скрыта вся *отрезвляющая* потенциального агрессора сила сдерживания.

Г-н Фишер отступил. Но, как оказалось, ненадолго. И вот тема вновь попала в прессу. На сей раз в связи с тем, что была затронута на встрече Йошки Фишера с его канадским коллегой Ллойдом **Эксуорси**. Встреча проходила в Канаде, на ней два министра обсудили в том числе и вопрос о возможности достижения компромисса с американцами по ядерной стратегии. Суть же компромисса может состоять в том, что проблема пересмотра ядерной доктрины НАТО не будет поднята на предстоящей юбилейной сессии союза в Вашингтоне. Ее поднимут после саммита. О чем руководители внешнеполитических ведомств Германии и Канады, собственно, и договорились. «Вопрос не стоит, позволит ли Америка такой пересмотр или нет, поскольку

НАТО – это союз свободных демократий, которые принимают решения на основе консенсуса», – заявил Фишер после переговоров с Эксуорси. (Вадим Маркушин. Йошка Фишер возвращается к ядерной теме. *Красная Звезда*. 05 марта 1999, с.3)

• Индия

Индия не подпишет ДНЯО

В интервью одной из российских газет чрезвычайный и полномочный посол Республики Индия в России Сатиндер Кумар **Ламбах** заявил, в частности, следующее: «Индийско-пакистанские отношения сегодня лучше, чем в недавнем прошлом. В феврале премьер-министр Индии посетил Пакистан, результатом чего стало подписание совместного заявления и Лахорской декларации. Мы надеемся, это сблизит Дели и Исламабад [...] Что касается ДНЯО, то должно быть ясно: Индия его не подпишет. Если же говорить о ДВЗЯИ, то уместно вспомнить заявление премьер-министра Индии на заседании Генассамблеи ООН. Суть его в том, что к сентябрю 1999 года, когда договор должен вступить в силу, Индия к нему не присоединится».

Далее господин посол продолжил: «Страна с миллиардным населением не поддается никакому нажиму и давлению. Мы уважаем мнения друзей и принимаем их в расчет (у нас, например, были обсуждения с Россией по этому вопросу), но решения Индия принимает самостоятельно». (Игорь Поршневу. Отношения Индии с Россией и Китаем находятся на разных уровнях. *Интерфакс-Время*. 26 марта – 01 апреля 1999, с.5.)

Испытания Агни-2

Когда вопрос стоит о безопасности нашей страны, компромиссов не будет. Об этом

заявил министр обороны Индии Джордж **Фернандес** после возвращения с ракетного полигона в штате Орисса, где 11 апреля был произведен испытательный пуск баллистической ракеты средней дальности *Агни-2*. Теперь Индии *никто не осмелится грозить*. Проведя в 1998 году ядерные испытания, а сейчас – испытания ракеты *Агни-2*, правительство показало, что никому не пристало оказывать давление на Индию, когда она принимает меры по обеспечению своей безопасности, подчеркнул глава оборонного ведомства. (Индия провела испытания новой ракеты. *Независимая газета* (со ссылкой на РИА Новости). 13 апреля 1999, с.1.)

Первым отреагировал на запуск *Агни* Пакистан. Министр иностранных дел Пакистана Сартадж **Азиз** расценил испытание как угрозу для безопасности его страны. По словам г-на Азиза, Пакистан даст на угрозу *соответствующий ответ*. Это может означать, что он проведет досрочно испытание своей ракеты средней дальности, которая недавно демонстрировалась на параде в день национального праздника. В то же время министр признал, что Дели заранее известил Исламабад о запуске, выполняя условия соглашения, заключенного между двумя странами в феврале.

Можно констатировать, что полет *Агни* не привел к резкому всплеску напряженности в Южной Азии. Индия в своих официальных заявлениях также постаралась рассеять опасения Пакистана. Премьер Атал Бихари **Ваджпайи** указал, что испытание носит чисто оборонительный характер. Индия привержена принципу создания минимальных ядерных сил сдерживания, она также не будет использовать ядерное оружие первой.

В самой Индии запуск *Агни* расценивается как выдающийся успех индийских ученых. Индия модернизирует ракеты, опираясь исключительно на собственные силы. Новые ракеты предназначены не для Пакистана. 90% пакистанских войск сосредоточено вдоль границ с Индией. Промышленные объекты Пакистана также находятся в пределах досягаемости ракет ближнего радиуса действия. Индия в соответствии со своей оборонительной доктриной желает обладать средством сдерживания Китая, разместившего ядерные силы в Тибете. Нужно учитывать, что территориальный спор между двумя азиатскими гигантами не урегулирован.

Но пройдет еще немало времени, прежде чем *Агни* будет готова к боевому применению. Потребуется еще не менее шести–восьми запусков для того, чтобы начать серийное производство ракеты. (Владимир Скосырев. Индийский *Огонь*. *Известия*. 13 апреля 1999, с.1.)

• Ирак

ООН не знала о шпионах в ЮНСКОМ

На протяжении трех лет агенты ЦРУ, работавшие под прикрытием сотрудников Специальной комиссии ООН по уничтожению иракского оружия массового поражения и ракетной техники (ЮНСКОМ), занимались шпионажем без ведома ооновских экспертов. С таким утверждением выступила американская газета *Washington Post* со ссылкой на анонимные источники в американской администрации и имеющиеся в ее распоряжении соответствующие секретные документы. (Все-таки шпионили. *Российская Газета*. 03 марта 1999, с.7.)

Лейтмотив ближневосточной политики США: Саддам Хусейн должен уйти

В ходе девятидневной поездки по странам Ближнего Востока, министр обороны США Уильям **Коэн** заявил, что Америка по-прежнему будет защищать своих союзников и отстаивать собственные интересы в этом регионе.

Глава американского военного ведомства сформулировал две цели политики, проводимой в отношении Ирака: немедленную и долгосрочную. Первая состоит в сдерживании Багдада от нападения на соседей, другая – в том, чтобы «помочь иракскому народу стать свободным». Возможность приведения к власти в Ираке «нового правительства, которое было бы полностью интегрировано в международное сообщество», стала предметом переговоров с союзниками США в Персидском заливе. По словам г-на Коэна, они поддерживают усилия Вашингтона.

Министр обороны США полагает, что волнения в южном Ираке представляют потенциальную угрозу режиму Саддама **Хусейна**, который подавляет их с излишней жестокостью.

Г-н Коэн признал, что в последнее время американские военные изменили свою тактику. По его словам, они получили большую свободу действий против тех элементов военной машины Багдада, которые

представляют для них опасность. Это привело к тому, что объектами авиационных ударов стали не только радиолокаторы ПВО, как это было в начале 1999 года, но и командные пункты, узлы связи и позиции зенитной артиллерии.

Как уже отмечалось, изменение тактики Вашингтона может стать прелюдией к вторжению в Ирак сухопутных войск США и их союзников, что согласуется с заявленной Уильямом Коэном долгосрочной целью американской политики по отношению к Багдаду. (Сергей Сокут. Саддам Хусейн должен уйти. Это требование стало лейтмотивом ближневосточной политики США. *Независимое Военное Обозрение*, №9, 12–18 марта 1999, с.2.)

• Иран

США ревнуют Хатами к Европе

Несмотря на все сложности, визит Хатами на Апеннины прошел поистине триумфально. Руководители Италии принимали его *по первому разряду*, с подчеркнутым уважением и дружелюбием. Так, президент Оскар Луиджи Скальфаро не преминул высоко оценить «мудрость, терпение и стойкость», с которыми Хатами осуществляет процесс модернизации иранского общества. Сам высокий гость на встрече в Квиринальском дворце неожиданно для многих выдвинул концепцию *диалога цивилизаций*, охарактеризовав Италию как *мост между исламом и Европой*. Выступая затем в парламенте, Хатами развил эту идею. Заметив, что Иран «не намерен отказываться от принципов исламской революции», он в то же время подчеркнул: «Дабы войти в третье тысячелетие с высоко поднятой головой, необходимо, чтобы весь мир приложил усилия по интернационализации демократии».

Вашингтон весьма болезненно реагировал на вояж иранского президента в Италию. Всего за неделю до визита представитель государственного департамента прямо заявил, что США озабочены крупным контрактом, подписанным нефтегазовыми концернами ЭНИ (Италия) и ЭЛЬФ (Франция) с национальной нефтяной компанией Ирана, поскольку эта страна не отказалась «от своей политики поддержки терроризма».

Перспективный иранский рынок привлекателен для американского бизнеса, и деловые круги США будут давить на свое правительство, чтобы оно обеспечило им

нормальные условия и не опоздало при распределении большого иранского нефтегазового *пирога*.

К сожалению, последствия ирано-западного сближения для России весьма печальны. Прогнозируется, что в течение одного–двух лет ирано-западные отношения могут быть восстановлены в полном объеме, что приведет к переориентации экономики Ирана на западные технологии, в первую очередь – американские. Новые обстоятельства могут привести к пересмотру порядка обеспечения потребностей Ирана и в военно-технической области. Высока вероятность того, что от такого сближения Россия не только потеряет многомиллиардные контракты, но очень быстро может произойти вытеснение России из ее традиционных зон влияния.

Кроме того, войдя в орбиту западных интересов, Иран может вполне без особой оглядки на Россию активизировать свою национально-религиозную политику на просторах бывшего СССР. (Сергей Старцев, Раджаб Сафаров. Хатами предложил *диалог цивилизаций* – Тегеран приняли на Западе. Через два–три года страны Европы и США могут вытеснить Россию с иранских рынков. *Независимая Газета*. 12 марта 1999, с.6.)

• США

Палата представителей конгресса США одобрила законопроект, провозглашающий курс на развертывание национальной системы ПРО

В его поддержку проголосовало 239 членов нижней палаты, против – 185. Днем ранее схожий законодательный акт был принят сенатом подавляющим большинством голосов. В отличие от сенатской версии, вариант Уэлдона-Спрэтта не содержит требований к администрации приступить к развертыванию национальной ПРО «как только это станет технически осуществимым». Однако сами конгрессмены признают, что по большому счету эта формулировка не меняет сути предложения. Россия, как известно, выступает против подобных инициатив. (И палата представителей за НПРО. *Красная Звезда*. 20 марта 1999, с.3.)

ЦРУ следит за решением КП-2000 во всем мире

Подтверждением серьезности *Проблемы-2000* послужило выступление заместителя директора ЦРУ генерала Джона Гордона. Он заявил в сенате, что США лидируют в

подготовке к решению этой проблемы. Однако другие, даже индустриально развитые страны отстают по меньшей мере на несколько месяцев. А ведь срывы в работе компьютерных систем в любой точке мира неизбежно скажутся и на ситуации в Соединенных Штатах.

В соответствии с данными ЦРУ по степени готовности к *Проблеме-2000* к первой группе (высшая степень готовности) можно отнести Австралию, Англию, Канаду, США, Голландию, ко второй – страны *семерки*, не вошедшие в первую группу, помимо Германии и Японии, которые наряду с Венесуэлой, Саудовской Аравией и КНДР отнесены к третьей группе. В наименьшей степени к *Проблеме-2000* готовы страны четвертой группы – Камбоджа, Сальвадор, Афганистан, Россия, Уругвай, Филиппины и т.п. (Владислав Дунаев. Двухтысячный год пугает и радует. Американцы готовятся к компьютерным бедствиям нового тысячелетия. *Независимая Газета*. 23 марта 1999, с.6.)

• Балканский кризис

Ельцин осудил агрессию НАТО

24 марта президент России Борис Ельцин выступил с заявлением в связи с военной акцией НАТО в Югославии, полный текст которого распространен по каналам *Итар-Тасс* пресс-службой Кремля. Он, в частности, заявил: «В России глубоко возмущены военной акцией НАТО против суверенной Югославии, которая является не чем иным, как неприкрытой агрессией. Только Совет безопасности ООН вправе принимать решение о том, какие меры, в том числе силовые, следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Таких решений в отношении Югославии СБ ООН не принимал. Нарушен не только Устав ООН, но и основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО. Создан опасный прецедент возрождения политики силового диктата, поставлен под угрозу весь современный международный правопорядок. Фактически речь идет о попытке НАТО вступить в XXI век в униформе мирового жандарма. Россия с этим никогда не согласится». (Заявление президента РФ в связи с военной акцией НАТО против Югославии. *Красная Звезда*. 26 марта 1999, с.1.)

Министры обороны СНГ против операции НАТО в Косово

Состоялось очередное заседание Совета министров обороны стран СНГ. В принятом совместном заявлении говорится: «Решение Североатлантического альянса о применении силы в отношении суверенного государства – Союзной Республики Югославии, принятое в обход Совета безопасности ООН, противоречит нормам международного права, создает прецедент игнорирования Совета безопасности ООН как верховного органа, несущего главную ответственность за поддержание мира и международной безопасности, а также ведет к подрыву всех усилий по мирному разрешению конфликта в регионе». (Виталий Струговец. Перед лицом всеобщей угрозы. Совет министров обороны государств-участников СНГ осудил агрессию НАТО против Югославии. *Красная звезда*. 26 марта 1999, с.1.)

Представителей НАТО высылают из России

26 марта российский МИД предложил представителю бюро по контактам НАТО в Москве французскому дипломату Алексею Шахтагинскому и советнику НАТО по вопросам информации полковнику генштаба ВС ФРГ Менфреду Диллю в 24 часа покинуть Россию. Это было сделано после того, как Москва приняла решение заморозить отношения с НАТО. «Для меня это было полной неожиданностью», – сказал Манфред Диль. (Александр Сафронов. Представителей НАТО высылают из Москвы. *Коммерсант-Daily*. 27 марта 1999, с.1.)

Домашние дела важнее Югославии, считает президент

Из выступления президента России Бориса Ельцина при представлении ежегодного послания президента: «Продолжаются удары НАТО по Югославии. В обход Совета безопасности ООН, вопреки ее Уставу. [...] Россия свой выбор сделала. В военный конфликт втянуть себя не позволим. Я делаю все для скорейшего прекращения вооруженных акций. Сегодня утром по моему поручению Евгений Примаков улетел в Югославию. [...] Но первая наша обязанность – не допустить разлада внутри страны. Граждане России, конечно, переживают за Югославию. Но еще больше – за свою страну. Наш вес на мировой арене зависит от того, как решаем проблему у себя дома». (Выступление президента РФ Бориса Ельцина. *Российская Газета* (со ссылкой на *Итар-Тасс*). 31 марта 1999, с.1.)

Россия разрывает отношения с НАТО

Генерал-полковник Леонид **Ивашов** дал военно-политическую оценку происшедшего. «Агрессия блока НАТО против суверенной Союзной Республики Югославия, – сказал он, – подорвала основные принципы сотрудничества между Россией и НАТО, заложенные в Основополагающем акте. Поэтому министерство обороны РФ сегодня не видит возможности продолжать сотрудничество с НАТО как с организацией, совершившей агрессию против суверенной страны». Решением министра обороны прекращены все контакты с организациями и структурами альянса. Отозван по указанию президента РФ главный представитель России в НАТО. Отзывается аппарат заместителя верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе по российской бригаде в Боснии. Из стран-участниц агрессии отзываются наши делегации, находящиеся в этих государствах, а также военнослужащие, обучающиеся в военно-учебных заведениях и на краткосрочных курсах. Изменены география и графики визитов министра обороны РФ и его встреч с бывшими коллегами по НАТО. В ближайшее время они не планируются. (Олег Фаличев. Наблюдатели ОБСЕ превратились... в авианаводчиков. *Красная Звезда*. 31 марта 1999, с.1,3.)

В Югославии рвутся снаряды с ураном

Авиация НАТО начала применять против Югославии оружие с радиоактивной начинкой, что может вызвать экологическую катастрофу. Об этом заявил в интервью РИА *Новости* президент неправительственного центра экологической политики России, член-корреспондент Российской академии наук Алексей **Яблоков**. Речь идет о бронебойных снарядах с сердечником из так называемого обедненного урана. (Алексей Яблоков: грозит экологическая катастрофа. *Российская Газета*. 10 апреля 1999, с.1.)

Ядерная реакция России на балканский конфликт

В день начала ракетно-бомбовых ударов по Югославии Борис **Ельцин** выступил с телевизионным обращением к нации, которое было явно эмоциональным и достаточно откровенным. Ядерные формулировки обращения были скудными и завуалированы. На самом деле президент ни разу не произнес *ядерное оружие*, но очевидно на него намекал в следующей фразе: «Мы, конечно, все, что можно, со своей стороны делаем, но не все

мы можем. То есть мы можем, но совесть нам не позволяет».

На следующий день несколько анонимных высокопоставленных источников в министерстве обороны выступили с заявлениями, что на случай «неблагоприятного для России развития ситуации» министерство обороны РФ готовит предложения в отношении возможного размещения тактического ядерного оружия на территории Белоруссии.

В министерстве обороны Белоруссии от комментариев по этому вопросу отказывались, не подтверждая, но и не опровергая заявления российских коллег и объясняя отсутствие комментариев тем, что вопрос не входит в их компетенцию. В МИД Белоруссии объясняли, что возможность размещения в Белоруссии российского ядерного оружия – гипотетический вариант.

Через несколько дней президент Белоруссии Александр **Лукашенко** выступил с достаточно жестким заявлением по этому вопросу, суть которого сводилась к тому, что Республика Беларусь – это суверенное государство и решать размещать на его территории ядерное оружие или нет будет не президент или премьер-министр России, а президент Белоруссии. В то же время он подтвердил свое мнение, что вывод с территории страны ядерного оружия был большой ошибкой. Как правило, президент Белоруссии не распространяется подробно по этому поводу, и поэтому считается, что он является сторонником возвращения Белоруссии ядерного статуса.

Неопределенность усугублялась тем, что белорусские официальные структуры по-разному комментировали рассматриваемый вопрос. В то время как пресс-секретарь Александра Лукашенко исключал возможность возвращения в республику российского тактического ядерного оружия, анонимные источники в Совете безопасности Белоруссии такой возможности не исключали. А в белорусском министерстве обороны анонимные источники по поводу возвращения в республику ТЯО высказывались следующим образом: «технически это сделать не сложно [...] если на то будет воля главнокомандующих вооруженными силами России и Белоруссии, то военные приказ выполнять».

В настоящее время у России есть тактические ядерные средства, которые могут быть размещены в Белоруссии: ракеты малой дальности с ядерными боеголовками и тактическое ядерное оружие авиации.

В то же время при обсуждении вопроса о возможности размещения в Белоруссии российского тактического ядерного оружия необходимо иметь в виду, что белорусская армия уже почти десять лет не обслуживала соответствующие технические средства. Это большой срок, что означает необходимость дополнительной подготовки белорусских военных к работе с ядерным оружием, для обеспечения высокой степени позитивного и негативного контроля за ним.

Кроме технических есть еще и политические факторы, имеющие решающее значение в данном вопросе. Российская правящая элита не доверяет Александру Лукашенко, который оказался самостоятельным политическим игроком, и поэтому шансы на размещение на территории Белоруссии российского тактического ядерного оружия минимальны.

По всей видимости Александр Лукашенко правильно оценил российские заявления по этому поводу как преимущественно декларативные, имеющие целью напугать Запад, и вновь выбрал вариант самостоятельной игры. Во время поездки по стране он сделал следующее заявление: « [...] нас пытаются втянуть в ядерный шантаж Запада, но мы не пойдем на это». Более того, он постоянно подтверждал безъядерный конституционный статус Белоруссии. Последнее практически полностью игнорировалось при обсуждении

возможности размещения в стране тактического ядерного оружия.

Реальных шагов за заявлениями российских военных не последовало и тема стала считаться исчерпанной.

Утром **9 апреля** спикер Думы Геннадий **Селезнев** встречался с президентом России Борисом **Ельциным**. Они обсуждали ряд вопросов, главными из которых были голосование по началу процедуры импичмента и ситуация на Балканах. После этой встречи Геннадий Селезнев заявил, что президент России отдал приказ о нацеливании стратегических ядерных сил России «в сторону тех стран, которые сегодня воюют против Югославии».

Но ни одна из правительственных структур не подтвердила эту информацию. В видах вооруженных сил, имеющих ядерное оружие – РВСН, ВМФ, ВВС – говорили, что о приказе им ничего неизвестно. Пресс-служба президента сообщила, что «никакой информации нет».

Тогда спикер заявил о своем намерении позвонить президенту почему информацию о приказе не передают в СМИ: по словам Геннадия Селезнева президент говорил об этом перед телекамерой. Пресс-служба не подтверждала, но и не опровергала существование такой пленки. Однако позже было сообщено, что президент не отдавал никаких дополнительных распоряжений относительно установленного исходного состояния боевого дежурства стратегических ядерных сил. (*Соб. инф.*)

Документы**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ЭКСПОРТНОМ КОНТРОЛЕ»
(Проект, внесенный правительством РФ¹)**

Настоящий федеральный закон устанавливает принципы осуществления государственной политики, правовые основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации в области экспортного контроля, определяет права, обязанности и ответственность участников внешнеэкономической деятельности в указанной области.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ**Статья 1. Основные понятия**

Для целей настоящего федерального закона используются следующие основные понятия:

внешнеэкономическая деятельность — любая не запрещенная законодательством Российской Федерации деятельность в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность);

система экспортного контроля — совокупность мер по реализации федеральными органами исполнительной власти установленного настоящим федеральным законом, другими федеральными законами и иными правовыми актами Российской Федерации порядка осуществления внешнеэкономической деятельности с вооружением и военной техникой, отдельными видами сырья, материалами, оборудованием, технологиями и научно-технической информацией, которые могут быть использованы при создании оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки, иных наиболее опасных видов оружия, вооружений и военной техники, а также мер по выявлению, предупреждению и пресечению нарушений этого порядка;

внутрифирменная система экспортного контроля — комплекс мероприятий организационного, административного, информационного и иного характера, осуществляемых предприятиями и организациями с целью соблюдения правил экспортного контроля;

оружие массового уничтожения — ядерное, химическое, бактериологическое (биологическое) и токсинное оружие;

ракетные средства доставки — ракеты и беспилотные летательные аппараты, способные доставлять оружие массового уничтожения;

иные наиболее опасные виды оружия — нетрадиционные (не относящиеся к обычным) виды оружия, такие как радиологическое, радиоволновое, геофизическое оружие, аэрозольные взрывчатые смеси;

российские участники внешнеэкономической деятельности (российские лица) — юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, имеющие постоянное место нахождения на ее территории, а также физические лица, имеющие постоянное или преимущественное место жительства на территории Российской Федерации в пределах прав, предоставленных законодательством Российской Федерации;

иностранцы участники внешнеэкономической деятельности (иностранцы лица) — юридические лица и организации в иной правовой форме, гражданская правоспособность которых определяется по праву иностранного государства, в котором они учреждены; физические лица — иностранные граждане, гражданская правоспособность и дееспособность которых определяется по праву иностранного государства, гражданами которого они являются, и лица без гражданства, гражданская дееспособность которых определяется по праву иностранного государства, в котором эти лица имеют постоянное место жительства.

Статья 2. Сфера применения настоящего федерального закона

Настоящий федеральный закон регулирует отношения органов государственной власти Российской Федерации и российских участников внешнеэкономической деятельности при осуществлении экспортного контроля.

Действие настоящего федерального закона распространяется на внешнеэкономическую деятельность, предметом которой являются товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки, иных наиболее опасных видов оружия, а также вооружений и военной техники для осуществления экспортного контроля в целях, установленных настоящим федеральным законом.

Осуществление экспортного контроля в отношении вооружений, военной техники, работ и услуг военного назначения, не попадающих под действие международных обязательств Российской Федерации по нераспространению оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки и иных наиболее опасных видов оружия, осуществляется на основании актов законодательства Российской Федерации.

Статья 3. Законодательство Российской Федерации об экспортном контроле

Законодательство об экспортном контроле основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из настоящего федерального закона, других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Вопросы обеспечения экспортного контроля находятся в исключительном ведении Российской Федерации.

Статья 4. Цели экспортного контроля

Основными целями экспортного контроля являются:

- защита государственных интересов Российской Федерации;
- реализация требований международных договоров в области нераспространения оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки, иных наиболее опасных видов оружия; а также по контролю за экспортом продукции военного и двойного назначения;
- создание условий для интеграции экономики Российской Федерации в мировую экономическую систему.

Статья 5. Принципы государственной политики в области экспортного контроля

1. Российская Федерация проводит единую государственную политику в области экспортного контроля, которая является составной частью внутренней и внешней

политики Российской Федерации и определяется исключительно на основе обеспечения безопасности страны, ее политических, экономических и военных интересов.

2. Государственная политика в области экспортного контроля формируется в соответствии со следующими основными принципами:

- добросовестного выполнения международных обязательств по нераспространению оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки и иных наиболее опасных видов оружия;
- законности, гласности и доступности информации по вопросам экспортного контроля;
- приоритета интересов безопасности государства над соображениями экономической выгоды;
- недопустимости поддержки международного терроризма;
- свободы внешнеэкономической деятельности, что означает необходимость получения лицензии или иного разрешения осуществление внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности только в случаях, прямо предусмотренных настоящим федеральным законом, другими федеральными законами и принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Российской Федерации;
- осуществления экспортного контроля лишь в той степени и объеме, которые необходимы для достижения его целей;
- единства таможенной территории Российской Федерации;
- гармонизации процедур и правил экспортного контроля с общепризнанными международными нормами и практикой;
- координации усилий и взаимодействие с международными организациями и иностранными государствами в области экспортного контроля с целью укрепления международной безопасности и стабильности предотвращения угрозы распространения оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки и иных наиболее опасных видов оружия.

Статья 6. Списки товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, подлежащих экспортному контролю

Номенклатура товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной

деятельности, подлежащих экспортному контролю (далее – контролируемые товары и технологии) определяется списками, утверждаемыми указами президента Российской Федерации по представлению правительства Российской Федерации. Указы президента Российской Федерации об утверждении списков контролируемых товаров и технологий вступают в силу не ранее трех месяцев со дня их официального опубликования.

Статья 7. Методы осуществления экспортного контроля

Экспортный контроль в Российской Федерации реализуется посредством методов правового регулирования внешнеэкономической деятельности с контролируемыми товарами и технологиями, основу которых составляют:

- разрешительный порядок осуществления внешнеэкономических операций с контролируемыми товарами и технологиями, предусматривающий лицензирование или иную форму их государственного одобрения;
- таможенный контроль и таможенное оформление вывоза из Российской Федерации контролируемых товаров и технологий в соответствии с законодательством Российской Федерации о таможенном деле;
- применение мер государственного принуждения (санкций) в отношении лиц, нарушивших установленный настоящим федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации порядок осуществления внешнеэкономических операций с контролируемыми товарами и технологиями или предпринявших попытку совершить такие действия.

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

Статья 8. Полномочия президента Российской Федерации и правительства Российской Федерации в области экспортного контроля

1. Президент Российской Федерации:

- определяет основные направления и осуществляет общее руководство государственной политикой в области экспортного контроля;
- обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти Российской Федерации в области экспортного контроля;

- утверждает списки контролируемых товаров и технологий;

- принимает решения о введении эмбарго, прекращении и возобновлении экспорта в зарубежные страны отдельных категорий контролируемых товаров и технологий.

2. Правительство Российской Федерации:

- обеспечивает реализацию единой государственной политики в области экспортного контроля, в том числе стратегической линии Российской Федерации в отношении международных режимов экспортного контроля;

- определяет порядок осуществления внешнеэкономической деятельности с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в отношении которых установлен экспортный контроль;

- принимает в пределах своей компетенции решения о проведении переговоров и подписании международных договоров Российской Федерации в области экспортного контроля;

- осуществляет на основании Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов и указов президента Российской Федерации иные полномочия в области экспортного контроля.

Статья 9. Межведомственный координационный орган по экспортному контролю Российской Федерации

В целях обеспечения проведения единой государственной политики в области экспортного контроля, реализации стратегической линии Российской Федерации в отношении международных режимов экспортного контроля, а также координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и организационно-методического руководства работами по экспортному контролю в Российской Федерации образуется специальный межведомственный координационный орган по экспортному контролю Российской Федерации.

Положение о межведомственном координационном органе по экспортному контролю Российской Федерации и его персональный состав утверждаются президентом Российской Федерации.

Статья 10. Полномочия федеральных органов исполнительной власти в области экспортного контроля

Федеральные органы исполнительной власти обеспечивают выполнение настоящего федерального закона, указов и распоряжений президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений правительства Российской Федерации и международных обязательств Российской Федерации в области экспортного контроля в соответствии с полномочиями, возложенными на них законодательством Российской Федерации.

Статья 11. Специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в области экспортного контроля

1. Реализация задач единой государственной политики, функциональное регулирование и организация межведомственного взаимодействия в области экспортного контроля в Российской Федерации возлагается на специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в области экспортного контроля.

Вносимые на рассмотрение правительства российской федерации предложения федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие вопросы экспортного контроля, подлежат согласованию со специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по экспортному контролю.

2. Специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в области экспортного контроля во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти организует проведение разъяснительной работы среди российских участников внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в отношении целей, принципов, процедур и правил экспортного контроля.

Статья 12. Нормативные акты федеральных органов исполнительной власти по вопросам экспортного контроля

В случаях, предусмотренных настоящим федеральным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти вправе издавать в пределах своей компетенции нормативные акты по вопросам экспортного контроля, обязательные для исполнения российскими участниками внешнеэкономической деятельности, государственными организациями,

учреждениями и их должностными лицами, а также гражданами.

Указанные нормативные акты подлежат государственной регистрации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 13. Право доступа к информации

Федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие полномочия в области экспортного контроля, имеют право на получение в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, документов и информации, необходимых для целей экспортного контроля.

Статья 14. Обязанности участников внешнеэкономической деятельности в отношении предоставления информации для целей экспортного контроля

Российские участники внешнеэкономической деятельности обязаны по требованию федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в области экспортного контроля, предоставлять документы, письменные и устные объяснения и иную информацию, необходимые для выполнения этими органами задач и функций, предусмотренных настоящим федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации в области экспортного контроля.

Российские участники внешнеэкономической деятельности несут ответственность за достоверность сведений, предоставляемых федеральным органам исполнительной власти для целей экспортного контроля.

Статья 15. Обязанности федеральных органов исполнительной власти в отношении предоставленной информации

Информация, предоставленная федеральным органам исполнительной власти участниками внешнеэкономической деятельности, государственными организациями, учреждениями и их должностными лицами в соответствии с настоящим федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации по экспортному контролю, может использоваться исключительно в целях экспортного контроля.

Информация, составляющая государственную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, а также конфиденциальная информация не должна разглашаться, использоваться должностными лицами федеральных органов

исполнительной власти в личных целях, передаваться третьим лицам, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Статья 16. Внутрифирменные системы экспортного контроля на предприятиях и в организациях

В целях обеспечения выполнения установленных настоящим федеральным законом, другими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации правил экспортного контроля при осуществлении внешнеэкономической деятельности, предотвращения правонарушений в указанной сфере федеральные органы исполнительной власти содействуют созданию предприятиями и организациями внутрифирменных систем экспортного контроля и оказывают им необходимую информационно-методическую поддержку.

ГЛАВА III. РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С КОНТРОЛИРУЕМЫМИ ТОВАРАМИ И ТЕХНОЛОГИЯМИ

Статья 17. Требования к внешнеэкономическим сделкам с контролируемыми товарами и технологиями

Внешнеэкономические сделки, предусматривающие передачу контролируемых товаров и технологий иностранному лицу, должны совершаться при наличии письменных обязательств иностранного лица о том, что указанные товары и технологии не будут использоваться в целях создания оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки и иных наиболее опасных видов оружия.

Правительство Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные требования в отношении условий, на которых должны совершаться внешнеэкономические сделки с контролируемыми товарами и технологиями.

Статья 18. Лицензирование внешнеэкономических операций с контролируемыми товарами и технологиями

Внешнеэкономические операции, предусматривающие передачу контролируемых товаров и технологий иностранному лицу, осуществляются по

лицензиям в соответствии с актами законодательства Российской Федерации.

Вывоз из Российской Федерации контролируемых товаров и технологий без их передачи иностранному лицу, в частности для демонстрации на выставках или с целью использования для собственных нужд, может осуществляться без лицензий при условии, что эти товары и технологии будут оставаться под непосредственным контролем российского лица, осуществляющего их вывоз, и будут возвращены в Российскую Федерацию в установленные сроки.

Порядок и условия, на которых может быть осуществлен безлицензионный вывоз из Российской Федерации контролируемых товаров и технологий, определяется правительством Российской Федерации.

Статья 19. Экспертиза внешнеэкономических сделок

Внешнеэкономические сделки с контролируемыми товарами и технологиями подлежат межведомственной экспертизе с целью определения соответствия этих сделок международным обязательствам Российской Федерации, государственным интересам страны и требованиям экологической безопасности.

Результаты межведомственной экспертизы являются основанием для выдачи или отказа в выдаче лицензии или иного разрешения.

Порядок и условия проведения межведомственной экспертизы устанавливаются правительством Российской Федерации.

Статья 20. Учет внешнеэкономических сделок с контролируемыми товарами и технологиями

Российские участники внешнеэкономической деятельности обязаны вести учет внешнеэкономических сделок с контролируемыми товарами и технологиями.

Документация, относящаяся к внешнеэкономическим сделкам, должна храниться в течение трех лет, если более длительный срок ее хранения не установлен законодательством Российской Федерации.

Порядок и форма учета внешнеэкономических сделок с контролируемыми товарами и технологиями определяются специальным

федеральным органом исполнительной власти в области экспортного контроля.

Статья 21. Всеобъемлющий контроль

1. Российские участники внешнеэкономической деятельности обязаны воздержаться от заключения внешнеэкономических сделок с любыми товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности в случае, если им известно, что данные товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности предназначены для разработки, производства, испытания, эксплуатации, обслуживания, хранения, обнаружения или идентификации оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки или иных наиболее опасных видов оружия, и информировать о таких сделках специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти по экспортному контролю.

2. Российские участники внешнеэкономической деятельности обязаны получить в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации, разрешение межведомственного координационного органа по экспортному контролю Российской Федерации на осуществление внешнеэкономических сделок с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, не подпадающими под действие списков, указанных в статье 6 настоящего федерального закона, в тех случаях когда:

- они были информированы о том, что данные товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности могут быть использованы в целях, указанных в пункте 1 настоящей статьи;
- они предполагают или имеют основания предполагать, что данные товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности могут быть использованы в вышеуказанных целях.

Статья 22. Получение лицензии или иного разрешения

1. Лицензия или иное разрешение, требующиеся для осуществления внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, на которые в соответствии со статьями 6 и 21 настоящего федерального закона распространяется экспортный контроль, выдаются по заявке российского лица.

2. Порядок и условия выдачи лицензии или иного разрешения устанавливаются правительством Российской Федерации.

Статья 23. Обязанности российских участников внешнеэкономической деятельности

1. Установление соответствия конкретных товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности позициям списков, указанных в статье 6 настоящего федерального закона, а также совершение всех необходимых действий, связанных с получением лицензий или иных разрешений на вывоз из Российской Федерации контролируемых товаров и технологий либо их передачу иностранному лицу на территории Российской Федерации, является обязанностью российского участника внешнеэкономической деятельности.

2. Лицензия или иное разрешение не должны использоваться для совершения внешнеэкономической сделки, если российский участник внешнеэкономической деятельности располагает информацией о том, что товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, являющиеся предметом сделки, будут использованы в незаявленных целях либо будут реэкспортированы из страны назначения и такой реэкспорт не был предусмотрен условиями сделки или не получил одобрения специально уполномоченного федерального органа по экспортному контролю в случае, когда такое одобрение необходимо.

ГЛАВА IV. ИНФОРМИРОВАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

Статья 24. Получение информации о причинах принятого решения, действия или бездействия

Российский участник внешнеэкономической деятельности, в отношении которого федеральным органом исполнительной власти принято решение, относящееся к вопросам экспортного контроля, а также участник внешнеэкономической деятельности, в отношении которого решение не принято в течение установленного законом срока, вправе в двухмесячный срок со дня принятия решения либо истечения срока его принятия обратиться в этот орган с запросом о причинах и основаниях принятого решения или непринятия решения, если это непосредственно затрагивает права и законные интересы такого субъекта.

Запрос подлежит рассмотрению федеральным органом исполнительной власти в месячный срок.

При подаче письменного запроса ответ должен быть дан в письменном виде.

Статья 25. Опубликование правовых актов

Акты законодательства Российской Федерации об экспортном контроле, а также издаваемые федеральными органами исполнительной власти нормативные правовые акты по вопросам экспортного контроля подлежат официальному опубликованию в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 26. Информация о действующих правовых актах

Информация о действующих правовых актах, указанных в статье 25 настоящего федерального закона, включая название акта, его предмет и издание, в котором этот акт опубликован, предоставляется специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в области экспортного контроля всем заинтересованным российским участникам внешнеэкономической деятельности и гражданам бесплатно.

Статья 27. Предоставление текстов опубликованных правовых актов

Тексты опубликованных правовых актов, указанных в статье 25 настоящего федерального закона, предоставляются специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в области экспортного контроля заинтересованным лицам за плату, взимаемую в размерах, определяемых этим органом по согласованию с министерством финансов Российской Федерации. Указанная плата не взимается в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе решениями специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти в области экспортного контроля.

ГЛАВА V. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

Статья 28. Цели и формы международного сотрудничества

1. Международное сотрудничество в области экспортного контроля осуществляется Российской Федерацией в целях:

- объединения усилий и координации действий с другими государствами по

предотвращению распространения оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки и иных наиболее опасных видов оружия, а также технологий их создания;

- содействия формированию внешнего окружения, благоприятного для внутреннего развития страны, стабильной и безопасной системы международных отношений;

- создания благоприятных условий интеграции российской экономики в мировую экономическую систему на равноправной и взаимовыгодной основе;

- активизации участия Российской Федерации в международном обмене товарами и услугами, расширения возможностей для доступа российских участников внешнеэкономической деятельности на мировые рынки высоких технологий;

- совершенствования международных и национальных механизмов экспортного контроля, повышения надежности предлицензионных и послелицензионных проверок, выявления фактов нарушений законодательства Российской Федерации об экспортном контроле и лиц, их совершивших.

2. Международное сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами в области экспортного контроля осуществляется посредством участия в международных режимах экспортного контроля и иных международных форумах, проведения переговоров и консультаций, взаимного обмена информацией по вопросам экспортного контроля, а также реализации совместных программ и иных мероприятий на двусторонней и многосторонней основе.

3. Федеральные органы исполнительной власти осуществляют международное сотрудничество в области экспортного контроля с международными организациями, государственными органами, а также неправительственными организациями других государств по вопросам находящимся в их компетенции, в порядке, установленном актами законодательства Российской Федерации.

4. Российская Федерация содействует установлению контактов и развитию информационных обменов между общественными организациями Российской Федерации и зарубежными неправительственными организациями, ставящими своими целями содействие эффективному функционированию национальных систем экспортного контроля.

ГЛАВА VI. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ЭКСПОРТНОМ КОНТРОЛЕ

Статья 29. Ответственность лиц, виновных в нарушении законодательства Российской Федерации об экспортном контроле

Лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации об экспортном контроле, несут гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

ГЛАВА VII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 30. Вступление в силу настоящего федерального закона

Настоящий федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Из пояснительной записки правительства РФ к проекту федерального закона «Об экспортном контроле»

1. Обоснование необходимости принятия данного законопроекта

Проект федерального закона «Об экспортном контроле» разработан в соответствии с решением правительственной комиссии по экспортному контролю Российской Федерации от 23 марта 1994 года, протокол №1. Подготовка и принятие данного закона также предусматривалась основными направлениями программы исследований «Пути и формы укрепления российского государства», утвержденными Указом президента Российской Федерации от 29 апреля 1994 года №848.

Необходимость разработки законопроекта обусловлена отсутствием отвечающей требованиям цивилизованных рыночных отношений правовой базы, регламентирующей внешнеэкономическую деятельность с товарами, информацией, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, которые могут быть применены при создании вооружения и военной техники, ядерного, химического, биологического и ракетного оружия. Отсутствие законодательных норм в указанной сфере при изменившейся структуре государственной власти объективно может привести к ухудшению управляемости национальной системой экспортного контроля, нарушению взаимодействия входящих в нее министерств и ведомств,

разрыву их полномочий и ответственности. Кроме того, недостаточная правовая урегулированность вопросов научного и научно-технического трансфера в условиях либерализации внешней торговли и всеобщей компьютеризации привели к появлению широкого спектра внутренних и внешних угроз, нетрадиционных каналов утечки из Российской Федерации в зарубежные страны наукоемкой продукции, и прежде всего в виде технологий двойного назначения, важных с точки зрения защиты технологической самостоятельности страны, сохранения ее оборонно-промышленного потенциала. Тем самым наносится ущерб государственным интересам России. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и Гражданским Кодексом Российской Федерации гражданские права, в том числе и во внешнеторговой сфере, могут быть ограничены на основании федеральных законов и только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Поскольку экспортный контроль уже по определению предполагает введение запретов и ограничений, обеспечение должной степени его легитимности может быть реализовано лишь путем принятия соответствующего закона.

2. Цели и задачи принятия законопроекта

Настоящий законопроект нацелен на создание правовых и организационных основ экспортного контроля в Российской Федерации, призванных обеспечить защиту государственных интересов и выполнение международных обязательств в области нераспространения оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки и иных наиболее опасных видов оружия. Целью данного проекта закона является также определение принципов осуществления государственной политики, а также установление прав, обязанностей и ответственности участников правоотношений в указанной области.

Одна из главных задач принятия закона – обеспечение стабильности законодательства об экспортном контроле, в условиях которой только и может нормально развиваться национальная экономика, и рыночная в особенности. На сегодняшний день функционирование системы экспортного контроля в Российской Федерации базируется на совокупности разрозненных подзаконных актов, изданных президентом и правительством Российской Федерации, а

также ведомственных приказах и инструкциях. В этой связи в проект закона включены все наиболее важные нормы, регулирующие правоотношения в сфере экспортного контроля в согласованном между собой и систематизированном виде, что позволит консолидировать действующее в этой области законодательство, придав ему необходимые целостность и единство.

Проект закона исходит из конституционных положений об экспортном контроле, являющемся одним из высших приоритетов политики национальной безопасности, как предмете ведения Российской Федерации. Законопроект основывается на признании того, что действие экспортного контроля распространяется на все виды внешнеэкономической деятельности, включая военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами. Проект последовательно реализует основополагающие начала гражданского права, в частности принцип свободы внешнеэкономического оборота, недопустимости неоправданного вмешательства государственных органов в отношения его участников. Это, однако, не означает отказа от государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Новое заключается в том, что проект исходит из необходимости прямого указания в законе на каждый случай, когда необходимо получение разрешения на осуществление внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности. Подобная система обычна для стран с рыночной экономикой.

Одним из важнейших принципов правового государства является верховенство закона. Это означает, что вся система нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области экспортного контроля, должна опираться на закон. Но закон не может и не должен охватывать все вопросы контроля за экспортом, поэтому, исходя из принципа оптимальности, в проект закона включены наиболее важные и принципиальные положения, касающиеся лицензионно-разрешительной системы, существенных условий внешнеторговых сделок с контролируемой продукцией. Это, с одной стороны, создает необходимые гарантии стабильности основных принципов, на которых базируется функционирование системы экспортного контроля, а с другой, — обеспечивает возможность гибкого правового

регулирования на уровне подзаконных актов, исходя из текущих задач.

Многие десятилетия сфера внешней торговли являлась исключительной монополией государства. В условиях либерализации внешнеэкономической деятельности, курса на интеграцию национальной экономики в мировые экономические структуры, сопровождающихся выходом на внешний рынок большого числа хозяйствующих субъектов, существует определенный риск того, что экспортный контроль, имеющий запретительно-ограничительные функции, может неоправданно затруднить участие российских предприятий и организаций в международном обмене наукоемкими товарами и технологиями. Чтобы этого не случилось, проект закона предусматривает необходимые гарантии прав участников внешнеэкономического оборота, в том числе права на осуществление любой не противоречащей закону деятельности, права на получение информации по вопросам экспортного контроля, обязательности опубликования нормативных правовых актов по экспортному контролю для всеобщего сведения до их вступления в силу, защиты конфиденциальности информации, представляемой для целей экспортного контроля.

Основные положения проекта закона об экспортном контроле базируются на общепринятых принципах и нормах международного права и корреспондируются с аналогичным законодательством государств с развитой рыночной экономикой.

Концепция законопроекта одобрена на заседании Правительственной комиссии по экспортному контролю Российской Федерации от 30 декабря 1997 года, протокол №2. [...]

[4.] [...] Следует отметить, что федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» содержит лишь наиболее общие положения, раскрывающие понятие системы экспортного контроля (статья 2) и декларирующие сам факт наличия такой системы в Российской Федерации, а также регламентирует порядок принятия и вступления в силу подзаконных актов, устанавливающих номенклатуру товаров и технологий, подлежащих экспортному контролю (статья 16), и порядок их вывоза из Российской Федерации. В то же время такие важнейшие вопросы, как правовые и организационные основы

функционирования системы экспортного контроля, принципы формирования государственной политики в этой области и механизмы ее осуществления, права, обязанности и ответственность органов государственной власти и участников внешнеэкономической деятельности не получили своего законодательного оформления. Кроме того, указанный федеральный закон распространяется только на отношения, связанные с осуществлением внешнеторговой деятельности. Регулирование же других видов внешнеэкономической деятельности, в частности производственной кооперации, не находятся в сфере действия этого закона. Это создает предпосылки для возникновения коллизии нормативных правовых актов, действующих в области экспортного контроля.

С принятием и введением в действие настоящего законопроекта указанные проблемы будут урегулированы на единой правовой основе.

5. Финансово-экономическое обоснование

Реализация настоящего законопроекта не потребует каких-либо дополнительных материальных затрат на создание специальных организационных структур, финансируемых из федерального бюджета. Регулирование со стороны государства будет осуществляться в рамках существующей системы федеральных органов исполнительной власти за счет средств, выделяемых на их содержание.

6. Ожидаемые социально-экономические последствия принятия законопроекта

Принятие проекта федерального закона «Об экспортном контроле» создаст необходимые организационно-правовые условия для обеспечения защиты государственных интересов и выполнения международных обязательств в области нераспространения оружия массового уничтожения и иных наиболее опасных видов оружия при осуществлении внешнеэкономической деятельности, а также станет важным социально-психологическим фактором в формировании позитивного отношения общества к вопросам экспортного контроля.

Практическая ценность законопроекта состоит также в том, что его принятие заложит прочные основы для обретения российским законодательством по экспортному контролю современного цивилизованного облика, позволит существенно повысить управляемость национальной системы

экспортного контроля, улучшить координацию и взаимодействие между государственными органами и участниками внешнеэкономической деятельности.

Данный законопроект имеет также большое политическое значение. Его принятие создаст дополнительные предпосылки для доступа российских предприятий и организаций на мировые рынки высоких технологий. Исчезнет повод для политических спекуляций о якобы неготовности России следовать в полном объеме принципам нераспространения в своей внутренней и внешней политике.

Скорейшее принятие и введение в действие проекта закона отвечает национальным интересам Российской Федерации и способствовало бы укреплению ее международного авторитета.

Перечень основных нормативных правовых актов, действующих в области экспортного контроля (по состоянию на 26 июня 1998 года)

1. Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, №42, ст.3923).
2. Указ президента Российской Федерации от 27 марта 1992 года №312 «О контроле за экспортом из Российской Федерации ядерных материалов, оборудования и технологий» (Ведомости Съезда народных депутатов Верховного Совета Российской Федерации, 1992, №15, ст.785).
3. Указ президента Российской Федерации от 11 апреля 1992 года №388 «О мерах по созданию системы экспортного контроля Российской Федерации» (Ведомости Съезда народных депутатов Верховного Совета Российской Федерации, 1992, №17, ст.956).
4. Указ президента Российской Федерации от 14 февраля 1996 года №202 «Об утверждении Списка ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подпадающих под экспортный контроль» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №8, ст.742).
5. Указ президента Российской Федерации от 12 мая 1997 года №468 «О внесении изменений и дополнений в указ президента Российской Федерации от 14 февраля 1996 года №202 «Об утверждении Списка ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подпадающих под экспортный

контроль» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, №20, ст.2234).

6. Постановление правительства Российской Федерации от 8 мая 1996 года №574 «Об утверждении Положения о порядке экспорта и импорта ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №20, ст.2358).

7. Указ президента Российской Федерации от 21 февраля 1996 года №228 «О контроле за экспортом из Российской Федерации оборудования и материалов двойного назначения и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях, экспорт которых контролируется» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №9, ст.802).

8. Постановление правительства Российской Федерации от 8 мая 1996 года №575 «Об утверждении Положения о порядке контроля за экспортом из Российской Федерации оборудования и материалов двойного назначения и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях, экспорт которых контролируется» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №20, ст.2359).

9. Указ президента Российской Федерации от 26 августа 1996 года №1268 «О контроле за экспортом из Российской Федерации товаров и технологий двойного назначения» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №36, ст.4197).

10. Постановление правительства Российской Федерации от 7 октября 1996 года №1172 «Об утверждении Положения о порядке контроля за вывозом из Российской Федерации товаров и технологий двойного назначения» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №42, ст.4804).

11. Указ президента Российской Федерации от 16 августа 1996 года №1194 «О контроле за экспортом из Российской Федерации оборудования материалов и технологий, применяющихся при создании ракетного оружия» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №34, ст.4096).

12. Постановление совета министров – правительства Российской Федерации от 27 января 1993 года №70 «Об утверждении Положения о порядке контроля за экспортом из Российской Федерации оборудования, материалов и технологий, применяющихся при создании ракетного оружия» (Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, 1993, №5, ст.396).

13. Постановление совета министров – правительства Российской Федерации от 19 ноября 1993 года №1178 «О внесении изменений и дополнений в Положение о порядке контроля за экспортом из Российской Федерации оборудования, материалов и технологий, применяющихся при создании ракетного оружия» (Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, 1993, №48, ст.4652).

14. Постановление правительства Российской Федерации от 24 мая 1995 года №521 «О внесении изменений и дополнений в Положение о порядке контроля за экспортом из Российской Федерации оборудования, материалов и технологий, применяющихся при создании ракетного оружия» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, №23, ст.2229).

15. Указ президента Российской Федерации от 2 сентября 1997 года №972 «О мерах по выполнению Российской Федерацией резолюций Совета безопасности ООН в отношении создания международного механизма постоянного наблюдения и контроля за поставками в Ирак» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, №36, ст.4128).

16. Постановление правительства Российской Федерации от 7 ноября 1997 года №1403 «О контроле за вывозом в Ирак товаров и технологий двойного назначения и иных средств, подпадающих под действие международного механизма постоянного наблюдения и контроля» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, №46, ст.5315).

17. Распоряжение президента Российской Федерации от 7 декабря 1994 года №621-рп «О контроле за экспортом из Российской Федерации химикатов, оборудования и технологий, которые имеют мирное назначение, но могут быть применены при создании химического оружия» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №9, ст.802).

18. Постановление правительства Российской Федерации от 16 января 1995 года №50 «Об утверждении Положения о порядке контроля за экспортом из Российской Федерации химикатов, оборудования и технологий, которые имеют мирное назначение, но могут быть применены при создании химического оружия» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, №4, ст.313).

19. Распоряжение президента Российской Федерации от 14 июня 1994 года №298-рп «О контроле за экспортом из Российской Федерации возбудителей заболеваний

(патогенов) человека, животных и растений, их генетически измененных форм, фрагментов генетического материала и оборудования, которые могут быть применены при создании бактериологического (биологического) и токсинного оружия» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, №18, ст.809).

20. Постановление правительства Российской Федерации от 26 сентября 1994 года №1098 «Об утверждении Положения о порядке контроля за экспортом из Российской Федерации возбудителей заболеваний (патогенов) человека, животных и растений, их генетически измененных форм, фрагментов генетического материала и оборудования, которые могут быть применены при создании бактериологического (биологического) и токсинного оружия» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, №23, ст.2573).

21. Постановление совета министров – правительства Российской Федерации от 11 октября 1993 года №1030 «О контроле за выполнением обязательств по гарантиям использования импортируемых и экспортируемых товаров (услуг) двойного применения в заявленных целях» (Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, 1993, № 4, ст.4199).

22. Постановление правительства Российской Федерации от 30 августа 1994 года №1005 «О вопросах организации экспортного контроля в

Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, №19 ст.2220).

23. Постановление правительства Российской Федерации от 31 октября 1996 года №1299 «О порядке проведения конкурсов и аукционов по продаже квот при введении количественных ограничений и лицензирования экспорта и импорта товаров (работ, услуг) в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №49, ст.5249).

24. Постановление правительства Российской Федерации от 22 января 1998 года №57 «Об усилении контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения, имеющих отношение к оружию массового уничтожения и ракетным средствам его доставки» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, №8, ст.940).

25. Методическое руководство по созданию на предприятии (в организации) внутрифирменной системы экспортного контроля (утверждено Федеральной службой России по валютному и экспортному контролю 12 мая 1998 года, *Российская Газета* от 15 мая 1998 года).

¹ Текст приведен в том виде, в котором он был представлен депутатам Государственной Думы для первого чтения в декабре 1998 года. Второе чтение законопроекта запланировано на май 1999 года.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЯ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Принят Государственной Думой 22 января 1999 года

Одобен Советом Федерации 27 января 1999 года

Статья 1. Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954) следующие изменения и дополнение:

1. Абзац первый части третьей статьи 205 после слов «иные тяжкие последствия,» дополнить словами «а равно сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения,».

2. В названиях и частях первых статей 220 и 221 слова «радиоактивные материалы» в соответствующих падежах заменить словами «ядерные материалы или радиоактивные вещества» в соответствующих падежах.

Статья 2. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

**Президент Российской Федерации Б.Ельцин
Москва, Кремль, 9 февраля 1999 года, №26-ФЗ**

Источник: Российская Газета. 12 февраля 1999, с.8.

Комментарии к федеральному закону см. в этом номере на с.51

Комментарий**ОБ ИЗМЕНЕНИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА, РЕГУЛИРУЮЩИХ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ****Абрам Иойрыш****доктор юридических наук, руководитель группы правовых проблем
использования атомной энергии Института государства и права РАН**

В комплексе правовых норм, регулирующих использование атомной энергии, содержатся также нормы уголовного права.

Опасность для жизни и здоровья людей настоятельно требует строгого, неукоснительного исполнения всех предписаний, регулирующих обращение с радиоактивными материалами и другими источниками излучения. Игнорирование предписаний этих норм может повлечь за собой причинение тяжелого вреда здоровью людей или вызвать материальный ущерб. Строгое выполнение этих предписаний обеспечивается, в частности, применением уголовного наказания в отношении лиц, допускающих нарушения установленных норм.

Преступления в области использования атомной энергии, представляющие собой непосредственную угрозу для жизни, здоровья и собственности:

Статья 220. Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными материалами

1. Незаконные применение, хранение, использование, передача или разрушение ядерных материалов или радиоактивных материалов – наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.
2. Те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, – наказываются ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до десяти лет.

Особенность комментируемой статьи – наступление уголовной ответственности независимо от возможности возникновения реального вреда в результате незаконного обращения с радиоактивными материалами (ч.1 ст.220 УК). Это связано с повышенной опасностью неконтролируемого ионизирующего излучения в результате

нарушения правил работы с такими материалами для нынешнего и будущих поколений.

Правила обращения с радиоактивными материалами установлены законом РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды», федеральными законами от 21 ноября 1995 года «Об использовании атомной энергии», от 9 января 1996 года «О радиационной безопасности населения», другими законами и нормативными актами.

К радиоактивным материалам относятся: ядерные материалы, содержащие или способные воспроизвести делящиеся (расщепляющиеся) ядерные вещества; радиоактивные вещества, испускающие ионизирующее излучение, использование которых не предусмотрено.

Не образует состава преступления, предусмотренного ст. 220 УК, нарушение правил обращения с материалами, испускающими ионизирующие излучения со значениями меньше установленных норм, в связи с чем для работы с ними не требуется специального разрешения компетентных государственных органов.

Обращение с радиоактивными материалами в соответствии с федеральным законом «Об использовании атомной энергии» включает получение, образование, использование, физическую защиту, сбор, регистрацию и учет, транспортирование и хранение этих материалов.

Ст. 220 УК устанавливает ответственность только за незаконное приобретение, хранение, использование, передачу или разрушение радиоактивных материалов, то есть за те виды работ, которые создают реальную опасность поражения людей и заражения окружающей среды.

Приобретение включает получение, образование, а также покупку, мену, сбор, получение в дар радиоактивных материалов.

Приобретение их путем хищения или вымогательства квалифицируется по ст. 221 УК.

Хранение применительно к ст. 220 УК подразумевает:

- 1) размещение незаконно приобретенных радиоактивных материалов в определенных местах;
- 2) хранение их на законных основаниях, но с нарушением установленных правил радиационной безопасности.

Для наступления ответственности за незаконное хранение радиоактивных материалов лицо либо должно фактически владеть такими материалами, либо осуществлять контроль за ними в силу служебных или должностных полномочий. Использование радиоактивных материалов заключается в их применении как по назначению, так и в иных, включая преступные, целях.

Под передачей имеется в виду продажа, дарение, обмен, передача во временное пользование, залог и т.д. радиоактивных материалов без соответствующего разрешения либо с нарушением правил радиационной безопасности при передаче их лицом, осуществляющим над ними контроль как на законном, так и на незаконном основании.

Под разрушением следует понимать повреждение приборов, установок, хранилищ и других объектов и предметов, содержащих радиоактивные материалы. Для квалификации таких действий по ст. 220 УК необходимо, чтобы в результате разрушения возникла или могла возникнуть реальная опасность повреждения здоровья людей или радиоактивного загрязнения окружающей среды, превышающего установленные нормативы.

Иными тяжкими последствиями признаются причинение нескольким людям тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, значительное устойчивое радиоактивное загрязнение окружающей среды, вывод из строя народнохозяйственных объектов и другое.

Субъект преступления – лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Незаконное обращение с радиоактивными материалами совершается с прямым умыслом.

По отношению к наступившим последствиям форма вины неосторожная.

Статья 221. Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных материалов

1. Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных материалов – наказываются штрафом в размере от семисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Те же деяния, совершенные:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) неоднократно;
- в) лицом с использованием своего служебного положения;
- г) с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия – наказываются лишением свободы на срок от четырех до семи лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они совершены:

- а) организованной группой;
- б) с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;
- в) лицом, два или более раз судимым за хищение либо вымогательство, – наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества либо без таковой.

Примечание. Неоднократным в настоящей статье признается совершение преступления, если ему предшествовало совершение одного или более преступлений, предусмотренных этими статьями, а также статьями 158–164 и 209 настоящего Кодекса.

Хищение – совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и/или обращение чужого имущества, в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Вымогательство – требование передачи чужого имущества под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества.

Хищение ядерных материалов или радиоактивных материалов путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты и грабежа считается законченным с момента завладения указанными материалами.

Хищение же последних путем разбоя или вымогательства является окончанным с момента, применения насилия, опасного для жизни и здоровья, или его угрозы (для разбоя) либо с момента требования передачи радиоактивных материалов под угрозой насилия или с его применением (для вымогательства).

Особенность комментируемой статьи состоит в наличии специального предмета хищения или вымогательства – ядерных материалов или радиоактивных материалов.

Понятие *служебное положение* (п. «в» ч. 2 ст. 221 УК) относится:

- а) к должностным лицам или другим работникам организаций (где размещены ядерные материалы или радиоактивные материалы), имеющим в силу служебных обязанностей доступ к ним либо право контроля над ними;
- б) к представителям властных, правоохранительных или контролирующих структур, которые могут совершить хищения или вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ с использованием своего служебного положения.

Если хищение или вымогательство радиоактивных материалов связаны с их незаконным хранением, использованием, передачей или разрушением, содеянное квалифицируется по совокупности по ст. 220 УК.

Субъект преступления – лицо, достигшее шестнадцати лет.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Лицо сознает, что оно совершает хищение или вымогательство ядерных материалов или радиоактивных материалов, а также

общественную опасность содеянного и желает этого.

Корыстная цель не является обязательной.

В двух законодательных актах 220 и 221 раньше употреблялся термин *радиоактивные материалы*. Термины *радиоактивные материалы* и *радиоактивные вещества* широко известны и не требуют разъяснения. Их смысл понятен из текста определения *радиоактивных веществ*. Из набора радиоактивных веществ раньше были исключены радиоактивные материалы. К радиоактивным веществам и ядерным материалам применялись различные нормы права. Например, *ядерные материалы* в отличие от *радиоактивных веществ* могут находиться не только в федеральной собственности, но и в собственности субъектов Российской Федерации, а также муниципальной собственности. Отсутствие в указанных статьях Уголовного Кодекса термина *ядерные материалы* было неоправданным, так как ядерные материалы одно из основных понятий в области использования атомной энергии. Термин *ядерные материалы* широко используется в отечественных и международных правовых актах. Под термином *ядерные материалы* понимается: уран (обедненный, естественный или обогащенный, включая уран-233), плутоний и торий, любой из этих веществ в форме металла, сплава, химического соединения или концентрата. Коротко говоря, *ядерные материалы* – это материалы, содержащие делящиеся (расщепляющиеся) ядерные вещества.

Сегодня, понимая значение попыток использования противоправных действий, связанных с терроризмом ядерных материалов, вполне обосновано добавление термина *ядерные материалы* и к статье 205.■

Анализ**РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ДЕФОЛТА ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ В ОТНОШЕНИИ КХО****Александр Калядин****доктор исторических наук, член-корреспондент Академии военных наук**

Уничтожение в предусмотренные сроки самых крупных в мире запасов отравляющих веществ (ОВ) малореально без широкой опоры на ресурсы международного финансового сообщества.

График уничтожения химического оружия – жертва финансовых неурядиц

Самый тяжелый вопрос для России в области химической демилитаризации – обеспечение стабильного финансирования работ по ликвидации унаследованных от бывшего СССР запасов химического оружия (ХО).

Поскольку программа уничтожения запасов ХО финансируется из средств федерального бюджета, кризисные процессы в сфере государственных финансов, которые приняли обвальный характер в августе 1998 года, серьезно подорвали возможности привлечения внутренних ресурсов для финансирования работ в области химического разоружения. В этой связи уместно напомнить о хроническом дефиците федерального бюджета, неспособности сменявших друг друга правительств наполнить его доходами и выполнять бюджетные обязательства, секвестрах бюджета в 1997–1998 годах, огромном и увеличивающемся внутреннем государственном и внешнем долгах. Все это привело в 1998 году к девальвации национальной валюты, мораторию на отдачу долгов и, как следствие всех таких негативных процессов, – к нарушению графика выполнения работ по строительству объектов уничтожения химического оружия (УХО).

В утвержденной правительством в марте 1996 года Федеральной целевой программе уничтожения запасов химического оружия в РФ был предусмотрен общий объем финансовых затрат на ее реализацию в период 1995–2009 годов в размере 16,6 трлн руб. в ценах на 1 января 1995 года (без учета последующей деноминации). При уточнении в конце 1997 года финансовых ресурсов, необходимых для реализации программы, правительством было установлено, что общие расходы федерального бюджета на цели химического разоружения составят около

35 трлн руб. и 330 млн долл. (на обеспечение международного контроля за выполнением принятых обязательств: в том числе 250 млн долл. на проведение инспекций и 80 млн долл. – на взносы в Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО)¹. Причем значительная часть затрат (строительство заводов по УХО, полигонов захоронения, создание инфраструктуры и т.п.) приходится на 1998–2000 годы, то есть на первый этап выполнения Конвенции о запрещении химического оружия (КХО).

Федеральной программой предусмотрено, что первоначальному уничтожению подлежат ОВ кожно-нарывного действия – иприт, люизит и их смеси, хранящиеся в емкостях (цистернах) в Горном и Камбарке. Они составляют 18,8% общих запасов ХО или 7,5 тыс. т (15,9% в Камбарке и 2,9% в Горном)².

По Конвенции Россия должна приступить к уничтожению ХО не позднее чем через два года после вступления для нее в силу КХО (то есть в декабре 1999 года). А не позднее чем через три года после вступления для нее в силу КХО (то есть к началу декабря 2000 года) уничтожить не менее одного процента запасов ХО (400 т). К началу декабря 2002 года Россия должна уничтожить не менее 20% запасов ХО (8 тыс. т).

Федеральной программой намечено построить два завода по уничтожению химического оружия (ЗУХО): по уничтожению ХО первой очереди – в Камбарке и Горном общей мощностью 1850 т/год. При этом апробирование объекта в Горном должно было быть проведено в 1998 году, а уничтожение запасов ОВ – в 1999–2002 годах. Апробирование объекта в районе Камбарки должно быть проведено в 2000 году, а уничтожение запасов ОВ – в период 2001–2005 годов.

Запланированные федеральной программой сроки уничтожения и количество уничтожаемого ОВ: 1999 год – 0,42 тыс. т; 2000 год – 2,82 тыс. т; 2001 год – 8,91 тыс. т; 2002 год – 18,1 тыс. т.

Таким образом, если бы были выдержаны графики строительства и введения в эксплуатацию ЗУХО, установленные федеральной программой, то у России не возникло бы проблем с соблюдением предусмотренных Конвенцией промежуточных сроков уничтожения ХО: конец 2000 года – 400 т; конец 2002 года – 8 тыс. т. Однако недостаточное финансирование строительства ЗУХО привело к тому, что сооружение ЗУХО задерживается. К началу октября 1998 года отставание в сроках строительства ЗУХО от графика федеральной программы уже составило три с половиной года, а от графика КХО – полтора–два года³.

В 1995–1997 годах реальные бюджетные ассигнования существенно отставали от плановых показателей. В 1995 году объем финансирования составил примерно 30% от утвержденного федеральным бюджетом и менее 10% от потребностей. В 1996 году фактическое финансирование составило менее пяти процентов от предусмотренного бюджетом. Закон о федеральном бюджете на 1997 год ассигновал на реализацию программы химического разоружения 190 млн (денонимированных) руб., в то время как программой предусмотрено израсходовать в 1997 году 2095,7 млн руб. Выделено же министерству обороны на эти цели менее 20 млн руб. После принятия федерального бюджета на 1997 год было предусмотрено снижение утвержденных расходов в результате применения жесткой политики секвестра.

В 1998 году объем финансирования по разделу «Утилизация и ликвидация вооружений, включая выполнение международных договоров» сократился по сравнению с 1997 годом почти в два раза – с 3,2 млрд руб. до 1,9 млрд руб. На программу уничтожения запасов ХО в 1998 году федеральным бюджетом было предусмотрено израсходовать 500 млн руб., в то время как потребности в этой области составили, по данным Минобороны, более четырех миллиардов рублей⁴. Получено же Госзаказчиком (Минобороны) по состоянию на конец 1998 года 158,9 млн руб. (3,9% от необходимого).

По данным Госзаказчика работ по ликвидации (конверсии) объектов по производству ХО – (Минэкономики России), потребности в ассигнованиях на уничтожение бывших объектов по хранению химического оружия (ОПХО) в сроки, установленные КХО, на 1998

год составили 113,5 млн руб. Утверждено же государственным оборонным заказом на 1998 год – 23,7 млн руб.; получено Госзаказчиком из федерального бюджета (по состоянию на 1 августа 1998 года) – 4,4 млн руб.

Потребности в ассигнованиях на обеспечение международного контроля на 1998 год составили 8,2 млн руб. Утверждено государственным оборонным заказом – 6 млн руб.; получено (по состоянию на 1 августа 1998 года) – 4,6 млн руб. В августе 1998 года поступили счета ОЗХО за четыре из десяти *заездов* инспекционных групп в рамках первоначальных инспекций российских объектов на сумму 566 тыс. гульденов (около 283 тыс. долл. США). Однако в классификации федерального бюджета даже не предусмотрена соответствующая статья расходов. Валютные ассигнования на обеспечение международного контроля по КХО на территории РФ в 1998 году не выделялись⁵.

После финансового кризиса, разразившегося 17 августа 1998 года, финансирование программы УХО на 1998 год было временно приостановлено. В общей сложности за 10 месяцев 1998 года на все программы, имеющие отношение к химическому разоружению (по линии Минобороны, Минэкономики и других), было выделено 30% от установленного лимита. Бюджет на четвертый квартал 1998 года был направлен лишь на решение узкого круга первоочередных задач (зарплата бюджетникам, содержание и довольствие военнослужащим, реанимация банковской системы и т.п.).

На 1999 год бюджетная заявка Минобороны на цели химического разоружения составила пять миллиардов рублей. При этом на строительство ЗУХО, развитие инфраструктуры районов уничтожения ХО запрашивалось 2,9 млрд руб. Учитывая сложившуюся экономическую ситуацию в стране, представляется маловероятным получение таких средств в 1999 году из внутренних (бюджетных и внебюджетных) источников. В федеральном бюджете на 1999 год на цели химического разоружения предусмотрено выделить 500 млн руб.

Если финансирование строительства объектов по УХО и полигонов захоронения будет и далее осуществляться столь же неудовлетворительным образом, то Россия может в начале следующего десятилетия

оказаться в ситуации несоблюдения основного обязательства по КХО и будет вынуждена обратиться в Исполнительный совет (ИС) ОЗХО с просьбой продления промежуточного срока уничтожения ХО. Такая просьба должна быть подана не менее чем за 180 дней до промежуточного срока уничтожения (то есть в мае 2000 года). Однако продление промежуточного срока уничтожения не изменяет основного обязательства государства-участника уничтожить запасы ХО не позднее чем через 10 лет после вступления в силу Конвенции.

Если исходить из текущих оценок, то цели полного уничтожения российских запасов ХО чрезвычайно трудно будет достичь к 2007 году. Россия может просить ИС ОЗХО о продлении срока для завершения уничтожения ХО. Такая просьба должна подаваться не позднее чем через девять лет после вступления Конвенции в силу. В таких случаях может быть предоставлена отсрочка продолжительностью до пяти лет. В случае продления срока уничтожения ХО на пять лет общие расходы России на ликвидацию ХО возросли бы на 6,4 млрд руб.

Роль иностранной помощи

Основное бремя в связи с ликвидацией советских запасов ХО лежит на российском государстве. Руководство страны не снимает с себя этой ответственности. В ноябре 1998 года президент Борис Ельцин поручил правительству Евгения Примакова предусмотреть бюджетные средства для погашения задолженности за 1998 год в сфере химического разоружения и на строительство необходимых объектов в 1999 году, а также активнее привлекать отечественных и зарубежных инвесторов, определить правительственные гарантии, предоставляемые по целевым инвестициям в строительстве ЗУХО. Продолжаются поиски и по изысканию внебюджетных средств. Однако и в следующем и в последующие годы следует исходить из того, что будут существовать лишь весьма ограниченные возможности финансирования Программы уничтожения химического оружия из внутренних источников. Это обусловлено сложной экономической ситуацией в стране.

Оказанная до сих пор некоторыми странами помощь России на нужды химического разоружения способствовала облегчению бремени, которое легло на РФ в результате присоединения к КХО. Но эта помощь носила ограниченный характер и предоставлялась

главным образом по линии двусторонних межправительственных соглашений⁶. Она неадекватна масштабу проблем, стоящих перед страной в области химического разоружения. В частности, она не предоставляется, как правило, на решение социально-экономических задач, имеющих жизненно важное значение для населения районов, где намечено уничтожать ХО.

Ратифицировав КХО, Россия ожидала более существенной помощи от международного сообщества.

Стремительное ухудшение ситуации с государственными финансами сделало остро необходимыми финансирование и проведение работ по химической демилитаризации на основе не только двустороннего, но и многостороннего международного сотрудничества, расширение круга стран, участвующих в этом процессе, вовлечение в него международного финансового сообщества, прежде всего системы Всемирного банка и Международного валютного фонда, особенно учитывая тот факт, что Всемирный банк пересматривает стратегию своей деятельности в России (не предполагается предоставлять бюджетозамещающие займы, но сохраняется возможность выделения инвестиционных займов для реализации конкретных проектов).

Добровольно взяв на себя обязательство уничтожить 40 тыс. т ОВ Советского Союза и предприняв практические шаги по их выполнению, Россия по существу решает не только национальную задачу, но и выполняет важнейшую функцию в интересах мирового сообщества, поскольку речь в данном случае идет о проблеме, имеющей глобальные измерения: стратегическое (обеспечение жизнеспособности международного режима химического разоружения и нераспространения), экологическое (предотвращение отравления биосферы, оздоровление экологической обстановки) и экономическое (рационализация международных обменов химикатами). Поэтому Россия вправе рассчитывать на то, что международное сообщество, его финансовые институты, а не только отдельные страны, уделят должное внимание реализации программы уничтожения 40 тыс. т ОВ, находящихся на территории РФ, и примут участие в ресурсном обеспечении этого крупномасштабного проекта.

Вполне правомерным представляется обращение к системе Всемирного банка (и Международного валютного фонда) с просьбой о финансировании проекта химической демилитаризации, который направлен на решение важных для мирового сообщества задач в области международной безопасности, разоружения, оздоровления природной среды и промышленной конверсии. Российский проект химической демилитаризации – помимо процесса собственно разоружения – охватывает вопросы охраны и оздоровления природной среды, проблемы здравоохранения, городской инфраструктуры, водоснабжения, транспорта, то есть те области, которые входят в число приоритетных направлений деятельности системы Всемирного банка. К тому же, в 1997 году Всемирный банк впервые в своей истории согласился финансировать и программу в области разоружения (разминирование), создав важный прецедент, который может служить дополнительным аргументом для обоснования участия Всемирного банка в финансировании российской программы химической демилитаризации.

Уничтожение же 40 тыс. т ОВ – это конкретная крупномасштабная комплексная инвестиционная программа, имеющая огромное международное значение и не сулящая коммерческой отдачи. Российские власти имеют все основания поставить вопрос о предоставлении России на безвозмездной основе крупного сверхдолгосрочного кредита под эту программу сроком на 25 лет с учетом того обстоятельства, что затраты России на уничтожение запасов ХО бывшего СССР оцениваются в шесть миллиардов долларов.

Основными целями такого займа могли бы быть: обеспечение безопасности граждан и окружающей среды в ходе ликвидации запасов ХО, конверсия бывших объектов по производству ХО, предоставление прямой помощи районам, где хранится ХО и запланировано его уничтожение, в развитие местной инфраструктуры (системы водоснабжения и канализации, телекоммуникации, жилищное строительство, медицинское обеспечение населения и т.д.). Это могло бы дополнить федеральную программу УХО и содействовать бесперебойному выполнению комплекса работ по безопасному уничтожению ХО. Это направление могло бы быть поддержано не только льготными кредитами и субсидиями

как таковыми, но и предоставлением технической помощи и других услуг.

Задача оказания такой помощи соответствует целям обеспечения международной безопасности и справедливых социальных условий, которые поддерживаются Всемирным банком и другими международными финансовыми организациями (МВФ, Европейский банк реконструкции и развития). ЕБРР и МВФ могли бы сыграть позитивную роль и в мобилизации частного капитала в интересах химической демилитаризации России, выступая в качестве гарантов от специфических рисков для неофициальных кредиторов, кофинансирующих соответствующие инвестиционные проекты. Это особенно важно в условиях, когда Россия в значительной мере лишилась доступа к частным источникам кредитных ресурсов и когда решение крупномасштабной задачи безопасного уничтожения самых крупных в мире запасов ОВ практически малореально без широкой опоры на международное финансовое сообщество и его ресурсы.

Эффективность федеральной программы УХО напрямую зависит также от реструктуризации задолженности России по внешнему долгу, облегчения бремени его обслуживания (только в 1999 году России предстоит выплатить по долгам СССР-России 17,5 млрд долл.⁷) и уменьшения основной суммы задолженности. Россия относится к наиболее обремененным долгами странам. Долговое бремя стало чрезмерным для финансовой стабилизации. Очевидна корреляция между внешним финансовым бременем и возможностями страны выдержать международный график уничтожения запасов ХО.

Списание задолженности по советскому долгу в прямой увязке с выполнением программы УХО важно, поскольку ее обслуживание отвлекает инвестиционные ресурсы, которые в ином случае могли бы быть направлены на работы в области химического разоружения. Проблема уменьшения основной суммы долга не может быть решена без ведущего участия официальных международных кредитных институтов. С учетом бремени, которое несет Россия по уничтожению запасов ХО бывшего СССР, представляется правомерным поставить и вопрос перед официальными кредиторами, объединенными в Парижский и Лондонский клубы кредиторов, о частичном списании и радикальной реструктуризации долга СССР (103 млрд долл.)⁸. Только в 1999 году выплаты

по этим долгам составят около девяти миллиардов долларов⁹.

Западные государства-кредиторы России и основные держатели ее долговых обязательств могли бы, в частности, рассмотреть возможность радикальной целевой реструктуризации российского и списания внешнего долга, унаследованного Россией от бывшего владельца арсеналов ОВ – СССР с учетом того бремени, которое взвалила на себя Россия по ликвидации этих арсеналов.

Реструктуризация, а частично и списание таких платежей могли бы осуществляться при том понимании, что Россия направит определенную часть сэкономленных таким образом финансовых средств на оплату конкретных работ, связанных с Программой химического разоружения, и в первую очередь на строительство ЗУХО и развитие социально-экономической инфраструктуры регионов хранения и уничтожения ХО.

Если бы 70 млрд долл. унаследованных от СССР долгов были прощены, остающаяся часть долга реструктуризована, а сроки возврата около 17 млрд долл. процентных ставок и основных сумм кредитов, истекающих в 1999 году, отложены на пять лет, это позволило бы российскому правительству использовать эти ресурсы на внутренние экономические и социальные нужды, а также на выполнение в предусмотренные сроки федеральной программы уничтожения запасов ХО и осуществление других намеченных мер в области ликвидации вооружений.

Идея списания долгов в интересах разоружения получила поддержку не только в России, но и на Западе. В совместном политическом заявлении и совместных политических рекомендациях, разработанных и принятых делегациями Атлантического Совета и Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН в ноябре 1997 года, говорится: «Ясно, что России потребуется значительная внешняя финансовая помощь для уничтожения запасов химического оружия». Далее в этом документе упоминаются три возможных варианта получения помощи и среди них – «пересмотр условий и изменение структуры внешнего долга России таким образом, чтобы освободившиеся средства были направлены на уничтожение запасов химического оружия»¹⁰.

Аналогичное предложение выдвинуто в докладе Исследовательской группы Монтерей–Москва по проблеме химического разоружения в России под названием «Уничтожение наследия *холодной войны*: преодолевая препятствия на пути химического разоружения в России», опубликованном в Москве в 1998 году. Среди основных выводов группы – «реструктуризация части долга, который Россия унаследовала от бывшего Советского Союза, с тем пониманием, что средства, сэкономленные на выплате процентов, будут направлены на создание социальной инфраструктуры»¹¹.

Государства, предоставляющие финансовую помощь, могли бы создать международный орган, который бы координировал реализацию соответствующих проектов. Данный подход позволил бы создать многостороннюю базу межгосударственного сотрудничества, менее подверженную внутривластическому давлению в странах-донорах.

По возможности помощь следует предоставлять непосредственно в районы предполагаемого уничтожения ХО (Горный, Камбарка, Щучье, Почеп и т.д.). Поскольку в данных населенных пунктах проживает небольшое число жителей, финансирование проектов на уровне местного самоуправления было бы относительно недорогим. В этих целях государства-доноры могли бы предложить подписать прямые соглашения в области финансирования создания объектов социально-экономической инфраструктуры. Помимо всего прочего, это способствовало бы снятию психологического стресса с населения районов, в которых намечено уничтожить ОВ.

Выводы

Сегодня российская программа уничтожения запасов ХО подвергается испытанию на прочность.

Для России комплекс проблем, связанных с ликвидацией унаследованных от Советского Союза арсеналов ХО в обусловленные Конвенцией сроки, особенно сложен, учитывая размеры запасов ОВ и общеэкономическую ситуацию в стране.

Определенные предпосылки для решения этих вопросов созданы благодаря принятию законодательных и административных мер, предпринятым после ратификации Конвенции усилиям по реализации федеральной программы уничтожения запасов ХО в РФ и выполнению требований Конвенции.

Приведенный выше анализ показывает, что вопросы соблюдения Россией КХО обусловлены в большей части обстоятельствами, связанными с недостаточным уровнем финансирования соответствующей федеральной программы вследствие глубокого финансового кризиса, переживаемого страной.

Хотя сохраняется заинтересованность российского общества в избавлении от ХО, общеэкономическая и финансовая ситуация в стране в 1999 году сложилась крайне неблагоприятно для продолжения запланированными темпами чрезвычайно затратных работ, предусмотренных этой программой, в том числе по созданию ЗУХО и объектов социально-экономической инфраструктуры в районах предполагаемого уничтожения ХО.

Сохранение кризисной финансовой ситуации внутри страны и отсутствие внешней поддержки делают вероятным сценарий продления срока уничтожения ХО.

В сложившихся условиях, учитывая сложную обстановку внутри страны, по настоящему процесс уничтожения запасов ОВ может набрать требуемый динамизм лишь при широкомасштабной финансовой поддержке со стороны международного сообщества, экономически развитых стран-участниц КХО.

Общественностью России и некоторых стран Запада предложены рекомендации, рассматриваемые выше, осуществление которых могло бы эффективно способствовать продвижению России по пути химической демилитаризации. А это, в свою очередь, стабилизировало бы глобальный режим нераспространения ХО и химического разоружения, позволило бы продемонстрировать возможности многостороннего формата решения проблем в сфере контроля над вооружениями. Участие международного финансового сообщества в финансировании российской программы УХО, способствовало бы большей транспарентности соответствующей деятельности РФ и снятию конкретных озабоченностей общественности (относительно состояния бывших советских предприятий по производству ХО, возможностей разработки новых ОВ, передачи соответствующей технологии другим странам и т.д.).■

¹ Развернутая характеристика затрат на цели выполнения КХО содержится в финансово-

экономическом обосновании, представленном правительством в Государственную Думу при обсуждении вопроса о ратификации КХО в октябре 1997 года

² Обе базы хранения ХО принадлежат химическим войскам. Готовые боеприпасы (32,5 тыс. т), что составляет 81,2% суммарного количества, хранятся на принадлежащих Главному управлению ракетных войск и артиллерии (ГУРА) двух базах – в Шучьем (Курганская обл.) и Кизнере (Удмуртская Республика), а также на трех базах ВВС – в Марадыковском (Кировская обл.), Леонидовке (Пензенская обл.) и Почепе (Брянская обл.)

³ Данные приведены первым заместителем Комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия А.Ивановым на семинаре в Московском центре Карнеги «За международный мир» 27 октября 1998 года

⁴ Эти сведения предоставлены в Государственную Думу председателем правительства РФ 24 июня 1997 года

⁵ Данные Комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия на 24 августа 1998 года

⁶ Помощь России в деле химической демилитаризации предоставили США, Германия, а также Швеция. С 1993 по 1998 годы США выделили на эти цели 168,7 млн долл.; Германия – 41,7 млн марок (около 23,3 млн долл.); Швеция – 125 тыс. долл. и заявила о готовности выделить еще 2,6 млн шведских крон (около 350 тыс. долл.). Готовность к подписанию соглашений об оказании помощи на 1998 год и последующие годы подтвердили Нидерланды – в объеме 12,5 млн долл., Финляндия – 6 млн финских марок (около 1,2 млн долл.), Европейский союз – 10–15 млн экю (11–16,5 млн долл.). С 1999 года намерена предоставить финансовую помощь Италия – в объеме от 6,7 до 8,3 млн долл. в течение трех лет. В 1998 году началась реализация договоренности с США о подготовке к конверсии бывшего ОПХО на ОАО *Химпром* в Волгограде. В 1999 году намечено выполнить первую часть проекта за счет американской помощи в размере 2,2 млн руб.

⁷ Наталья Калашникова. Договоримся с МВФ несмотря на возникающие трудности. *Сегодня*, 4 марта 1999, с.2. См. также: Юрий Маслюков. Новая конкурентоспособная модель. *Сегодня*, 14 апреля 1999

⁸ *Известия*, 11 августа 1998, с.4

⁹ Фактически платежи по всем видам внешнего долга РФ составили в 1996 году 7,7 млрд долл.; в 1997 году – 7,4 млрд долл.; в первом квартале 1998 года – 2,2 млрд долл.

Финансовые известия, 11 августа 1998, с.8. На 1998 год приходятся основные выплаты по внешнему долгу России. В частности, подходят основные платежи по долгам бывшего СССР, которые Россия взяла на себя. А также заканчиваются льготные периоды по тем кредитам, которые пять лет назад были взяты Россией. Наталья Калашникова. Договоримся с МВФ несмотря на возникающие трудности. *Сегодня*, 4 марта 1999, с.2. См. также: Юрий Маслюков. Новая конкурентоспособная модель. *Сегодня*, 14 апреля 1999

¹⁰ *Мировая экономика и международные отношения*, №5, 1998, с.114

¹¹ Уничтожение наследия холодной войны: преодолевая препятствия на пути химического разоружения в России. Доклад, 1998, с.7

В исследовательскую группу входили ученые и специалисты из Центра проблем распространения Монтерейского института международных отношений (США), РАН (РФ), компании *Роснефтехимпром* (РФ), Московского центра Карнеги, Университета Сассекса (Великобритания), Центра Смитсона (США), фирмы *Лоббе Зенекс Гмбх* (Германия), корпорации *Дюпон* (США).

Вышли в свет в марте – апреле 1999 года

- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol (Nuclear Control)*. № 10. Spring 1999 (на английском языке). В номере: Дмитрий Литовкин «К вопросу о создании Объединенного главного командования СЯС», Александр Яковенко «Политика, новые технологии и XXI век», Владимир Медведев «Некоторые аспекты обеспечения Россией ядерного сдерживания в предстоящем десятилетии», Иван Сафранчук «Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России», комментарии и информация. Цена 625 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).
- *Ядерный Контроль*. № 2. Март–Апрель 1999. В номере: Харольд П. Смит-мл. «Помощь в уничтожении химического оружия России: на критическом рубеже», Дмитрий Литовкин «К вопросу о создании Объединенного главного командования СЯС», Станислав Петров: «Мы выполним свои обязательства перед международным сообществом», Александр Яковенко «Политика, новые технологии и XXI век», Скотт Джонс «Система ликвидации избыточных вооружений США: недооцененная угроза распространения», Виктор Михайлов «Минатом и международное сотрудничество», Владимир Захаров «О мотивации военного строительства в России». Цена 1250 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).
- *Научные Записки № 10*. Иван Сафранчук «Будущее ядерных сил России». Под редакцией Дмитрия Евстафьева. Предисловие Евгения Маслина. В работе рассматриваются: некоторые основные положения теории ядерной стратегии (сдерживание, ущерб и достаточность, типы ядерных ударов, противоракетная оборона, транспарентность в ядерной сфере, преимущества и недостатки различных ядерных средств); ядерные силы и ядерная политика России (ядерное оружие в документах военного планирования, роль ядерного оружия в осуществлении внешнеполитической стратегии, состав стратегический ядерных сил России, система управления стратегическими ядерными силами России, тактическое ядерное оружие России, система управления тактическим ядерным оружием России, ядерная политика России); какие ядерные силы и политика необходимы России (определение интересов в военно-политической сфере, возможные внешние военные угрозы национальной безопасности России, проблема сдерживания недемократических и демократических режимов и выбор варианта сдерживания, проблема взаимозаменяемости вариантов сдерживания и ресурсов для их осуществления, определение ресурсов для выбранного варианта сдерживания, критика, ядерная политика России). Цена 250 руб. (включая почтовую доставку по всему миру).

см. также с.71

Обзор**ХАРАКТЕРИСТИКИ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОГО НЕЙТРОННОГО ОРУЖИЯ****Владимир Белоус****генерал-майор в отставке, профессор Академии военных наук**

Как известно, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) наложил запрет на проведение «любых испытательных взрывов ядерного оружия или любого иного ядерного взрыва». При этом договор базируется на общеизвестных взрывных технологиях, связанных с реакциями деления или деления-синтеза. Однако этот международный документ не дает точного определения границы между запрещенными ядерными взрывами и незапрещенной деятельностью в ядерной сфере. Специалисты не без оснований указывают на существование *серых* зон, на которые не распространяется запрет ДВЗЯИ, но которые могут иметь военную направленность. Это, в частности, касается термоядерных экспериментов на различных установках, где наряду с исследованиями, направленными на получение энергии, изучается возможность создания компактной, чисто термоядерной взрывчатки.

При этом некоторые ученые придерживаются мнения о том, что изучение методов поджига небольших количеств термоядерных компонентов, к которым относятся *инерциальный термояд* и подобные эксперименты, не подлежат запрету. Ныне к *подобным экспериментам* стали относить и такие, где для осуществления имплозии термоядерной смеси применяется химическая взрывчатка или сжатие магнитного поля. По свидетельству некоторых ученых, подобные эксперименты проводятся в Лос-Аламосской и Сандийской национальных лабораториях США и во Всероссийском институте экспериментальной физики в Сарове (Арзамас-16). Наиболее вероятным побочным результатом проводимых исследований может стать значительное повышение энергомассовых характеристик ядерных боезарядов и создание нейтронной мини-бомбы. Такой нейтронный боезаряд с тротиловым эквивалентом всего в одну тонну может создать смертельную нейтронную дозу на расстояниях 200–400 м¹.

Создание такого мини-оружия будет стирать границу между ядерным и обычным оружием,

сделает его боевое использование более вероятным. О возможных последствиях проводимых работ по созданию нового поколения ядерного оружия предупреждает видный американский физик-ядерщик Ганс Бете, руководивший в годы второй мировой войны теоретическим отделом *Манхэттенского проекта*. В апреле 1997 года он направил письмо президенту Биллу Клинтону, в котором указал на необходимость прекращения финансирования работ, направленных на создание новых конструкций ядерного оружия, в частности, чистого термоядерного.

Поражающее действие нейтронного оружия

Разработанные к настоящему времени нейтронные боеприпасы представляют собой термоядерные заряды сравнительно небольшой мощности, с тротиловым эквивалентом от 1 до 10 кт и усиленным выходом нейтронного излучения. При взрыве такого заряда за счет уменьшения доли энергии, преобразуемой в ударную волну и световое излучение, увеличивается количество энергии, выделяемой в пространство в виде потока быстрых нейтронов со средней энергией около 14 Мэв. По мнению профессора Э. Буропа, принципиальное отличие устройства нейтронной бомбы от термоядерной заключается в различной скорости выделения энергии. «В нейтронной бомбе, – утверждает он, – выделение энергии происходит гораздо медленнее. Это нечто вроде пиропатрона замедленного действия»². Для подогрева синтезируемых веществ до температуры в десятки миллионов градусов используется мини-детонатор из высокообогащенного плутония. Количество выделяющихся нейтронов прямо пропорционально массе веществ, участвующих в реакции синтеза, то есть зависит от величины тритового эквивалента заряда. По расчетам ученых, на каждую килотонну мощности выделяется десять в двадцать четвертой степени нейтронов.

При движении нейтронов в воздухе в результате столкновений с ядрами атомов газов они постепенно теряют свою энергию.

Степень ослабления нейтронного потока при распространении его в атмосфере характеризуется длиной релаксации, то есть расстоянием, на котором поток нейтронов убывает в e раз ($e=2,72$ – основание натурального логарифма). Взрыв нейтронного заряда сопровождается испусканием гамма-излучения, которое образуется в ходе ядерных реакций, а также в результате взаимодействия выделяющихся нейтронов с материалами конструкции оболочки боеприпаса. Для нейтронов и гамма-излучения, испускаемых в ходе реакций синтеза, длина релаксации в воздухе на небольшой высоте над поверхностью земли составляет около 235 и 350 м соответственно. В результате разной длины релаксации меняется соотношение между величиной их потоков на различных расстояниях от центра взрыва. На близких расстояниях доля нейтронов в общем потоке проникающей радиации значительно преобладает над долей гамма-излучения, однако по мере удаления от центра взрыва это соотношение постепенно изменяется. Так, для заряда мощностью одна килотонна, начиная с расстояний, примерно равных 1500 м, дозы γ -квантов и нейтронов вначале уравниваются, а затем первая начинает превосходить вторую.

Поражающее действие нейтронов и γ -квантов на живые организмы определяется той суммарной дозой излучения, которая будет поглощена их тканями. Для характеристики поглощенной дозы излучения на практике применяют единицу под названием *рад* (*radiation absorbed dose* – поглощенная доза излучения). Рад определяется как величина дозы ионизирующего излучения, которая соответствует поглощению 100 эрг энергии в одном грамме вещества. Ученые установили, что все виды ионизирующего излучения производят сходное воздействие на живые организмы, однако величина биологического эффекта при одной и той же поглощенной энергии будет весьма существенно зависеть от вида излучения. Это различие в воздействии на живые ткани учитывают введением показателя относительной биологической эффективности (ОБЭ). За эталон принимается действие гамма-излучения, для которого значение ОБЭ равно единице.

Исследования показали, что относительная биологическая эффективность быстрых нейтронов при воздействии на живые ткани примерно в семь раз выше, чем у γ -квантов³. Для оценки эффективности биологического воздействия на организм конкретного вида

излучения в практику введен бэр (биологический эквивалент рентгена), который характеризуется соотношением: Доза (бэр)=ОБЭ·доза (рад). Это означает, например, что поглощенная доза высокоэнергетического нейтронного излучения 10 рад по своему биологическому воздействию на человеческий организм эквивалентна дозе 70 рад гамма-излучения.

В последние десятилетия был раскрыт механизм взаимодействия нейтронов с молекулами органических веществ. После взрыва нейтроны движутся со скоростями несколько десятков километров в секунду. Врываясь словно снаряды в живые клетки, они выбивают ядра из атомов, рвут молекулярные связи, образуют свободные радикалы, обладающие высокой реакционной способностью, что приводит к нарушению основных циклов жизненных процессов.

Следует также учитывать, что в результате взаимодействия нейтронного потока с поверхностным слоем почвы и различными объектами создается наведенная радиоактивность. Механизм образования этой наведенной радиоактивности состоит в том, что нейтроны взаимодействуют с атомами различных элементов, входящих в их состав. Захватив нейтроны, часть этих ядер преобразуется в радиоактивные изотопы, которые в течение определенного времени, характерного для каждого вида изотопа, испускают ядерные излучения, обладающие поражающей способностью. Интенсивность и длительность радиоактивного излучения, наведенного в грунте, в большой степени зависит от химического состава его поверхностного слоя. Для наиболее распространенных почв наибольший вклад в наведенное излучение вносят изотопы марганца, натрия, кремния. При захвате нейтронов атомами элементов, содержащихся в строительных материалах, оборудовании, вооружении наибольшей активностью отличаются атомы цинка, никеля, меди, хрома, магния, марганца и некоторых других металлов.

Все эти образующиеся радиоактивные вещества при распаде излучают β -частицы и γ -кванты, преимущественно высоких энергий. Вследствие этого подвергшиеся облучению нейтронами танки, орудия, бронетранспортеры и другая техника также могут стать источниками интенсивного излучения. По расчетам некоторых

специалистов, танки и бронетранспортеры, находящиеся от центра взрыва на расстояниях, при которых их экипажи немедленно выходят из строя, становятся безопасными примерно через сутки после взрыва. Боевая техника, изготовленная из легких конструкционных материалов, под действием нейтронов также становится радиоактивной вследствие образования активных изотопов из алюминия и магния. Поскольку легкие сплавы содержат в своем составе значительное количество этих элементов, длительность опасного радиоактивного излучения может достигать пяти суток.

Возможное боевое применение нейтронного оружия

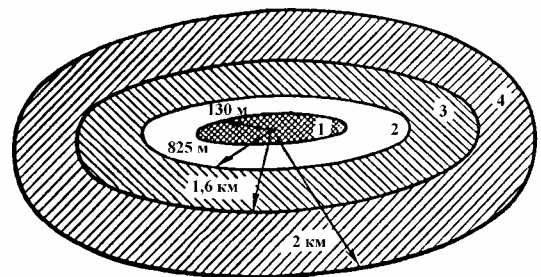
Бурные дискуссии вокруг будущего ядерного оружия в XXI веке охватывают широкий диапазон мнений, касающихся его политической роли и военного значения в обеспечении безопасности России. При этом в центре внимания, как правило, остаются стратегические ядерные силы, что нередко инициируется довольно спорным характером российско (советско)-американских соглашений по их сокращению. Неоправданно гораздо меньше внимания уделяется тактическим ядерным вооружениям, которые совместно со стратегическими образуют единую систему ядерного оружия, призванную решать комплекс политических и военных задач.

Принципиально общим предназначением обоих компонентов ядерных сил является то, что их единственной рациональной функцией является *сдерживание*, что они, по существу, являются политическим оружием. Наиболее же существенное их различие состоит в том, что когда *сдерживание* не имеют успеха, то стратегические силы способны выполнять задачу *возмездия*, а тактические — задачу *отражения* агрессии. В этом случае СЯС могут наносить *противоценностные* удары по заранее спланированным, наиболее важным целям на территории противника, но они не могут остановить агрессию нанесением ударов по группировкам войск противника, особенно уже вторгшимся на обороняемую территорию. Такую задачу, наряду с обычными вооружениями, способно решать лишь тактическое ядерное оружие. При этом, чем более реалистичным и убедительным является *сдерживание*, тем менее вероятным становится *возмездие* и *отражение* агрессии.

Актуальность ТЯО в современных условиях обусловлена также тем, что снижение

опасности глобального ядерного конфликта или ширококомасштабной агрессии сопровождается возрастанием угрозы региональных конфликтов, что переводит потенциальные боевые действия на более низкий уровень. Это означает, что именно ТЯО должно рассматриваться как оборонительное оружие, которое возможно применять на поле боя для отражения агрессии, в том числе и на своей территории. Поэтому высокое поражающее действие ТЯО по наступающим войскам противника, одновременно должно быть ограниченным по масштабам и наносить минимальный сопутствующий ущерб защищаемой территории и своим войскам. Таким требованиям в наибольшей степени отвечает именно нейтронное оружие, которое является крайним оборонительным средством. Это означает, что если когда-нибудь дело дойдет до применения ядерного оружия, то им, скорее всего, будет нейтронное.

Рис.1. Зоны поражения личного состава и вывода из строя боевой техники от взрыва нейтронного боеприпаса мощностью 1 кт

1 — действием ударной волны и светового излучения разрушаются все здания, уничтожаются транспортные средства и гибнет личный состав; 2 — мгновенно выводятся из строя люди, даже находящиеся в танках, и сразу наступает их смерть (разрушение объектов не отмечается); 3 — полученные высокие дозы радиации вызывают лучевую болезнь у личного состава, в том числе со смертельным исходом; 4 — имеет место незначительное облучение людей.

Боевое применение нейтронного оружия должно учитывать, что при взрыве артиллерийского снаряда 203,2-мм калибра мощностью одна килотонна экипажи танков будут мгновенно выведены из строя в радиусе 300 м от эпицентра взрыва и погибнут в течение одних-двух суток. Танковые экипажи, находящиеся на расстояниях 300–700 м, выйдут из строя через несколько минут и в течение шести-семи дней также погибнут; на расстояниях 700–1300 м они окажутся небоеспособными через несколько часов, а гибель большинства из них наступит в течение нескольких недель. На больших расстояниях,

порядка 1500–1700 м, определенная часть экипажей получит легкое лучевое поражение.

При планировании оборонительных операций с применением нейтронного оружия считается необходимым обеспечить массовый вывод из строя живой силы противника в течение 10–30 минут, для чего требуется доза около 5000 рад. Для сравнения приведем рассчитанные радиусы зон поражения людей, расположенных на открытой местности, проникающей радиацией с дозой 5000 рад (Rз.пр); ударной волной, приводящей к их гибели (dPф=0,5 кг/см) – (Rз.ув) и отношение

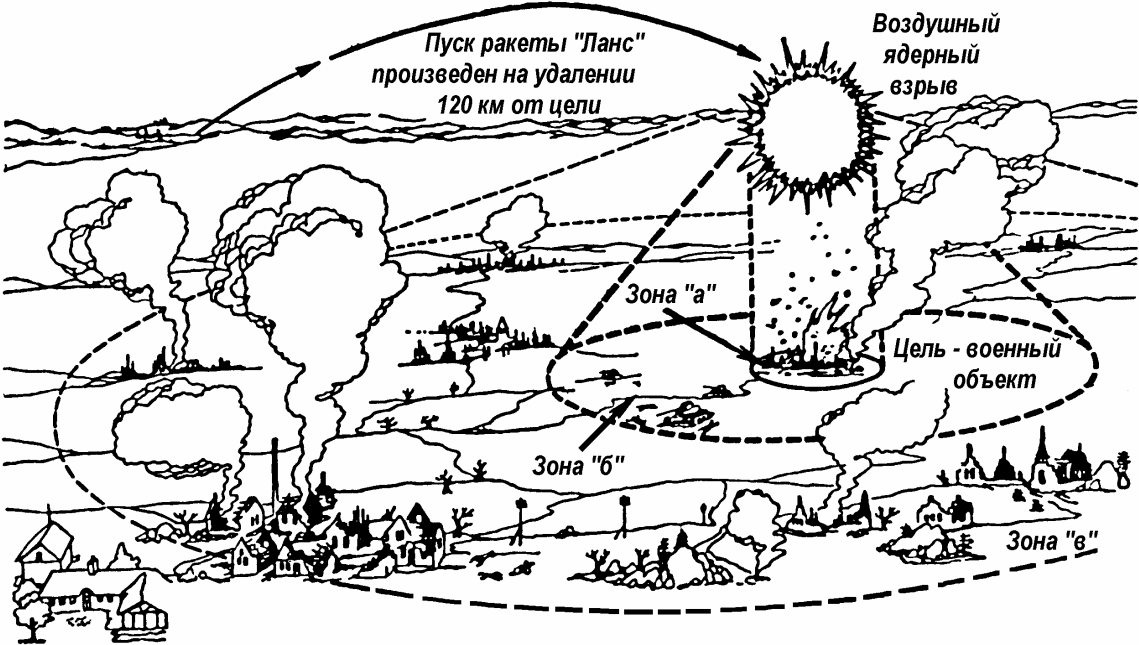
площадей этих зон поражения⁴. Обращает на себя внимание значительное превышение величины зоны поражения излучением над размерами зоны поражения ударной волной, характерное для нейтронных боеприпасов.

Одновременно будет наноситься поражение различной электронной аппаратуре, системам боевого управления и связи, весьма чувствительным к воздействию нейтронов. Расположенные вне укрытий, они получат необратимые повреждения на расстояниях до 700 м от эпицентра взрыва⁵.

Таблица. Радиусы зон поражения нейтронным излучением и ударной волной боеприпасами различной мощности

Мощность взрыва, т	Заряд деления			Заряд нейтронный		
	Rз.пр, м	Rз.ув, м	Sз.пр	Rз.пр, м	Rз.ув, м	Sз.пр
			Sз.ув			Sз.ув
10	150	50	9	300	35	70
20	170	70	6	360	50	50
50	230	120	4	470	80	35
100	280	170	3	550	100	32
200	330	230	2	650	120	29
500	400	320	1,5	800	150	28
1000	470	420	1,2	950	200	23

Рис.2. Сравнение зон поражения личного состава и разрушения сооружений при взрыве нейтронной головной части ракеты Ланс (тротиловый эквивалент 1 кт) и обычной ядерной головной части этой же ракеты (тротиловый эквивалент 50 кт)

а – зона разрушений, вызванных ударной волной и световым излучением при взрыве нейтронной головной части ракеты Ланс; б – зона, в которой личный состав противника гибнет после облучения в результате взрыва нейтронной головной части; в – зона разрушений, вызванных ударной волной и световым излучением при обычной ядерной головной части, состоящей на вооружении.

Оптимальной высотой взрыва нейтронных боеприпасов мощностью от 1 до 10 кт считается высота в пределах 150–200 м с таким расчетом, чтобы образующийся при этом огненный шар не достигал поверхности земли и не создавал значительного радиоактивного заражения местности. В этом случае значительная часть образовавшихся радиоактивных продуктов поднимается вверх и уносится потоками воздуха. Однако такая небольшая высота взрыва приводит к относительно высокой плотности нейтронного потока, падающего на поверхность земли и, следовательно, к созданию довольно высокого уровня наведенной активности в районе эпицентра взрыва. На расстоянии 100–200 м от эпицентра взрыва суммарная доза до полного распада радиоактивных веществ может достигать 1200 рад, на расстоянии 300–400 м – до 400 рад. Уровень радиации довольно резко падает с течением времени и вблизи эпицентра взрыва личный состав может появляться через определенное время, после снижения уровня заражения.

Боевое применение нейтронного оружия весьма эффективно против танковых экипажей и оно имеет наивысшие показатели среди всех противотанковых средств по критерию *стоимость-эффективность*. Как известно, лобовая броня современных танков достигает толщины 250 мм. γ -кванты высокой энергии при прохождении через лобовую броню будут ослабляться примерно в 100 раз. В то же время нейтронный поток, падающий на лобовую броню, будет ослабляться только вдвое. При этом взаимодействие нейтронов с атомами железа и легирующих добавок приведет к возникновению вторичного γ -излучения, которое также будет поражать экипаж танка. Это означает, что простое увеличение толщины брони не даст желаемых результатов, однако увеличит вес танка и ухудшит его маневренные качества. Увеличить защищенность танковых экипажей можно создав многослойные комбинированные покрытия, основанные на особенностях взаимодействия нейтронов и γ -квантов с атомами различных веществ.

Американские специалисты использовали подобное комбинированное покрытие в боевой машине М-2 *Брэдли*. Для снижения поражающего воздействия проникающей радиации на экипаж промежуток между внешней стальной броней и внутренним алюминиевым корпусом заполнен слоем водородосодержащего (с его атомами активно

взаимодействуют нейтроны) пластического материала – пенополиуретана, предназначенного для поглощения нейтронов⁶. Однако такая защита обеспечивает лишь некоторое снижение дозы.

При развязывании военного конфликта наиболее вероятным использованием нейтронного оружия является нанесение группового удара по главной группировке войск противника на одном операционном направлении с целью ликвидации его прорыва в оперативную глубину обороны. Более масштабным может стать нанесение ударов в пределах стратегического направления по войскам противника на театре военных действий в условиях неблагоприятного развития фронтовой оборонительной операции. При этом необходимо четко определить условия перехода от войны с использованием обычных вооружений к боевым действиям с применением ядерного и, в первую очередь, нейтронного оружия. Его применение, равно как и стратегического ядерного оружия, может быть разрешено только по приказу Верховного главнокомандующего^{7,8}.

Для решения этих задач необходимо иметь нейтронные артиллерийские снаряды, мины, боеголовки оперативно-тактических ракет разной мощности. Создание нейтронных мини-зарядов (если это удастся) с тротильным эквивалентом одна-пять тонн и взрыв их на высоте нескольких десятков метров обеспечит уничтожение живой силы противника в радиусе 200–600 м при отсутствии всякого воздействия ударной волны. Единственным воздействием на окружающую среду в этом случае будет только кратковременная наведенная радиоактивность в районе эпицентров взрывов. Такое нейтронное оружие нанесет меньше сопутствующего ущерба, чем удары высокоточным оружием по наземным целям. При неблагоприятных изменениях военно-политической ситуации Россия, возможно, будет вынуждена пересмотреть свои обязательства об уничтожении и прекращении производства ядерных артснарядов и боеголовок тактических ракет, а также принять на вооружение оперативно-тактический ракетный комплекс вместо ОТР-23 (*Ока*), ликвидированного по договору РСМД, хотя имея предельную дальность стрельбы менее 500 км, он не подпадал под его ограничения.

Предпринимая значительные усилия по сокращению ядерных вооружений, высшее

военно-политическое руководство России исходит из того, что его применение в конфликтах возможно в крайних случаях в качестве мощного оборонительного средства. Наличие ядерного оружия у ряда государств, латентных (до поры до времени) территориальных претензий к России, возможность широкомасштабной агрессии против нее создает определенную вероятность его боевого применения, что обуславливает необходимость выработки соответствующих оборонительных мер, направленных на обеспечение территориальной целостности, суверенитета и защиту коренных геополитических интересов России. В этих условиях вряд ли следует отрицать весьма эффективную сдерживающую роль нейтронного оружия.■

¹ Джоунс С., Хиппель Ф. Вопрос о чистом термоядерном взрыве в рамках ДВЗЯИ. *Наука и всеобщая безопасность*. 1998, т.7, №2, с.3, 4

² *Мир Науки*, 1977, №4, с.21

³ Чазов Е., Ильин А., Гуськова А. Опасность ядерной войны. М., 1982, с.44

⁴ *Военный Вестник*, 1978, №1, с.115

⁵ *Военный Вестник*, 1982, №1, с.87

⁶ *Зарубежное Военное Обозрение*, 1982, №12, с.53

⁷ Круглов В., Сосновский М. О роли нестратегических ядерных средств в ядерном сдерживании. *Военная Мысль*, 1997, №6, с.12, 13

⁸ Рябошапко В. Условия перехода к возможному применению ядерного оружия. *Военная Мысль*, 1996, №4, с.12–14

Полемика**О ПЕРСПЕКТИВАХ ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ ДВЗЯИ****Роланд Тимербаев****Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации (в отставке)**

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) после одобрения его Генеральной Ассамблеей ООН был открыт для подписания всеми государствами 24 сентября 1996 года и к настоящему времени подписан более чем 150 странами. Однако, хотя со дня открытия договора для подписания прошло уже свыше двух с половиной лет, шансы его вступления в силу в обозримой перспективе представляются по меньшей мере проблематичными. В чем причины такой не вполне обычной в международной практике задержки с введением в действие договора, поддержанного подавляющим большинством государств мирового сообщества?

Напомним читателю порядок вступления договора в силу (текст ДВЗЯИ был опубликован в *Ядерном Контроле* – №№ 26–33 за 1997 год). В соответствии с пунктом 1 статьи XIV он вступает в силу через 180 дней после сдачи на хранение ратификационных грамот всеми 44-мя государствами, перечисленными в Приложении 2 к договору. Этот список состоит из государств, располагающих, по данным МАГАТЭ, энергетическими и исследовательскими реакторами и принимавших участие в переговорах по ДВЗЯИ¹. Из перечисленных в приложении государств только три – Индия, КНДР и Пакистан – не подписали договор. Из числа 44-х государств на настоящее время он ратифицирован 17 странами (Австралия, Австрия, Аргентина, Бразилия, Германия, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Перу, Словакия, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция, Швеция, Южная Африка, Япония). Всего же договор по состоянию на апрель ратифицировали 34 государства.

Разработчики договора – надо отдать им должное – еще в ходе переговоров справедливо предполагали, что процесс его вступления в силу будет затяжным. Именно поэтому они включили положение о том, что если договор не вступит в силу «через три года после даты годовщины его открытия для подписания», депозитарий (Генеральный секретарь ООН) созывает конференцию государств, сдавших на хранение свои

ратификационные грамоты, по просьбе большинства этих государств. Эта конференция «рассматривает и решает консенсусом вопрос о том, какие меры, совместимые с международным правом, могут быть приняты для ускорения процесса ратификации с целью содействовать скорейшему вступлению в силу» договора (пункт 2 статьи XIV). При этом такие конференции могут проводиться и в дальнейшем до вступления договора в силу (пункт 3). Все государства, подписавшие договор, могут присутствовать на конференциях в качестве наблюдателей, то есть без права участия в принятии решений (пункт 4).

Положение о конференциях, как совершенно очевидно, преследует задачу оказания политического давления на те государства, которые затягивают ратификацию договора и, следовательно, его введение в действие.

Нечеткость формулировки о сроках проведения конференции (через три или четыре года после открытия договора для подписания?) вызывало дискуссии, но большинство государств все же склоняются к выводу, что конференция может состояться в 1999 году, очевидно в период между октябрём и декабрём 1999 года (скорее всего 4–6 октября, до начала работы Первого политического комитета Генеральной Ассамблеи ООН). Среди некоторых стран существует также мнение, что на конференцию могут быть приглашены в качестве наблюдателей и государства, не подписавшие договор (имеются в виду прежде всего такие страны, как Индия, Пакистан и КНДР, если они не подпишут договор до открытия конференции).

Успешное вступление ДВЗЯИ в силу будет в первую очередь зависеть от его ратификации Соединенными Штатами, Россией, Китаем, Индией, Пакистаном, Израилем и КНДР. Рассмотрим, как обстоит дело с присоединением к договору этих стран.

Соединенные Штаты Америки. Администрация США представила ДВЗЯИ на

ратификацию сената в сентябре 1997 года. Однако с того времени сенат практически ничего не сделал для того, чтобы дать *совет и согласие* на его ратификацию. Администрация в лице президента Билла Клинтона и государственного секретаря Мадлен Олбрайт неоднократно публично подчеркивали приоритетное значение договора для безопасности США. Так, Билл Клинтон в ширококвещательном выступлении по внешней политике 26 февраля сказал, что он «убедительно просит сенат США ратифицировать ДВЗЯИ в 1999 году. Договор представляет огромное значение для США и мира в целом».

В конце января 1999 года г-жа Олбрайт сообщила председателю сенатского комитета по иностранным делам Джесси Хелмсу, что с точки зрения администрации наибольший приоритет в плане ратификации международных соглашений, находящихся на рассмотрении сената, следует предоставить ДВЗЯИ. Однако Джесси Хелмс, как сообщала газета *Washington Post* 15 февраля, ответил, что комитет не предпримет никаких действий по ДВЗЯИ до тех пор, пока администрация не представит сенату дополнения к договору об ограничении систем ПРО 1972 года, которые были приняты в 1997 году. Газета при этом подчеркнула, что «Хелмс против них имеет возражения и надеется использовать их для того, чтобы пустить под откос весь договор ПРО».

Нужно иметь в виду, что в своей оппозиции договору Джесси Хелмс далеко не одинок. По свидетельству журнала *Arms Control Today*, председатель сенатского комитета по иностранным делам пользуется *полной поддержкой* лидера республиканского большинства в сенате Трента Лотта².

Как отмечал *Washington Post* в этой связи, ответственные сотрудники администрации, со своей стороны, будут «воздерживаться от направления в сенат дополнений к договору ПРО до тех пор, пока российский парламент не ратифицирует договор СНВ-2». Следовательно, получается заколдованный круг: сенатский комитет по иностранным делам, во всяком случае его руководство, фактически связывает ратификацию ДВЗЯИ с отменой договора ПРО, а Государственная Дума РФ, если и пойдет на ратификацию СНВ-2, то свяжет ее с неременным строгим соблюдением американской стороной договора ПРО. Таким образом, скорая

ратификация Соединенными Штатами ДВЗЯИ представляется довольно проблематичной.

Тем не менее, со стороны администрации США продолжают делаться решительные заявления в пользу скорейшей ратификации. Так, 2 марта министр энергетики Билл Ричардсон заявил в Национальном пресс-клубе, что «весь кабинет будет задействован, чтобы добиться ратификации», и что, по его мнению, шансы прохождения договора через сенат *больше чем 50 на 50*, если он будет поставлен на голосование в сенате. Как известно, для ратификации международных соглашений сенатом требуется 67 голосов. Последние опросы общественного мнения показывают, что трое из четырех опрошенных поддерживают ратификацию ДВЗЯИ. 1 апреля госсекретарь Мадлен Олбрайт вновь подтвердила, что, по убеждению администрации, «пришло время ратифицировать ДВЗЯИ – в этом году, в ходе нынешней сессии (сената), сейчас».

Российская Федерация. Президент России Борис Ельцин до сих пор не представил ДВЗЯИ на ратификацию Федерального Собрания. В официальных правительственных кругах на соответствующие вопросы обычно дают ответ, что *идет интенсивная подготовка* к представлению договора на ратификацию. Но, конечно же, в правительстве и прежде всего в наиболее заинтересованных ведомствах – МИДе, Минатоме и Минобороны в полной мере отдают отчет в сложности прохождения договора через Государственную Думу, особенно в нынешнем политическом контексте. Среди депутатов существуют немалые сомнения и по существу договора о запрещении ядерных испытаний, и в том, что касается взаимосвязи этого договора с другими аспектами ограничения ядерных вооружений и международной безопасности в целом.

Из стран бывшего СССР договор ратифицирован только Азербайджаном, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном. В комитетах Верховной Рады Украины ДВЗЯИ рассматривается уже в течение достаточно длительного времени. Коммунистическая фракция блокировала ратификацию этого, как и ряда других международных соглашений, до тех пор, пока украинским парламентом не будет принято решение о его вступлении в Межпарламентскую Ассамблею СНГ. Сейчас это препятствие снято, однако, судя по настроениям представителей левых фракций,

особенно в связи с событиями в Югославии, быстрого прохождения договора в Верховной Раде ожидать не приходится.

Китай. Каких-либо сведений о процессе и перспективах ратификации ДВЗЯИ Китайской Народной Республикой в средства массовой информации пока не поступало. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что китайские представители при всяком удобном случае допускают критические, иногда весьма резкие, замечания по поводу ядерных испытаний, проведенных Индией в мае 1998 года. Из этого можно предположить, что до тех пор пока индийское правительство не присоединится к договору, со стороны Китая вряд ли можно будет ожидать шагов по ратификации ДВЗЯИ. Представляется, что затяжка ратификации Соединенными Штатами и Россией также будет использоваться китайским руководством для того, чтобы не форсировать свои возможные действия в связи с договором. Необходимо учитывать и то, что Китай категорически выступает против отмены или изменения договора ПРО, с чем ряд американских сенаторов, как отмечалось выше, связывает одобрение договора о запрещении ядерных испытаний.

По сообщению информационного агентства *Киодо Цусин* от 3 марта со ссылкой на официальных представителей МИД Японии, японское внешнеполитическое ведомство в ноябре 1998 года предприняло демарши перед 29 правительствами с просьбой ускорить ратификацию ДВЗЯИ. От 18 стран, включая Китай, пришли сообщения, что договор будет ратифицирован в скором времени. Остальные 11 стран, включая США, Россию, Индию, Пакистан и Израиль, как сообщило японское информационное агентство, ответили, что они еще не готовы ратифицировать договор. 26 марта председатель КНР Цзянь Цземинь заявил на Конференции по разоружению, что «китайское правительство вскоре представит договор на ратификацию Всекитайского собрания народных представителей».

Индия и Пакистан. Премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай заявил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 1998 года, что Индия придерживается добровольного моратория на ядерные испытания и выражает «готовность двигаться в направлении юридического оформления этого обязательства». Индия «вступила в обсуждение с ключевыми партнерами ряда вопросов, включая ДВЗЯИ. Мы готовы довести это обсуждение до успешного

завершения, с тем чтобы вступление в силу ДВЗЯИ не затянулось позднее сентября 1999 года. Мы ожидаем, что другие страны, приведенные в статье XIV ДВЗЯИ, присоединятся к этому договору без условий».

Премьер-министр Пакистана Наваз Шариф, выступая на сессии ООН 23 сентября 1998 года, заявил, что его страна придерживается моратория на ядерные испытания, и поддержал присоединение к договору одновременно обоих государств Южной Азии – Пакистана и Индии. Он подчеркнул, что «все государства, обладающие ядерными возможностями, включая Индию, должны присоединиться к ДВЗЯИ, прежде чем договор может вступить в силу, и Пакистан будет возражать против любых попыток изменить это фундаментальное требование [...] Пакистан готов присоединиться к договору до конференции», предусматриваемой статьей XIV.

Со стороны администрации США предпринимаются определенные шаги по вовлечению Индии и Пакистана в договор. Заместитель госсекретаря Струоб Тэлботт совершил не одну поездку в регион, чтобы побудить обе страны присоединиться к договору, однако пока безуспешно. В мае-июне он предполагает вновь встретиться с ответственными представителями обеих стран.

20–21 февраля в Лахоре (Пакистан) состоялась встреча премьер-министров двух государств субконтинента. В опубликованной по ее итогам совместной декларации было заявлено, что «будут незамедлительно предприняты меры по уменьшению опасности случайного или несанкционированного применения ядерного оружия» и что будут делаться предварительные оповещения об испытательных запусках баллистических ракет. В Лахорской декларации говорится о намерении сторон продолжать придерживаться моратория на ядерные взрывы. Между Атал Бихари Ваджапай и Навазом Шарифом обсуждался и вопрос о присоединении к ДВЗЯИ, но никакого решения принято не было.

По сообщению агентства *France Press*, выступая по индийскому телевидению 18 марта, премьер-министр Атал Бихари Ваджапай заявил, что «Индия не станет препятствием для введения ДВЗЯИ в действие. Однако для того чтобы Индия смогла рассмотреть все аспекты договора, должна быть создана соответствующая атмосфера. Экономические

санкции все еще в силе, международные финансовые учреждения не предоставляют нам займы, не решен вопрос о запрете на передачу нам технологий».

Как сообщили информационные агентства, в тот же день министр иностранных дел Пакистана Сартаи Азиз в письменном ответе на парламентский запрос информировал, что «Пакистан, возможно, подпишет ДВЗЯИ до сентября 1999 года, [...] но это может произойти только если будут созданы условия, исключающие давление на страну, и это (подписание) будет признано как отвечающее высшим интересам страны». Сартаи Азиз отметил улучшение за последнее время обстановки вокруг Пакистана, что облегчает подписание им ДВЗЯИ. В частности, процесс предоставления Пакистану займов международными финансовыми организациями, приостановленный после проведения ядерных испытаний, сейчас возобновился, США возвратили деньги, выплаченные Пакистаном в прошлом за поставки истребителей F-16, постепенно ослабляются санкции, установленные Японией и некоторыми другими странами.

Между тем в последнее время между Индией и Пакистаном явно усиливается гонка ракетных вооружений. 11 апреля в Индии было произведено успешное испытание ракеты *Агни-2* дальностью две с половиной тысячи километров, способной нести ядерный боезаряд. Ракета может поразить цели на всей территории Пакистана и на значительной части китайской территории. 14 апреля Пакистан объявил об испытании своей новейшей ракеты *Гхаури-2* дальностью две тысячи километров, также способной нести ядерный боезаряд и накрыть цели на всей территории Индии.

Израиль подписал договор, но каких-либо сведений о перспективах его ратификации кнессетом пока не поступало. Не имеется данных и о том, каковы намерения в отношении договора у Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), входящей в число 44-х государств, которая договор не подписывала.

В том, что касается конференции участников договора по статье XIV, планируемой на начало октября, то обсуждаются два возможных места ее проведения – Вена, где размещается штаб-квартира временного технического секретариата Подготовительной комиссии будущей Организации ДВЗЯИ, и

Нью-Йорк. На состоявшейся в январе в Вашингтоне встрече представителей неправительственных организаций различных государств, проявляющих заинтересованность в скорейшем вступлении в силу договора, в которой участвовал и автор этих строк, большинство высказывалось за созыв конференции в Нью-Йорке. При этом основной довод в пользу такого решения сводился к тому, что проведение конференции в штаб-квартире ООН, да еще в ходе работы Генеральной Ассамблеи ООН, привлечет к ней больше внимания и, следовательно, позволит ей оказать более существенное влияние на ускорение вступления в силу договора.

Но так или иначе, число полноправных участников конференции вряд ли будет намного больше тридцати-сорока, а количество тех стран, от которых зависит вступление ДВЗЯИ в силу, скорее всего, если судить по сегодняшним прикидкам, не превысит и двадцати. При этом ни Россия, ни Соединенные Штаты в число полноправных членов конференции не попадут и в принятии решений участвовать не будут, Россия – наверняка.

Так что перспективы скорого вступления Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в силу на сегодняшний день выглядят достаточно отдаленными. И Россия, которая всегда столь активно и энергично выступала за полный запрет ядерных взрывов, играет сейчас пассивную роль, не отвечающую ее статусу в мире и ее влиянию на ход мировых событий. При всей сложности ситуации с ратификацией международных договоров Федеральным Собранием и несмотря на предстоящие в конце нынешнего года выборы в Государственную Думу представляется, что уж во всяком случае исполнительной власти, то есть президенту РФ, следовало бы не затягивая внести ДВЗЯИ на ратификацию российского парламента, продемонстрировав тем самым твердую волю России содействовать вступлению этого договора в силу.■

¹ Австралия, Австрия, Алжир, Аргентина, Бангладеш, Бельгия, Болгария, Бразилия, Венгрия, Вьетнам, Германия, Египет, Заир, Израиль, Индия, Индонезия, Иран, Испания, Италия, Канада, Китай, Колумбия, КНДР, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Пакистан, Перу, Польша, Республика Корея, Российская Федерация, Румыния, Словакия, Соединенное Королевство, США, Турция, Украина,

Финляндия, Франция, Чили, Швейцария, Швеция, Южная Африка, Япония.

Как сообщал журнал *The Bulletin of the Atomic Scientists* в номере за март/апрель 1999 года, столь сложный порядок вступления договора в силу был принят в основном по инициативе английского консервативного правительства Джона Мейджора,

поддержанного правительствами России и Китая. Джон Мейджор считал необходимым неременное участие в договоре Индии, Пакистана и Израиля.

² Daryl G. Kimball. Holding the CTBT Hostage in the Senate: The *Stealth* Strategy of Helms and Lott. *Arms Control Today*, June/July 1998, pp.3–9

Вышли в свет в марте – апреле 1999 года

- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. № 05. Том 49.* Март 1999. Цена 1250 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. № 06. Том 50.* Март 1999. В номере: «Политическая ситуация в России и правительство», «Косовский кризис свидетельствует о провале стратегии премьера Примакова», «Россия становится основным источником новых технологий для перевооружения китайской армии» и др. Цена 1250 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. № 07. Том 51.* Апрель 1999. В номере: «Встреча в верхах лидеров СНГ – закат Содружества?», «Программа Нанна-Лугара сталкивается с серьезными юридическими и налоговыми проблемами. Россия пока не готова их решать» и др. Цена 1250 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей. № 08. Том 52.* Апрель 1999. В номере: «Война в Косово как фактор российской внутренней политики», «Конфликт в Югославии показал: Россия не знает, что делать с ядерным оружием» и др. Цена 1250 руб. (включая доставку с курьером или по электронной почте).

см. также с. 60

Полемика**ОБ УЧАСТИИ РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ
КОМИССИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ДВЗЯИ И ПЕРСПЕКТИВАХ
ВСТУПЛЕНИЯ ДОГОВОРА В СИЛУ****Сергей Решетников****первый секретарь департамента по вопросам безопасности и разоружению
МИД Российской Федерации**

Подготовительная комиссия Организации по договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПКОДВЗЯИ) учреждена на основе консенсусной резолюции, принятой 19 ноября 1996 года в Нью-Йорке на встрече государств, подписавших ДВЗЯИ. Основными задачами комиссии являются создание до вступления договора в силу международного механизма контроля за его соблюдением, подготовка нормативных документов, регламентирующих административно-финансовую и прочую деятельность комиссии и будущей организации по ДВЗЯИ.

В ходе состоявшихся до настоящего времени семи сессий комиссии, а также многочисленных встреч ее рабочих органов принят целый ряд документов, необходимых для продвижения подготовительного процесса и функционирования временного технического секретариата (ВТС), который является оперативно-функциональным механизмом комиссии и имеет статус международной организации.

Россия как один из основных разработчиков ДВЗЯИ принимает активное участие в деятельности комиссии, что подтверждает нашу приверженность целям и задачам договора.

В последнее время дискуссия в комиссии была сфокусирована на темпах создания верификационного механизма ДВЗЯИ и, соответственно, уровне финансирования связанных с этим работ, на которые приходится более 70% ежегодного бюджета комиссии. Согласно договору, основными элементами этого механизма являются Международная система мониторинга (МСМ), которая в перспективе будет объединять 321 объект, способные регистрировать по всему земному шару сейсмические, радионуклидные, инфразвуковые и гидроакустические данные; поддерживающий деятельность МСМ Международный центр данных (МЦД), а также инспекции на месте (ИНМ).

Западные страны (США, члены ЕС, Австралия, Канада и другие) настаивают на ускоренных темпах создания верификационного режима (не позднее 2001 года). По их мнению, функционирующий де-факто механизм проверки соблюдения договора был бы весомым аргументом, доказывающим готовность ДВЗЯИ к применению, и явился бы дополнительным стимулом политического воздействия на те страны, которые пока воздерживаются от подписания или ратификации ДВЗЯИ, а также сдерживающим фактором для любого потенциального нарушителя.

Другая группа государств (Япония, Китай, Мексика и большинство развивающихся стран) выступает за более взвешенный и прагматичный подход, в том числе с учетом реальных перспектив вступления ДВЗЯИ в силу. Такой подход предусматривает постепенное наращивание усилий и расходов на формирование режима проверки к 2005–2006 годам. Россия в данном вопросе в целом близка к этой позиции.

Эти два подхода, пожалуй, в наиболее острой форме проявились в ходе последней сессии подготовительной комиссии, состоявшейся в ноябре. Накал дискуссии не исключал проведение голосования по бюджету комиссии на 1999 год, что могло бы создать весьма нежелательный прецедент, поскольку работа комиссии строится на принципе консенсуса. В результате усилий по нахождению компромисса удалось выйти на общеприемлемый вариант: сумма бюджета на 1999 год была согласована на уровне 74,5 млн долл. при том понимании, что с учетом неиспользованных в 1997–1998 годах средств фактический размер взносов государств в бюджет комиссии будет уменьшен. (Взнос России в 1998 году составлял 2,5 млн долл., или 4,3%). Важно, что при этом сохранен предусмотренный ранее объем финансирования работ на тех объектах МСМ, которые улучшают ее возможности по региону Южной Азии, что, на наш взгляд, особенно

актуально в свете проведенных там в мае 1998 года ядерных испытаний.

Недавно ВТС провел тендер на создание Глобальной системы связи (ГСС), которая будет обеспечивать передачу по каналам спутниковой связи данных от станций МСМ в МЦД в Вене и оттуда – государствам-участникам договора. Победителем тендера стал консорциум *Хьюз Оливетти Телеком*, с которым подписан десятилетний контракт на сумму порядка 70 млн долл. В настоящее время Россия, как и другие заинтересованные государства, работает над определением конфигурации и формы подключения к ГСС.

Одним из вопросов, влияющих на темпы создания верификационного механизма, является заключение двусторонних соглашений между ВТС и странами-членами комиссии относительно работ по созданию, модернизации и функционированию объектов МСМ до вступления ДВЗЯИ в силу. Еще в мае 1997 года комиссия одобрила типовой проект такого соглашения, однако на сегодняшний день ВТС смог заключить лишь одно такого рода соглашение с Канадой. Причины задержки – сложности юридического характера, связанные с внутренним законодательством многих стран в отношении предоставления привилегий и иммунитетов персоналу ВТС, а также освобождения ввозимого оборудования от налогов и прочих сборов.

В этих условиях ВТС был избран прагматический путь, а именно: проведение соответствующих работ на основе обмена письмами с государствами-членами комиссии. С целью начала работ на российских объектах МСМ нами в июне 1998 года был осуществлен обмен письмами с ВТС о проведении обследования площадок размещения таких объектов. Заключен контракт между ВТС и российским подрядчиком – Научно-исследовательским институтом импульсной техники (НИИИТ Минатома) на сумму 660 тыс. долл. для проведения обследования 12 площадок до конца 1998 года.

В комиссии с интересом восприняты предложения России о возможности проведения у нас в 1999 году специального курса обучения в области инспекций на месте и вводного курса обучения по проблематике МСМ для стран Восточной Европы. В бюджете комиссии на 1999 год предусмотрены соответствующие средства.

Еще одна тема в работе комиссии – налогообложение при проведении ВТС работ по созданию механизма проверки соблюдения ДВЗЯИ. Взимание прямых и косвенных налогов при осуществлении таких работ в странах накладывает дополнительное бремя на бюджет комиссии (порядка пяти миллионов долларов). ВТС неоднократно ставил вопрос об освобождении от таких выплат. Однако целый ряд государств, включая и Россию, не может согласиться на изъятие *налоговых денег* из бюджета комиссии, поскольку внутреннее законодательство не позволяет осуществлять подобное освобождение до вступления ДВЗЯИ в силу. Как представляется, наиболее реалистичный выход – урегулирование этой проблемы на двусторонней основе, между ВТС и соответствующим государством, при заключении соглашения о проведении работ по созданию и модернизации объектов МСМ.

За истекшие более чем два года комиссия заметно продвинулась в разработке нормативных документов в финансовой и кадровой областях. Приняты новые Финансовые правила и собственные Положения о персонале ВТС (до этого ВТС руководствовался соответствующими документами ООН). Положения о персонале юридически закрепляют некарьерный характер службы в ВТС. Комиссия поручила своей Рабочей группе по административно-бюджетным вопросам активизировать на базе этого документа разработку Правил о персонале, где будут конкретизированы предельные сроки службы в секретариате, уровень и объем вознаграждения сотрудников ВТС и другие аспекты кадровой политики организации.

Исходя из целей и задач подготовительной комиссии, важности самого договора с точки зрения национальных интересов России, нами придается важное значение продвижению российских представителей в ВТС на должности уровня принятия решений. На сегодняшний день в ВТС работает 161 сотрудник – 94 на профессиональных постах, которые представляют 55 государств. Россия имеет пять профессиональных постов, включая один Д-1 (директор департамента по инспекциям на месте), а также два технических поста (G-6).

Статья XIV ДВЗЯИ предусматривает, что в случае если через три года после годовщины открытия ДВЗЯИ для подписания не будет выполнено основное условие его вступления в силу, то может быть созвана конференция

государств, ратифицировавших договор, для рассмотрения мер, которые могут быть приняты для ускорения процесса ратификации с целью содействия его скорейшему вступлению в силу. Формулировки статьи XIV не дают вместе с тем каких-либо оснований рассматривать такую конференцию, как имеющую полномочия изменить или снять основное условие вступления ДВЗЯИ в силу. Несмотря на очевидную противоречивость формулировки статьи XIV по срокам проведения первой такой конференции (через три или четыре года после открытия ДВЗЯИ для подписания), большинство государств, исходя из политических соображений, склоняется к тому, чтобы созвать ее уже осенью 1999 года.

Россия в принципе не возражает против возможного созыва такой конференции осенью 1999 года, при том понимании, что такое решение, если оно будет принято, не создаст прецедента для толкования других положений договора.

Проходившие в последние месяцы в Вене неофициальные консультации с участием государств-ратификантов и государств, подписавших договор, в основном были сосредоточены вокруг сроков, места проведения, организационных и финансовых аспектов конференции. По общему мнению участников консультаций, в конференции должен принять участие максимально широкий круг государств, как подписавших договор, так и не подписавших его. Итогом конференции могло бы стать принятие краткой декларации, в которой констатировалось бы положение дел с подписанием и ратификацией ДВЗЯИ, созданием верификационного механизма, содержался бы призыв к государствам, не присоединившимся к ДВЗЯИ, особенно к тем, от кого зависит выполнение условия его вступления в силу, сделать это как можно скорее.

Ряд западных стран, прежде всего Австралия и Канада, продвигает идею использования механизма *временного применения* ДВЗЯИ, что, по их мнению, позволило бы активизировать процесс ратификации договора.

Россия считает идею *временного применения* ДВЗЯИ чрезвычайно опасной. Ее осуществление привело бы к размыванию связующего звена между нераспространенческими аспектами и универсальным характером договора, которое с большим трудом удалось заложить в условия вступления ДВЗЯИ в силу, и ослаблению политического давления на те страны, которые в контексте ДВЗЯИ имеют ключевое значение для укрепления режима нераспространения ядерного оружия. Кроме того, подобный шаг может создать негативный прецедент для начинающих на Конференции по разоружению в Женеве переговоров по запрещению производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия.

В вопросе ратификации ДВЗЯИ Россия учитывает общую ситуацию вокруг договора, позиции других ядерных держав, а также ход процесса подписания и ратификации договора другими странами, чье присоединение к нему необходимо для вступления ДВЗЯИ в силу. На рабочем уровне уже начался подготовительный процесс к внесению договора на ратификацию в Государственную Думу.

Роль, которую призван сыграть ДВЗЯИ, будет выполнена при условии обеспечения его универсального характера. Прежде всего, необходимо добиться подписания ДВЗЯИ всеми *пороговыми* странами. В данном контексте приветствуем заявления премьер-министров Индии и Пакистана на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН о намерении подписать ДВЗЯИ. Сейчас требуются практические шаги Дели и Исламабада и этом направлении. ■

Полемика**ДВЗЯИ И ПОДДЕРЖАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ****Евгений Маслин****консультант ПИР-Центра**

ДВЗЯИ разрабатывался в рамках Женевской конференции по разоружению с января 1994 года, принят 50-ой сессией Генеральной Ассамблеи ООН и открыт для подписания 24 сентября 1996 года. Появление договора было неизбежно, так как начиная еще с первого испытания ядерного устройства, стали раздаваться требования общественности по запрещению ядерных испытаний. Достаточно вспомнить знаменитый манифест Рассела–Энштейна. Такие требования раздаются и по настоящее время.

ДВЗЯИ стал логическим продолжением целого ряда договоров, в том числе, и ДНЯО. По моему глубокому убеждению, ДВЗЯИ нуждается в развитии: необходимо четче определить санкции в случае его нарушения, порядок выхода из договора и т.д.

С какой целью проводились ядерные испытания? *Во-первых*, они подтверждали теоретические расчеты при разработке новых образцов ядерных зарядов, при определении стойкости различных видов военной техники к поражающим факторам ядерного взрыва. *Во-вторых*, ядерные испытания позволяли проверить состояние, в первую очередь надежность и безопасность, имеющихся в эксплуатации боеприпасов. Это очень важный момент, потому что в такой сложной технологической системе, какой является ядерный боеприпас, происходят изменения, связанные со старением материалов, могущие, образно говоря, несколько *расшатать* эту сложнейшую систему, в том числе, и в плане безопасности. *В-третьих*, около 30% всех взрывов в Советском Союзе были проведены в интересах дальнейшего развития науки, а также совершенствования ядерных устройств для промышленных взрывов в мирных целях.

Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний, естественно, привело к замедлению работ по созданию ядерных боеприпасов третьего поколения, то есть затормозилось так называемое *вертикальное* распространение ядерного оружия. Запрещение ядерных испытаний в значительной степени предотвращает также и *горизонтальное* распространение ядерного оружия, что, конечно, можно только

приветствовать. Правда, полностью полагаться на запрещение ядерных испытаний для предотвращения распространения ядерного оружия нельзя. Известно, что одна из американских бомб – *Толстяк* – не прошла предварительных испытаний. Нет достоверных сведений об испытаниях в ЮАР, хотя эта страна создала собственное ядерное оружие. Поэтому не стоит переоценивать запрет испытаний как средство предотвращения распространения ядерного оружия, особенно если речь идет о создании примитивных ядерных устройств.

Что касается проведения ядерных взрывов в мирных целях, то отказ от них не обоснован. Конечно, их надо было бы проводить при жесточайшем международном контроле, со всевозможными экспертами и экспертизами. При проведении взрывов в интересах науки совершенствовались знания фундаментальных основ науки, углублялось понимание процессов ядерного взрыва, и это понимание позволяло постоянно поднимать КПД использования ядерной энергии, извлекать все больше ядерной энергии, в целом, получать новые знания, что необходимо для развития науки.

Заключение ДВЗЯИ – это, конечно, политическое решение. Принималось оно, так сказать, *через колено*. Специалисты-ядерщики как раз и ломались через это *колено*, понимая, что им придется столкнуться с серьезной проблемой безопасности и надежности ядерных арсеналов.

В США еще в 1994 году, когда только началась работа по разработке ДВЗЯИ, стали финансировать программу поддержки боезапасов, которая рассчитана приблизительно на 15 лет. Эта программа включает в себя:

- повышенный уровень разработок в области передовых вычислительных систем для расширения возможности компьютерного моделирования в области взрыва ядерных боеприпасов;
- повышенный уровень разработок в области наземных экспериментальных программ, таких, как гидродинамические испытания, мощные лазеры,

инерциальный ядерный синтез, физика плазмы, исследования в области материалов;

- поддержку проектов строительства других установок для наземных экспериментов с целью оценки процессов в ядерном оружии.

В этой программе просматривается желание сохранить основу нынешних возможностей Лос-Аламоса и Ливермора в области разработок ядерного оружия путем наращивания возможностей компьютерного моделирования и исследований в области физики оружия с использованием ряда крупных экспериментальных установок, большинство из которых предстоит построить, и которые могут потребовать капиталовложений в несколько миллиардов долларов.

В России, так же как и в других ядерных странах, имеется определенная система поддержания уверенности в своем ядерном арсенале: его безопасности, надежности и стойкости к различным воздействиям. Эта система ориентирована на опыт Советского Союза и России, условия страны и ее возможности. К слагаемым этой системы относятся критерии безопасности (в разных странах они свои) и научно-технологическая база, включающая: расчетно-теоретическое моделирование, физическое моделирование, газодинамические исследования, моделирование воздействий, технологию изготовления боеприпасов. Основная часть деятельности по поддержанию боезапаса связана со строгим соблюдением устанавливаемых процессов разработки ядерных боеприпасов, нормативов и требований. Эти требования опираются как на результаты конкретных исследований, так и на всю совокупность знаний и данных, накопленных в ядерной оружейной области за многие годы. В этой части предусмотрены, в числе других работ, строго регламентированные операции по обслуживанию боеприпасов в стационарных хранилищах и в составе комплексов, контрольные операции различного типа, проводимые с боеприпасом или его комплектующими узлами, гидродинамические эксперименты (в рамках ДВЗЯИ).

В настоящее время Россия испытывает не только финансовые трудности — было

упущено время. Пока Советский Союз выступал с инициативами и заявлял об односторонних мораториях, другие ядерные державы проводили испытания и получали данные, которые использовались не только для создания новых боеприпасов, но и для обеспечения возможностей поддержания и развития их ядерных арсеналов в условиях действия ДВЗЯИ.

Целесообразно проведение в рамках ДВЗЯИ многосторонних обсуждений вопросов безопасности между всеми официально признанными, а, возможно, и неофициальными ядерными державами. Ведь Индия и Пакистан, испытывая свои ядерные устройства, намеривались в конце концов присоединиться к договору.

Естественно, такое международное сотрудничество должно проводиться с учетом национальных интересов и секретности. В результате повысится уверенность всех заинтересованных сторон в безопасности их запасов ядерного оружия. Некоторые подвижки здесь уже есть. Например, консультации между США и Францией, которые позволили убедить Францию в необходимости скорейшего принятия решения по ДВЗЯИ. Вместе с тем имеют место и отрицательные моменты. Например, отказ США продать России мощные современные компьютеры, несмотря на наличие предварительной договоренности.

Благодаря российским ученым — высокоталантливым специалистам, патриотам и энтузиастам своего дела, ядерный комплекс России может функционировать довольно долгое время. Но все будет зависеть от того, насколько успешно будут выполняться научные и технологические программы, в том числе и программа по обеспечению безопасности существующего ядерного оружия.

Наличие у России боеготового, безопасного, надежного арсенала ядерного оружия очень важно именно сегодня — в условиях экономического кризиса и ослабления вооруженных сил, когда только наличие ядерного оружия позволяет стране иметь дополнительные аргументы при отстаивании своих политических и экономических интересов, своей национальной безопасности. ■

Сообщения**К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ В РОССИИ**

Лицензирование является ведущим в списке из десяти основных пунктов в системе регулирования *чувствительного* экспорта, причем сложности в реализации этого пункта растут пропорционально количеству принимаемых регламентирующих актов.

Институционально выдача лицензий осуществляется министерством торговли через уполномоченных в регионе. Функцию рабочего органа осуществляет Федеральная служба по валютному и экспортному контролю (ВЭК) (выдача заключения о возможности экспорта предметов двойного назначения и возможности контрактов, связанных с поставкой критических ядерных предметов). Функция общей координации, первоначально возложенная на Экспортконтроль (под руководством одного из первых вице-премьеров), передана в Совет безопасности. Заключение для некретического ядерного экспорта выдает Минатом. Для передачи критического ракетного оборудования, помимо разрешения ведомств, требуется специальное разрешение правительства.

Все лицензии делятся на генеральные и разовые. Генеральные лицензии оформляются на каждый вид экспортируемого товара на основании решения правительства на определенный срок. Такие лицензии выдаются предприятиям, которые имеют крупные экспортные контракты на продолжительное время (*Техснабэкспорт*, *Зарубежатомэнергострой*, *Атомэнергострой*, концерн ТВЭЛ – торговые посредники Минатома, Главкосмос – торговый посредник РКА, *Атомэнергоэкспорт* – коммерческий посредник министерства торговли в области атомных контрактов, *Росвооружение* и некоторые другие. Уполномоченные предприятия-производители могут подписывать контракты на сумму до пяти миллионов долларов. Разовые лицензии выдаются сроком до одного года для осуществления одной экспортной операции (для продукции двойного назначения выдаются только разовые лицензии).

Существуют разные методики подсчета количества рассмотренных и выданных лицензий, связанных с критичным экспортом. Минатом называет цифру около 400 лицензий,

выданных за 1997 год, вероятно, включая в эту цифру поставки оборудования, не имеющего непосредственного отношения к ядерному экспорту (например, неядерная часть оборудования реактора); в министерстве торговли говорят о меньшей цифре – около 20 лицензий в месяц.

Особенно сложным стало лицензирование после принятия списка всеобъемлющего контроля (*catch-all*) – список был принят без соответствующих консультаций со специалистами и под жестким давлением США, и является, по мнению специалистов, практически невыполнимым, так как ориентирован на привязку к конкретным странам и не имеет четких критериев отнесения экспорта к *чувствительному*. Кроме того, ни одно из ведомств, осуществляющих практическое лицензирование, не захочет взять на себя ответственность за выданную лицензию. Таким образом, экспортер обречен либо на бесконечное хождение по инстанциям, осуществляющим экспортное лицензирование, либо на несанкционированный экспорт. Практически скандалы с незаконными поставками технологий и оборудования в Иран российскими фирмами являются следствием реализации на практике системы *catch-all*, а также принципа добровольного ограничения экспорта применительно к конкретным странам и предприятиям (так называемые *черные списки*).

Еще одной проблемой является отсутствие запрета на проведение переговоров без предварительных консультаций (подобная практика применяется, например, на Украине) – это сократило бы количество претензий со стороны США об осуществлении контактов в нарушение экспортно-контрольных регламентаций.

Согласно российским нормативным актам, срок выдачи лицензий определен в 25 дней со дня регистрации, однако на практике сроки варьируются – удлиняются, в случае, если экспортер или импортер (или конечный потребитель) неизвестны и если неправильно оформлены документы – от месяца до трех, и укорачиваются, если экспортер и импортер известны и не вызывают подозрений (режим наибольшего благоприятствования при рассмотрении лицензий оказывается предприятиям оборонного комплекса,

торгующим с американскими фирмами в области ракетной техники, если к ним не предъявляются претензии по оформлению документов – до 7–10 дней).

Принятие лицензий – многоступенчатый процесс, где каждая уполномоченная инстанция должна дать положительное заключение. Информация о выданной лицензии и ее параметры (характеристика экспортера и импортера, конечного пользователя, объем или количество экспортируемой продукции, а также стоимость контракта) заносятся в Федеральную базу данных о выданных лицензиях. Максимально тщательно осуществляется проверка компании, подающей лицензию в первый раз, особенно если задействована компания-посредник. Наибольшую сложность представляет определение реального конечного покупателя – для выявления его используются каналы разведывательных органов и торговых представительств. В особо сложных случаях решение о выдаче лицензии принимает Экспортконтроль (под руководством одного из первых вице-премьеров), или вопрос поднимается до правительственного уровня.

Выдача лицензий осуществляется министерством торговли через уполномоченных в субъектах РФ. С 1992 года часть лицензирования товаров передана в регионы, что при регионализации России и тенденции к усилению роли регионов является предметом особой озабоченности (например, Чечня, или Татарстан, который имеет право выдачи лицензии на ракетную и авиационную продукцию).

По объему экспортируемой критической продукции преобладает экспорт химической продукции (поставки химических прекурсоров в дальнее и ближнее зарубежье, прежде всего на Украину, а также в другие республики бывшего СССР¹). По стоимости – доминируют контракты в ядерной и ракетной области² (наиболее значительные контракты – с Индией на поставку разгонных блоков для ракетных криогенных двигателей. Оборудование для испытания и стыковки – 350 млн долл., а также сопутствующее оборудование (экспортирующая организация – Главкосмос); с США на испытание жидкостного ракетного двигателя для выведения на орбиту коммерческих грузов (экспортирующая организация НПО им. Кузнецова, Самара); с Китаем на строительство АЭС в провинции Ляньюньгань и газодвигательного завода по

обогащению урана – на настоящий момент цена подписанных контрактов – около 250 млн долл. (и возрастет до 800 млн долл., когда будут подписаны все контракты) контракта по строительству АЭС, и около 1,5 млрд долл. – на строительство завода; контракт с Ираном на строительство двух блоков АЭС (сумма контракта называется разная, в зависимости от методики подсчета), обсуждается российско-индийский проект *Сагарика*).

Из лицензий, которые отвергаются, 60% – из-за неправильно оформленных документов, 20% – по причинам, не имеющим отношения к валютному контролю (система платежей), 20% – из-за недостаточной информации о конечном потребителе³. По объективным причинам (неясен конечный получатель или параметры контракта) отвергается не более десятка сделок в год. Однако это не значит, что нелегального экспорта не существует – если экспортер подает лицензию на экспорт товара, запрещенного к экспорту, ему указывают на соответствующие нормативные акты в процессе консультаций, и этот факт не фиксируется в статистике, которую ведет министерство торговли. Согласно статистике, около половины экспортеров, которым было отказано в выдаче лицензии, после доработки в оформлении документов подают на повторное рассмотрение, остальные – либо отказываются от идеи экспортировать товар, либо прибегают к нелегальному экспорту. Отсутствие в российской системе экспортного контроля защиты прав экспортера скорее осложняет процесс контроля, чем ужесточает его – не имея прав отстоять возможность экспорта, экспортер идет на нарушение экспортного законодательства и экспортирует товар нелегально.

Другой проблемой является размытость формулировок нормативных актов. Существовавшее ранее понятие стратегического экспорта (стратегические товары определялись как товары, использующиеся в определенное время для обеспечения жизнеспособности страны, то есть мобилизационный резерв) уже не употребляется, распространенные в практике понятия *критический экспорт* и *чувствительный экспорт* также не применяются в нормативных и регулирующих актах, и отнесение того или иного товара к критическому (особенно в сфере товаров и технологий двойного применения) на практике затруднено.

Существенной проблемой, непосредственно связанной с лицензированием, является обмен информацией, который предусматривает обмен информацией на трех уровнях: обмен информацией между предприятием и правительством (информирование как той, так и другой стороны), обмен информацией на межправительственном уровне (как на двустороннем, так и на многостороннем, в рамках режимов), работа спецслужб (международное сотрудничество и информирование правительства, экспортно-контрольных органов и предприятий). Целью информационного обмена должно быть информирование о нормативных актах в области контроля за экспортом и о подозрении в неблагонадежности того или иного импортера или экспортера (в том числе, и об отказе в выдаче лицензии). Основной способ – создание баз данных. В настоящее время создано несколько баз данных: статистика ВЭК (о выдаче экспертных заключений); статистика министерства торговли (о выданных лицензиях и отказе в выдаче лицензий); статистика ГТК (о поданных таможенных декларациях и отказах); статистика ФСБ и статистика Минатома о нелегальных трансфертах чувствительных материалов. Базы данных не связаны и во многом дублируются. Это создает сложности в их использовании и идентификации ненадежных импортеров и экспортеров.

Практическая система решения об экспорте и выдаче лицензий отличается от теоретической. В числе ключевых ведомств, от которых зависит принятие решения об экспорте того или иного чувствительного товара, можно выделить МИД (ДВБР), МВЭС (региональные департаменты, департамент лицензирования, департамент региональных внешнеэкономических связей) с его коммерческой структурой – *Атомэнергоэкспорт* (формально независимой, но традиционно относящейся к МВЭС), Минатом (международный департамент и управление строительства реакторов) и его коммерческая структура – *Зарубежатомэнергострой* (ЗАЭС)⁴, или РКА (и его коммерческий посредник – Главкосмос) – если речь идет о ракетных контрактах, Минобороны (определяет допустимость осуществления контракта с точки зрения ущерба для обороноспособности страны⁵), Экспортконтроль, ВЭК, СВР, ФСБ⁶. МИД определяет допустимость *чувствительного* экспорта, МВЭС занимается экономической частью (кредиты) и лицензированием, Минатом, РКА – реализацией контракта.

Проблема ядерного экспорта также тесно связана с деятельностью Минфина (финансовая часть).

Лоббирование в процессе принятия решения об экспорте

Однако в реальности картина получается иной. В ядерной области Минатом взял на себя функции основного лоббиста и реализатора не только технической стороны контракта, но и переговорного процесса. Притом, что если внутри страны Минатом *душит* Минтопэнерго, то во внешнеэкономических контактах роль *душителя* выполняет в первую очередь Минфин (хотя прежний министр по атомной энергии Виктор Михайлов неоднократно сообщал прессе о противостоянии Минатома нефтяному и газовому лобби, в настоящий момент они заинтересованы в совместном выходе на новые рынки, так как Минатом является не столько коммерческим предприятием, сколько внешнеполитическим инструментом, призванным обеспечивать проникновение на новые рынки, что он и пытается делать). Признавая нерентабельность ядерного экспорта, Минфин неохотно входит в положение Минатома, жестко требует возвращения кредита в твердой валюте. Совместно с Минатомом на те же рынки активно выходит *Росвооружение*, являясь, таким образом, активным сторонником Минатома. РКА, как организация более слабая, менее заинтересована в ракетных контрактах (основную сферу интересов РКА составляют коммерческие контракты в космической области). Роль МИДа в лоббировании или противодействии заключению контрактов стремительно снижается, и прежде всего объясняется на настоящий момент балансом между интересами различных ведомств. Между тем, усилившийся раскол внутри Минатома, наметившийся еще во время последних месяцев пребывания у власти Виктора Михайлова, может негативно сказаться на экспортной политике Минатома и возможности проникновения его на внешние рынки (хотя внешне экспортная политика нынешнего главы Минатома Евгения Адамова выглядит весьма агрессивной, борьба за кресло *рулевого* неизменно влечет к выбросу в прессу компроматов, прежде всего в отношении незаконных коммерческих связей главы Минатома).

Между тем, достаточно активными лоббистами заключения контрактов и выдачи лицензий являются реализующие

предприятия. Отстаивание прав региональных предприятий происходит на уровне Госдумы и Совета Федерации.⁷ Однако эти проблемы скорее относятся не к сфере экспортного контроля, а к внутривнутриполитической борьбе, но позволяют идентифицировать основных действующих лиц.

Механизмы лоббирования и конкуренции являются существенными при принятии решения об экспорте. В отличие от системы экспорта в других странах в России крупный бизнес не принимает существенного участия в решении экспорта – с одной стороны, это связано с тем, что крупный бизнес в России только формируется (или, после августа, с крахом имеющейся банковской системы), с другой, – сфера крайне политизирована, и для бизнеса в России не слишком выгодна. Кроме того, постоянный прессинг со стороны США и традиционный контроль сферы (прежде всего потому что она связана с чувствительными областями и информацией) со стороны государства затрудняет участие в принятии решений бизнеса. Хотя прохождение валютных поступлений должно быть привлекательно для банков (прежде всего это относится не к оплате сделки импортером, а к прохождению кредитов), постоянное внимание к этой области со стороны США, а также оплата большей части ядерных контрактов в товарах и услугах, снижает привлекательность лоббирования той или иной сделки, хотя для региональных банков поступления от оплаты контрактов региональным предприятиям-подрядчикам являются достаточно существенными.

Если говорить о мотивах принятия решения, то доминирующими по-прежнему являются политические, а не экономические мотивы (освоение, или закрепление на рынке региона)⁸, при этом Россия, подписывая положения об ужесточении экспортного контроля, сознательно (под политическим давлением, прежде всего США) идет на ограничение экспорта, наносящее ущерб экономике: это имеет два аспекта, во-первых, ограничение экспорта предприятий, во-вторых, сокращение потенциальных покупателей – зная о «приверженности России политике нераспространения», он скорее обратится в конкурирующую фирму другой страны (прежде всего это касается технологий и оборудования двойного использования – например, турбонасосные аппараты и технические системы, используемые при перекачке нефти)⁹.

Между тем, помимо лоббирования принятия того или иного решения предприятиями-экспортерами и предприятиями-производителями (включая Лигу оборонных предприятий), различными министерствами (в принятии решения участвуют министерство торговли, министерство обороны, ВЭК, министерство экономики, силовые ведомства), в том числе министерством обороны, в борьбу за проталкивание того или иного контракта включаются уполномоченные банки (для Минатома – *Конверсбанк*, *Альфа-банк*, *Внешэкономбанк* (*Техснабэкспорт* обслуживают четыре банка; согласно последнему решению министра Евгения Адамова, все счета Минатома должны быть переведены в *Конверсбанк*), для Главкосмоса – до недавнего времени *Инкомбанк*, *Общемашбанк*, Самарское НПО им. Кузнецова осуществляет платежи через Самарский банк, в региональных поставках задействованы региональные банки).

Представляется, что проблемы передела сфер ответственности за контроль над критическим, с точки зрения нераспространения, экспортом – а эти проблемы, как нам видится, в последнее время обострились, имеют мало общего с самим контролем, который будет невозможен до тех пор, пока не будет найден разумный компромисс между балансом экономических и политических интересов. Если и существуют экономические выкладки, какие экономические потери несет Россия от приверженности тем или иным политическим решениям, они не придаются огласке. И хотя на сегодняшний момент общественное мнение скорее поддерживает решения об ограничении экспорта и его соответствии международным нормам, его реакция на вопросы, связанные с наращиванием военной мощи, позволяют предположить, что если решения о чувствительном экспорте будут преподноситься в прессе не как ослабляющие безопасность страны, а как способствующие ее экономическому росту, они будут более популярны, чем жесткие меры по ограничению экспорта. Тогда экономическая выгода и популярность, возможно, перевесят негативные последствия санкций за нарушения нормативных актов.

Мария Кацва

¹ Пороговые страны не покупают напрямую компоненты химического оружия, а стараются создать у себя научную, производственную и материальную базу, покупая исходные химические материалы и оборудование.

² С точки зрения экспортного контроля, не критичным, но наиболее сложным является экспорт, связанный с базой приборного обеспечения, в Казахстан и на Украину – часть экспортируемых предметов подпадает под категорию 1 РКРТ (для этого было сделано специальное изъятие в РКРТ в отношении сотрудничества России и Украины).

³ По словам представителей контролирующих органов, достаточно частым основанием отказа в выдаче лицензий является юридическая непроработанность контракта – в частности, плохое знание российской стороной, подписывающей контракт с США, американского законодательства в области торговли (например, это послужило одной из причин отказа и последующей доработки контракта Курчатовского института и Ливерморской лаборатории США по теме *Тоназ*).

⁴ Коммерческие организации, реально реализующие проект, были созданы (точнее, выведены за рамки соответствующих министерств) в 1973 году распоряжением правительства с целью монополизации внешней торговли. В ядерной области экономические и юридические вопросы были поручены *Атомэнергоэкспорту*, генеральным поставщиком был назначен ЗАЭС (техническая часть контракта, связи с предприятиями на территории бывшего СССР, командирования сотрудников). Чаще всего предприятия работают совместно. В ракетной области до последнего года существовало еще несколько, кроме Главкосмоса, предприятий, осуществляющих внешнюю торговлю в ракетной области, в том числе, связанную с *чувствительным* экспортом. Согласно постановлениям последнего года, унитарным посредником всего экспорта в ракетной области становится Главкосмос.

⁵ Отказов в выдаче лицензии по соображениям ущерба для безопасности страны за последний год не было.

⁶ ГТК все активнее старается взять на себя регулирующие функции.

⁷ Например, при принятии решения о выдаче экспортной лицензии на аналогичную продукцию *Энергомаш* (Химки, Московская обл.) (РДН-170) или Самарскому НПО *Труд им. Кузнецова* (НК-33, НК-43) самарский губернатор Константин Титов активно лоббировал решение о передаче контракта Самарскому НПО, задействуя Минобороны, выдавшего заключение о целесообразности экспорта двигателей самарского предприятия, не использующихся в стоящей на вооружении технике.

⁸ Интересен в этом отношении контракт на строительство АЭС в Китае – Россия идет на снижение цен по сравнению с мировыми в пять–семь раз и говорит о стремлении закрепиться на азиатском рынке, практически осуществляя строительство в убыток. В аналогичном случае при строительстве АЭС в Кудамкуламе в Индии речь идет о ценах ниже мировых в два-три раза. Ни индийский, ни китайский контракт не предполагают возвращения долга в твердой валюте (долги возвращаются товарами и услугами).

⁹ Интересно, что общественное мнение крайне консервативно и законопослушно в отношении экспорта. По данным фонда *Общественное мнение*, почти половина опрошенных (46%) считают, что России при торговле оружием следует учитывать мнение других стран и мирового сообщества – при этом большая доля приходится на молодых высокообразованных россиян, живущих в крупных городах – то есть людей, в большей степени влияющих на выработку политических решений. Лишь менее трети россиян (29%) выступают за расширение торговли оружием (26% – за сокращение, причем за расширение торговли выступают преимущественно люди с высшим образованием, остальные затруднились с ответом) – для целей опроса торговля оружием подразумевает и критический экспорт.

Библиотека

РОССИЯ И ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ. 1945-1968. Роланд Тимербаев М., Наука, 1999, 383 стр.

Книга Роланда Тимербаева охватывает целую эпоху в истории развития политики Советского Союза в ядерной области и международных отношений после окончания второй мировой войны.

В предисловии автор представил читателю свой труд как исследование о формировании и эволюции политики нашего государства по нераспространению ядерного оружия. Эта тема, действительно, находится в центре внимания исследователя. Но книга не только об этом, ее содержание значительно шире. Наряду с политикой СССР в ней подробно рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с атомной проблематикой и международными отношениями в этой области: развитие подхода США – основного контрагента Советского Союза – к ядерному нераспространению, политика других ядерных держав, особенности позиций основных так называемых *около ядерных* государств в контексте распространения атомных технологий, роль двусторонней и многосторонней дипломатии – международных организаций и конференций, прежде всего ООН и МАГАТЭ в становлении международного режима нераспространения ядерного оружия. Подробно проанализированы основные элементы этого режима (ДНЯО, система международного контроля в рамках МАГАТЭ, соглашения о безъядерных зонах, положения о гарантиях безопасности неядерных государств, о международном сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и т.д.), основные проблемы укрепления системы ядерного нераспространения и пути их решения.

Нельзя сказать, что перечисленным выше вопросам до сих пор не уделялось достаточного внимания в отечественной политологии. На эти темы появилось довольно большое количество научных публикаций, защищены кандидатские и докторские диссертации. Рецензируемая работа отличается от имеющихся публикаций (отечественных и зарубежных) прежде всего тем, что она опирается на огромный фактический материал и на источники, недоступные ранее исследователям. Это – открытые в девяностых годах архивные материалы (из Архива внешней политики

Российской Федерации, Архива президента Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Центра хранения современной документации, а также из ряда архивов США (HIA, LBJ Library, NSA, U.S. NARA), Архива МАГАТЭ). Это и личный опыт, основанный на дипломатической службе в МИДе, на участии в многочисленных международных переговорах по атомной проблематике (последний пост – постоянный представитель при МАГАТЭ и других международных организациях в Вене). Это, наконец, материалы бесед с американскими и другими иностранными экспертами, мемуары участников переговоров по ядерному нераспространению, научно-исследовательская работа в ряде отечественных и американских научных центрах.

Автору удалось внести существенный оригинальный вклад в разработку проблематики ядерного нераспространения, в осмысление нашего ядерного прошлого, в понимание процессов формирования и эволюции подходов СССР и США к задаче предотвращения распространения ОМУ.

Исследование начинается с анализа первых попыток установления международного контроля над атомной энергией. Этот этап в развитии атомной проблемы (совпавший с периодом американской атомной монополии) довольно детально изучен исследователями у нас и за рубежом. Но автор не ограничился приведением и обобщением известных фактов и эпизодов, характеризующих истоки *холодной войны*, советско-американских противоречий по проблеме атомного оружия. Существенным вкладом в историографию генезиса советской политики в этой области являются подробно рассмотренные автором позиции, мнения, настроения крупнейших российских ученых-атомщиков в отношении атомного оружия. Эти материалы, основанные на архивных данных, на воспоминаниях тех, кто создавал отечественный атомный комплекс, вводят в научный оборот новые факты, действительно позволяющие составить многомерное представление о том, как шел процесс формирования советской политики на заре ядерной эры.

Характеризуя сущность этого периода в истории атомной эпохи, автор делает вывод: обе державы не только не продемонстрировали прозорливый государственный подход, проникнутый заботой о будущем человеческого общества, но и заняли непримиримые позиции, что неизбежно привело к гонке вооружений. Найти ответ на вызов, связанный с научно-техническим развитием и созданием ядерного оружия ни обе сверхдержавы, ни мир в целом не смогли.

Автор справедливо оценивает поворот в развитии атомной проблемы, связанный с созданием Международного агентства по атомной энергии, как «важный закладной кирпич в фундамент того здания нераспространения, которое создавалось и становилось все более многоэтажным и многомерным» (с.116).

Большой познавательный – и не только исторический – интерес представляют приведенные автором факты, материалы, суждения, которые показывают, как в условиях *холодной войны*, острого идеологического и политического противостояния, СССР и США смогли осознать общность стратегических интересов в целях недопущения появления новых ядерных государств, пришли к выводу о необходимости остановить этот процесс, *буквально на ощупь* прокладывали путь к установлению глобального атомного порядка, основанного на принципах нераспространения ядерного оружия.

Любознательный читатель, несомненно, с интересом ознакомится с разделами книги, в которых рассмотрены механизмы выработки советских позиций по нераспространению (ЦК, МИД, Минсредмаш и т.д.), различные внутренние ведомственные разработки (аналитические служебные справки, проекты директив делегациям и т.п.), а также суждения автора как участника многих официальных и неофициальных переговоров с США по нераспространению (вначале в качестве советника, а затем – члена или руководителя делегаций).

Весьма поучительно, особенно для современного поколения российских политиков, что сотрудничество по вопросам ядерного нераспространения, зачастую даже доверительное, не прекращалось и в самые острые периоды *холодной войны* (регулярные контакты между двумя странами

поддерживались и постоянно проводились консультации, в том числе на достаточно высоком уровне, например, во время особо сильного обострения двусторонних отношений в начале и во второй половине шестидесятых годов, в начале восьмидесятых годов).

Автор стремился объективно излагать факты и события. Вместе с тем некоторые его оценки носят спорный характер и, как представляется, недостаточно подкреплены документальными материалами и свидетельствами современников. Так, Роланд Тимербаев приводит как заслуживающее доверия утверждение литератора Эдварда Радзинского, что в последние годы жизни Сталин планировал «начать новую Большую войну – войну с Западом» с тем, чтобы «окончательно сокрушить капитализм». Это утверждение базируется лишь на одной цитате из книги чешского историка Карела Каплана, содержание которой к тому же допускает различные толкования (с.62). Тезис Эдварда Радзинского не подтверждают ни архивные материалы, ни многочисленные высказывания Сталина и других членов советского руководства по поводу атомного оружия и опасности его применения, которые приведены в книге Роланда Тимербаева. Остается загадкой, на чем основаны высказанные автором сомнения в способности Сталина в последние месяцы жизни мыслить рациональными категориями. Ведь сам же автор подчеркивает осмотрительность Сталина в атомных делах, его нежелание антагонизировать и провоцировать американскую администрацию (с.49) и приводит оценку, согласно которой военно-политическое руководство в тот период (и в последующие годы) придерживалось принципа ядерного сдерживания в оборонительном варианте, так называемой стратегии выживания (с.63).

Представляется недостаточно сбалансированной итоговая, обобщающая оценка автором американского плана *Атомы для мира* как «шаг вперед в деле ограничения распространения» (с.85). Появление этого плана связано с рядом факторов, среди которых ядерное нераспространение не играло существенной роли. В этой связи заслуживает внимания приведенное в книге высказывание американского эксперта по вопросам политики США в области ядерного нераспространения Питера Клаузена о том, что преобладающее мнение в администрации Эйзенхауэра сводилось к тому, что «распространение

ядерного оружия является делом вероятным, не противоречило бы глубинным интересам США и могло при некоторых обстоятельствах даже послужить интересам страны» (с.116). О некоторых мотивах, побудивших администрацию Эйзенхауэра выступить с планом *Атомы для мира*, упомянуто и в книге Роланда Тимербаева (возложить на Москву ответственность за гонку вооружений в случае отклонения ею этого плана, отвлечь внимание от более радикальных советских предложений по разоружению, увеличить в случае его реализации американское военное превосходство). По-видимому, присутствовали и надежды на то, что обсуждение этого плана, переговоры с Москвой откроют новые перспективы, новые направления поиска проблем, связанных с расширением масштабов использования атомной энергии. Конечно, в последующие годы американская официальная позиция эволюционировала в сторону понимания реальной угрозы дальнейшего распространения ядерного оружия, осознания того, что американским национальным

интересам будет нанесен ущерб при появлении любой ядерной державы, что и привело к принципиальному решению США, принятому в 1966 году, пойти на заключение ДНЯО.

В целом же книга Роланда Тимербаева, дающая как основательное понимание истории нераспространения, так и представление о проблемах, с которыми столкнулся международный режим нераспространения ракетно-ядерных вооружений после окончания *холодной войны*, дает ответы не только на некоторые вопросы прошлого, связанного с освоением человечеством внутриядерной энергии, но и важные уроки, из которых необходимо сделать адекватные выводы нынешнему поколению российских и американских политиков, несущих ответственность за разработку и осуществление ядерной стратегии их соответствующих стран.

Александр Калядин

Новости ПИР-Центра

Вместе с настоящим номером *Ядерного Контроля* многие наши постоянные подписчики получают **брошюру «Проблема создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия»**. Данная работа издана в рамках совместного проекта, осуществленного исследователями из Казахской ассоциации исследователей проблем нераспространения, Международного института политических исследований (Белоруссия), ПИР-Центра, Национального института стратегических исследований (Украина) – так называемая «четырёхсторонняя инициатива по нераспространению» – при поддержке со стороны Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований. Координатором и издателем работы выступила Казахская ассоциация исследователей проблем нераспространения (президент – Гузель Таипова).

В брошюре содержатся следующие главы: «Центральноазиатская зона, свободная от ядерного оружия, и ядерные державы» (Владимир Чумак), «Российская позиция по вопросу создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия» (Иван Сафранчук), «Проект безъядерной зоны в Центральной Азии в контексте региональной безопасности» (Вячеслав Поздняк), «Статус Каспия как одна из проблем ЗСЯО ЦА» (Гузель Таипова).

Данная работа была представлена руководству и экспертам Казахстана, а также других центральноазиатских государств, в ноябре-декабре 1998 года. Теперь она находит новых читателей в России, на Украине и в Белоруссии.

Брошюра «Проблема создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия» поступила в библиотеку по контролю над вооружениями ПИР-Центра, где эксперты могут с ней ознакомиться.

Вместе с настоящим номером *Ядерного Контроля* многие наши постоянные подписчики получают **очередной номер бюллетеня *Энергетика и Безопасность* №6–7 за 1999 год (на русском языке)**. Настоящий сводный выпуск посвящен различным вопросам ядерного разоружения. В нем, в частности, опубликованы материалы:

«Подлинное ядерное разоружение» (Аржун Макхиджани), «Источники ядерной опасности после окончания *холодной войны*» (Аржун Макхиджани), «Ядерный кризис в Южной Азии», «Снижение боеготовности: первый шаг» (Аржун Макхиджани), «Чисто термоядерное оружие?» (Хишам Зерриффи, Аржун Макхиджани), «Договоры недостаточны» (Аржун Макхиджани) и другие.

Этот бюллетень издается на нескольких языках, включая русский, американским Институтом проблем энергетики и окружающей среды (*The Institute for Energy and Environmental Research, IEER*) и распространяется в России ПИР-Центром. При этом ПИР-Центр не несет ответственности за содержание данного бюллетеня. В то же время мы можем оказать содействие в его бесплатном получении. Для этого следует направить заявку на бланке организации в адрес ПИР-Центра. Для получения более подробной информации о бюллетене *Энергетика и Безопасность* рекомендуем обратиться к представительству IEER в Интернет <http://www.ieer.org>.

ПИР-Центр объявляет о **начале нового научно-исследовательского проекта** в рамках программы «Нераспространение и Россия». Проект, осуществляемый совместно с двумя центрами, расположенными в Монтерее (США), – Центром по изучению проблем нераспространения и Центром российских и евразийских исследований, **посвящен исследованию роли российских регионов (краев, областей, республик) и региональных ассоциаций в формировании ядерной политики**, включая вопросы статуса ЗАТО, экспорта материалов и технологий, обращения с ОЯТ, контроля над АЭС, предприятиями и установками ядерного топливного цикла. Будут изучены различные аспекты проблемы, включая правовой, социально-экономический, внутривластный, внешнеэкономический, военный и другие. Особое внимание будет уделено механизму принятия решений на региональном уровне, взаимоотношениям между центром и субъектами федерации. Будут рассмотрены различные сценарии развития ситуации в будущем. Будет детально проанализирована ситуация в отдельных проблемных регионах Северо-Запада, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Работа по проекту стартует 1 июня и рассчитана на период до конца 2000 года. В рамках проекта планируется подготовить два промежуточных и один итоговый доклад, содержащие анализ ситуации, прогноз и рекомендации.

Предложения по проекту от наших постоянных читателей приветствуются.

23 марта директор ПИР-Центра Владимир Орлов **выступил в Центре российских и евразийских исследований** Монтерейского института международных отношений (*Center for Russian & Eurasian Studies, Monterey Institute of International Studies*) с лекцией «Возможные будущие кандидаты на пост президента России и их платформы».

1 апреля директор ПИР-Центра Владимир Орлов **выступил в Центре международной безопасности и сотрудничества** Стэнфордского университета (*Center for International Security and Cooperation (CISAC), Stanford University*) с докладом «Российская политика в области контроля над критическим экспортом и практика ее реализации». Состоялись его встречи с заместителями директора Центра Андрю Качинсом (Andrew Kuchins) и Дином Вилкенингом (Dean Wilkening), а также с директором стэнфордского Института международных отношений (*Institute for International Studies*) Дэвидом Холлоуэем (David Holloway). Обсуждались как вопросы, связанные с перспективами российско-американского стратегического диалога, так и возможности взаимодействия между стэнфордскими центрами, занимающимися проблематикой контроля над вооружениями, и ПИР-Центром.

6–7 апреля директор ПИР-Центра Владимир Орлов **принял участие в международной конференции «Политический кризис и политика России в области безопасности»**, организованной Военно-морской академией США (*Naval Postgraduate School*) и состоявшейся в Монтерее (Калифорния). В конференции приняли участие полковник Виталий Шлыков, заместитель исполнительного директора Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) Александр Белкин, обозреватель журнала *Итоги* Александр Гольц, директор по политическим исследованиям СВОП Андрей Федоров, сотрудник аппарата Государственной Думы Валерий Ярынич, старший научный сотрудник Института Карнеги Томас Грэм (Dr. Thomas Graham),

сотрудник отдела политического планирования госдепартамента США Евгений Румер (Eugene Rumer), представитель по России и Евразии Национального совета США по разведке Джордж Кольт (George Kolt), директор Центра изучения проблем индустриального развития Жак Сапир (Prof. Jacques Sapir), сотрудник отдела изучения зарубежных военных проблем командно-штабного колледжа США Джейкоб Кипп (Dr. Jacob Kipp) и другие.

В ходе конференции были заслушаны и обсуждены доклады «Политическая ситуация в России и ее влияние на политику в области безопасности», «Военная реформа в России», «Политический контроль над военными структурами», «Механизм принятия решений в области национальной безопасности», «Российские СЯС и военная реформа», «Проблемы экспорта обычных вооружений».

19 апреля директор ПИР-Центра Владимир Орлов **выступил на заседании Международного консультативного совета Центра по изучению проблем нераспространения** (*CNS International Advisory Board*).

Заседание было посвящено проблемам российско-американских отношений в области безопасности. Основное внимание участники дискуссий, проходивших за закрытыми дверями и продолжившихся за ужином в резиденции посла Швеции в США Рольфа Экеуса (Rolf Ekeus), уделили резкому обострению двусторонних отношений в результате бомбардировок Югославии войсками НАТО. Участники заседания высказывали порой полярные точки зрения по косовскому кризису, так же расходились и их взгляды на перспективы российско-американских отношений в вопросах контроля над вооружениями и предотвращения распространения ОМУ.

В заседании Совета, проходившего под председательством директора Монтерейского Центра Уильяма Поттера (William Potter) и под патронажем Сэма Нанна (Sam Nunn), приняли участие сенаторы Ричард Лугар (Richard Lugar), Пит Доминичи (Pete Domenici), депутат Государственной Думы Алексей Арбатов (он был основным выступающим за ланчем), заместитель министра энергетики США Роза Гетемюллер (Dr. Rose Gottemoeller), помощник госсекретаря США Джон Холум (John Holum), руководитель Клуба Содружества Калифорнии

(*Commonwealth Club of California*) Глория **Даффи** (Gloria Duffy), президент Монтерейского института международных исследований (*Monterey Institute of International Studies*) Ричард **Крэсно** (Richard Krasno), генерал-майор (в отставке) Роланд **Ладжой** (Roland LaJoie), президент *Kummerfeld Associates* Элизабет **Камерфельд** (Elizabeth M. Kummerfeld), старший советник корпорации *Lockheed-Martin* Роберт **Фурман** (Robert Fuhrman) и другие.

В своем выступлении Владимир Орлов высказал несколько конкретных предложений, которые позволили бы спасти и, возможно, оживить повестку дня российско-американских отношений по вопросам нераспространения, включая программу Нанна-Лугара, но не ограничиваясь ей, при условии, что кризис вокруг Югославии удастся перевести в дипломатическое русло.

С 23 по 25 апреля в Киеве проходил международный семинар «Трехсторонние отношения: Беларусь–Россия–Украина». Семинар был организован Центром мира, конверсии и внешней политики Украины совместно с Центром Улофа Пальме. ПИР-Центр на семинаре представлял научный сотрудник Иван **Сафранчук**. В семинаре приняли участие эксперты из Белоруссии, России, Украины, Польши, Словакии, США,

Швеции, Бельгии. В ходе работы семинара были рассмотрены перспективы создания союза трех славянских государств, а также перспективы развития двусторонних отношений России–Украины, России–Белоруссии и Белоруссии–Украины. Научный сотрудник ПИР-Центра Иван Сафранчук выступил с докладом на тему «Основные задачи российской внешней политики и отношения с Белоруссией и Украиной».

В марте ПИР-Центр получил дополнительный грант от Фонда Альтона Джонса (*W. Alton Jones Foundation*) на цели распространения журнала *Ядерный Контроль*. Грант позволит нам дополнительно увеличить тираж и направлять больше экземпляров российским организациям за пределами Москвы, занимающимся проблемами нераспространения, контроля над вооружениями и экологическими аспектами использования атомной энергии.

Российские предприятия продолжают оказывать поддержку изданию журнала *Ядерный Контроль*. Так, в марте мы с благодарностью приняли помощь на издание журнала от филиала НПО *Радиевый институт* им. Хлопина (аварийно-технический центр) (Санкт-Петербург) и ГРЦ «КБ им. Академика В.П. Макеева».

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Nonproliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 45
Number 3, May – June, 1999

Three major topics of the issue signed for printing on April 30, 1999 are the Kosovo crisis and Russia; issues concerning export control legislation and its implementation; and situation with CTBT entry into force.

Editorial entitled «**Roots of US-Russian Tensions Are Far from Kosovo**», states that «aggravation of the Kosovo crisis and NATO bombings in Yugoslavia in violation of international law contributed to a widespread opinion that US-Russian relations go back to the Cold War period. Moreover, official sources in Moscow and Washington argue that at present the relations pattern is much worse in comparison with the 1970s when both parties followed the unwritten rules to avoid uncontrolled and sudden tensions.

The prevailing of such a position reflects two aspects. First, a part of Russian political elite and its *pocket* mass media see for themselves no ways of political survival in open and democratic society, hence, striving for artificial isolation of the country, following the *basic instinct* of political self-preservation. Second, Yevgeny Primakov's intentions were not comprehended by his counterparts in the West who regard him as a conservative and a hard-liner in relations with the Western powers. The latter try to defeat Primakov, to corner him instead of taking into account Russian interests, which the Russian PM attempts to express in the most delicate and acceptable manner.

However, is it correct to speak about *return to the times of Cold War*? We guess, no. The problem has nothing to do with the Kosovo crisis: it's just a pretext. Root causes of current tensions should be found in early 1990s. After a sudden collapse of the Soviet Union (a pleasant but unexpected surprise even for those who dreamt of it), there was an illusion that everything was possible: global peace, one-polar world system (*Pax Americana*), and strategic partnership between two recent adversaries. In this climate of euphoria politicians considered themselves to be makers of history, they even tried to change the entire stream of history.

New Russian democratic leadership was tempted with the idea of democratic bipolar world. The confrontation was supposed to be replaced by cooperation but the world was to remain bipolar. Cordiality of US officials and their evident concern for new Russian authorities encouraged the latter and assured them in further Western support.»

«Nonetheless,» says the **Editorial**, «it became clear very soon that the role of Russia was to be of minor importance since the USA seized the leading place in generating ideas. Despite high appraisal of Russian success in the first years of democratic and market reforms, it was the USA that had given birth to the concept of market economy and democracy, thus, leaving Russian diplomacy without these trump cards. What role was prepared for Russia? To assist the USA in spreading democratic values all over the world. However, the US Government is not a world government or UN analogue. It upholds American interests, although ideologically disguised with a *struggle for democracy*.

The United States from the point of view of their national interests was right to use Russian weakness in its own interests: this historic opportunity is a rare thing to happen and it should be exploited in full. At the same time, it did not consider one aspect: the US actions managed to convince even some democrats that global changes hadn't affected the essence of international relations, i.e. *balance-of-power* approach as a main criterion determining country's weight in the world.

When Russian democrats realized that the USA struggled not for common interests but solely for its own benefit (though very often US interests coincide with those of its allies) it was like a *cold shower* for them. It became obvious that there could be no independent foreign policy without an idea, without a concept. First wave of democratic foreign policy makers was unable to lay down this concept and, in fact, was not very willing to do that. The urgent demand for a different approach resulted in Yevgeny Primakov's appearance in Russian diplomatic Establishment.

Primakov suggested a new concept of multi-polar world system. One can argue about its advantages and disadvantages, blame it for inner contradictions, or disagree with it entirely. However, it is necessary to admit that this theory can become a methodological foreign policy tool. It is good *for sale* on the world arena, it suits fine for geopolitical debate, and it determines the independence of Russian foreign policy.

Yevgeny Primakov was not willing to spoil relations with the West on purpose. To be frank, his primary mission was to carry out a specific presidential order, i.e. to prevent or to mitigate for Russia NATO expansion to the East. It was a local task, which could not be accomplished without significant changes in the general foreign policy course aimed chiefly at revival of Russian independence in foreign policy matters.

Yevgeny Primakov began to play back. He must have understood that there should have been a point of optimal US-Russian relationship, a combination of non-confrontation and mutual benefit. At the same time, it was clear for him that in early 1990s this point had been left behind.

The USA profiting from short-term close relations with Russia didn't appreciate Primakov's efforts to reach the optimum by *cooling down* relations and getting rid of their declaratory component. The United States left without notice (on purpose rather than unintentionally) very cautious and disguised (but still clear) signals of Yevgeny Primakov, which implied that Russian-US relationship wouldn't be '*better than now*'. At the same time, there was a hint for aggravation of relations, i.e. violent return to the Cold War models, taking into account growing anti-Western and particularly anti-American sentiments. The coming election campaigns (both parliamentary and presidential race) may become a competition of anti-American nominees. At present, the Russian politicians may concede to US pressure to avoid confrontation. But the more Washington gets in short-term perspective from the weakness of current leadership the more difficult it will be to prevent a new Cold War after 2000. Hence, short-term benefits may transform into a great problem in a medium-term perspective in 18 months or so.»

The **Editorial** concludes, «Current tensions may be regarded as pre-determined. Nevertheless, nowadays the parties finally have a chance to play back without vague diplomatic wording and find in a sincere and tough dialogue the golden mean

of US-Russian relations to prevent most pessimistic scenarios of developments.»

In his article entitled «**It Is Naïve to Expect Simple and Easy Decisions in the Export Controls Area in Russia**» Gen. **Gennady Evstafiev**, senior official of the Foreign Intelligence Service (SVR) responsible for arms control and nonproliferation at the SVR, maintains, «Nowadays the threat of unauthorized export of dual-use technologies, scientific knowledge, results of scientific research and bearers of this knowledge (scientists and engineers) should be viewed as the most serious problem. When we touch upon this problem we should bear in mind that it is common for all developed countries and it goes beyond classical export control regime. The United States and Japan seem to have some experience in solving the problem but it hasn't been completely solved yet. What should we do, bearing in mind new serious challenges concerning *intangible* drain of scientific technical information and results of scientific research? This is an urgent matter. [...] No one knows what to do in these circumstances, particularly taking into account our difficult financial situation.»

Sergei Reshetnikov, of the Russian Foreign Ministry, in his article «**On Russian Participation in the Work of the CTBT Organization Preparatory Commission and Prospects of CTBT Entry into Force**» states, «Informal consultations were carried out in Vienna in late 1998 where both the states ratifiers and the states signatories were present. The consultations were basically focused on terms, places for negotiations, organizational and financial aspects of the conference. In general opinion of the consultations participants, a wide range of the states should take part in the conference, both having signed and not having signed the Treaty. The conference could result in accepting a brief declaration about the state of affairs with signing and ratification of CTBT and creation of verification mechanism, and appealing to the states not having joined CTBT (especially those whose joining may influence the Treaty validation) to make it as soon as possible.

We consider the idea of *provisional CTBT application* to be extremely dangerous. Its implementation would result in washing out the link joining nonproliferation aspects and universal character of the Treaty which was hard to create, and in reduction of political pressure on the countries which in the CTBT context are of key importance for strengthening the nuclear

nonproliferation regime. Besides, it may create a negative precedent for the negotiation beginning at the Conference on Disarmament in Geneva, aimed at prohibition of fissile materials production.»

Gen. (ret.) **Yevgeny Maslin**, formerly the head of the 12th GUMO (Main Directorate in charge of nuclear munitions) of the Russian Defense Ministry and now Senior Advisor to the PIR Center, in «**CTBT and Maintenance of Nuclear Arms Safety**» argues that «conclusion of the CTBT is a political decision. It was taken, in fact, with *brute force*. This *force* managed to *break* nuclear experts since they understood that they would have to face a serious problem of nuclear arsenals' safety and security. Russia has a certain system of maintaining its nuclear arsenal, i.e. its security, safety, and its resistance to various effects. We provide for strictly regulated works with munitions in stationary storage facilities and complexes, for different types of control procedures relating to munitions and their assemblies, and for hydrodynamic testing (in CTBT framework). At present, Russia endures not only financial difficulties – we are out of time. While the Soviet Union put forward various peace initiatives and declared unilateral moratoria, other nuclear powers conducted tests and got data that was used not merely to create new munitions but to provide for maintenance and development of existing nuclear arsenals in compliance with future CTBT commitments.»

Gen. (ret.) **Vladimir Belous** in his analysis «**Characteristics and Mission of Modern Neutron Weapons**» states that «in its considerable efforts to cut down nuclear arms the Russian military political leadership proceeds from the fact that there is a possibility of their use

in conflicts as a mighty means of defense. Nuclear arms availability to a number of states, latent (so far) territorial claims to Russia, possibility of large-scale aggression result in a certain probability of nuclear weapons' use in combat. Hence, there should be elaborated a number of appropriate defensive measures to protect territorial integrity, sovereignty and basic geopolitical interests of Russia. In this circumstances, one can hardly deny efficient deterrence potential of neutron weapons.»

Dr. **Alexander Kalyadin**, from the Russian Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), in «**Russia at the Edge of Default in Fulfilling CWC Commitments**» says, «Today Russian program of chemical weapons destruction undergoes a severe test of its durability. Financial situation in 1999 is rather unfavorable for planned continuation of highly costly works envisaged in the program, precisely the construction of socioeconomic infrastructure in the areas of chemical weapons dismantlement. Therefore, continuing financial crisis and the lack of foreign support to the program may delay the process of CW elimination.»

The issue contains **Roland Timerbaev's** «**Prospects of CTBT Entry into Force**», **Nikolai Uspensky** with his «**Export Controls as a Key Element of National Security**», **Maria Katsva's** article on Russian licensing system, **Abram Ioyrysh** comments on recent Criminal Code amendments. Also included are information from «Nuclear and missile dossier», abstracts from files on chemical weapons. We publish the draft bill «On Export Controls» and results of its discussion, involving State Duma deputies and staff.

Об авторах

Белоус Владимир Семенович родился в 1927 году. В 1948 году окончил Днепропетровское артиллерийское училище, затем проходил службу в артиллерийских частях сухопутных войск. В 1962 году окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского по специальности «специальное вооружение». Кандидат технических наук, генерал-майор в отставке (с 1990 года). Автор более 200 научных работ и публикаций по военно-политическим и военно-техническим проблемам. В настоящее время является заведующим сектором военной политики Центра научных исследований Комитета ученых за глобальную безопасность, помощником депутата Государственной Думы. Профессор Академии военных наук.

Гвоздева Светлана Николаевна в 1975 году окончила Свердловский институт народного хозяйства им. Плеханова (Уральский государственный экономический университет), по специальности – экономист. До 1987 года работала в Уральской государственной инспекции пробирного надзора Управления драгоценных металлов министерства финансов СССР. С 1994 по 1996 год – депутат Свердловской областной думы, председатель комитета по экономической политике, бюджету и налогам. С 1996 года – депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета по экономической политике.

Евстафьев Геннадий Михайлович родился в 1938 году. Генерал-лейтенант, возглавляет одно из ключевых направлений Службы внешней разведки России, курирует проблемы нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями. Выпускник Ленинградского университета. Работал в советских посольствах в Пакистане и других странах, в Секретариате ООН. Участвовал в переговорах по разоружению, в выработке соглашений по правам человека. Постоянный автор *Ядерного Контроля*. Среди публикаций – «Девять вопросов о ядерном нераспространении», №1, 1995; «Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается», №6, 1995.

Иойрыш Абрам Исаакович – руководитель группы правовых проблем использования атомной энергии Института государства и права РАН. Доктор юридических наук, профессор. Сфера научных интересов: российское атомное право и международное атомное право. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам атомного законодательства.

Калядин Александр Николаевич – главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. В 1956 году окончил Московский государственный институт международных отношений. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1976 году ему присуждена степень доктора исторических наук. Член-корреспондент Академии военных наук. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор и соавтор многочисленных книг и публикаций по вопросам международной безопасности и контролю над вооружениями. Среди последних публикаций – «Нераспространение: роль России в стабилизации режима ДНЯО», «Перспективы ликвидации химических вооружений и интересы России», Ежегодник Разоружение и безопасность. 1997–1998, *Наука*, 1997; «Проблемы выполнения Россией Конвенции о запрещении химического оружия», Ежегодник СИПРИ 1998, *Наука*, 1999.

Кацва Мария Самуиловна родилась в 1970 году. С 1995 по 1997 год работала в ПИР-Центре. С 1998 года учится в университете Джорджии, работает в Центре проблем международной торговли и безопасности университета Джорджии (США). Занимается вопросами нераспространения оружия массового уничтожения.

Маслин Евгений Петрович родился в 1937 году. В 1959 году окончил Военную Краснознаменную инженерную академию связи им. С.М. Буденного (Ленинград), в 1992 году – Академию Генерального штаба. Служил в ядерно-технических войсках на различных инженерных и командных должностях. С 1992 по 1997 год – начальник 12 ГУМО РФ. Генерал-полковник, действительный член Академии естественных наук РФ. Автор многих статей и редактор монографий, посвященных развитию российских ядерных вооружений, выходивших на русском и иностранных языках. С декабря 1998 года работает консультантом в ПИР-Центре.

Мисюченко Владимир Федорович – кандидат философских наук, доцент. Заместитель руководителя пресс-службы Государственной Думы, доцент кафедры экономической журналистики

и рекламы факультета журналистики Московского государственного университета. В 1970 году окончил МГУ им. М.В. Ломоносова. Около двадцати лет работал в журналистике (Агентство печати *Новости*, *Учительская Газета*). С 1985 года на преподавательской работе в Академии общественных наук (с 1996 года – РАГС при президенте РФ) и на факультете журналистики МГУ. На государственной службе с 1993 года. Действительный государственный советник III класса. С 1977 года – член Союза журналистов, с 1993 года – член-корреспондент международной академии информатизации. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Имеет научные работы по теории и социологии СМИ.

Решетников Сергей Николаевич родился в 1958 году. В 1982 году окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. С 1982 по 1993 год работал в департаменте международных организаций МИД РФ. С 1993 по 1997 год – в постоянном представительстве России при ООН в Нью-Йорке. С 1997 по февраль 1999 года первый секретарь департамента по вопросам безопасности и разоружению МИД РФ.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке). В 1949 году окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 год – в МИД СССР. Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 годы – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 годы – президент ПИР-Центра политических исследований. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения. В феврале с.г. в издательстве *Наука* вышла его книга «Россия и ядерное нераспространение. 1945 – 1968» (многие постоянные читатели *Ядерного Контроля* получили ее вместе с предыдущим номером журнала).

Успенский Николай Николаевич – Чрезвычайный и Полномочный посол. В 1969 году окончил МГИМО и поступил на дипломатическую службу. Работал в советском консульстве в Канаде, посольстве в Великобритании. В 1985–1986 годах в качестве главного переводчика участвовал в переговорах Михаила Горбачева и Рональда Рейгана в Женеве и Рейкьявике. Принимал участие в переговорах по ОСВ и Конференции ООН по морскому праву. В 1985–1990 годах возглавлял 2-й Европейский департамент МИД. В 1990–1991 годах являлся послом СССР в Швеции. В 1992–1995 годах – старший советник 2-го Европейского департамента. В 1995–1996 годах – помощник комиссара Совета государств Балтийского моря по демократическим институтам и правам человека. В 1997–1999 годах – заместитель начальника Управления международной безопасности аппарата Совета безопасности РФ. С января 1999 года возглавляет Управление международных отношений аппарата Совета безопасности РФ.